

ОДЕССА- ГОРОД- ГЕРОЙ

*« За выдающиеся заслуги
перед Родиной, мужество и героизм,
проявленные трудящимися города
Одессы в борьбе с немецко-фашист-
скими захватчиками, и в ознамено-
вание 20-летия победы советского
народа в Великой Отечественной
войне 1941-1945 гг. вручить городу-
герою Одессе орден Ленина и медаль
« Золотая Звезда ».*

*Указ Президиума
Верховного Совета СССР
от 8 мая 1965 г.*

★ ГОРОДА-ГЕРОИ ★

Г. А. КАРЕВ

ОДЕССА- ГОРОД- ГЕРОЙ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1978

ББК 63.3(2)722.11
К22

Карев Г. А.

К22 Одесса — город-герой. — М.: Воениздат, 1978. — 176 с., ил. — (Города-герои).

В пер.: 65 к.

В этом военно-историческом очерке одесского писателя Григория Карева повествуется о замечательном ратном подвиге Одессы в годы Великой Отечественной войны: воссоздается картина 73-дневной героической обороны города, самоотверженной борьбы с врагом партизан и подпольщиков в период оккупации, освобождения Одессы советскими войсками в 1944 г. Этим главам книги предшествует краткий рассказ о славных революционных традициях одесского пролетариата и активном участии трудящихся города в построении социалистического общества в годы предвоенных пятилеток. Очерк знакомит читателя и с послевоенной Одессой, с трудовым пафосом ее рабочего класса и интеллигенции, самоотверженно претворяющих в жизнь величественные планы коммунистического строительства.

К 11202-139 37-78
068(02)-78

ББК 63.3(2)722.11
9(С)27

© Воениздат, 1978

Глава первая

ИСТОКИ

Города, как и люди, имеют свои биографии, возраст, профессии, свой неповторимый облик и даже свою родословную. Городу-герою с миллионным населением — Одессе, городу — носителю славных революционных, боевых и трудовых традиций, пет еще и двухсот лет. Как говорят сами одесситы, Одесса родилась в матросской тельняшке и с оружием в руках. У ее колыбели стоял прославленный русский полководец Александр Суворов.

История Причерноморских земель была сложной и суровой. Во времена Древней Руси на северном побережье Черного моря жили восточные славяне. Затем их оттеснили кочевые племена из Азии. В XIII в. эти благодатные земли захватили монголо-татарские орды, а в XV в. — Османская империя. Захватчики, стремясь увековечить здесь свое господство, создавали укрепления. Одно из них было воздвигнуто у селения Хаджибей на берегах нынешней Одесской бухты. Ранее на этом месте располагалось татарское поселение Качибей, первое упоминание о котором относится к 1415 г. В XV в. оно было разрушено турками, но позже возникло снова уже под названием Хаджибей. Отсюда совершались набеги на Украину, после которых становилось все больше сирот, дымились пожарища разоренных и сожженных хуторов, а на шумных восточных базарах появлялись тысячи угнанных с родной земли мужчин и женщин, которых продавали и покупали, как скот и вещи.

В борьбе за освобождение народов, населявших Причерноморские земли, от иноземного ига огромную роль сыграло братское единство украинского и русского народов, особенно укрепившееся после воссоединения Украи-

ны с Россией в 1654 г. В ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. русские войска, предводительствуемые генералом А. В. Суворовым, добились выдающихся побед при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и заняли такие важные пункты, как Очаков, Кишинев, Бендеры, Аккерман. В середине сентября 1789 г. они подошли к турецкой крепости Хаджибей, перед которой тогда находился весь неприятельский флот.

14 сентября 1789 г. крепость пала. 11 декабря 1790 г. русские войска при содействии гребных судов овладели Килией и сильнейшей крепостью Измаил. Крупными успехами ознаменовались в этот период действия Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова, в том числе Лиманской гребной флотилии О. М. Дерибаса¹. В декабре 1791 г. султанская Турция вынуждена была подписать Ясский мирный договор, по которому Россия закрепила за собой Крым и все северное побережье Черного моря от Днестра до Кубани, искони славянские земли между Южным Бугом и Днестром, в том числе и большую часть территории нынешней Одесской области. Многовековая борьба Русского государства за выход к Черному морю завершилась полным успехом, что имело для России огромное экономическое, политическое и военное значение.

Передовые и дальновидные государственные и военные деятели сразу же обратили внимание на удобство бухты у Хаджибея и пришли к выводу о необходимости построить здесь крепость и порт. По предложению А. В. Суворова инженер полковник русской армии Ф. Деволлан составил проект. В своем детально обоснованном докладе он отметил «доброту» залива, то, что судоходство здесь «может происходить во весь год со всеми ветрами», что тут удобно поместиться «действующим флотам в военное время и устроить гавань для торговли порубежных с Днестром богатых провинций Подолии, Волыни, Галиции». Доклад и проект Деволлана был представлен на

¹ Дерибас Осип (Иосиф) Михайлович — русский адмирал, испанец по происхождению. В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. командовал авангардом при овладении Хаджибеем и Аккерманом (1789) и Лиманской гребной флотилией при взятии Тульчи и Исакчи (1790). Дерибас предложил план штурма Измаила, получивший одобрение А. В. Суворова, и руководил действиями флотилии при взятии крепости.

рассмотрение Екатерины II, и 27 мая 1794 г. последовал ее «высочайший указ» о строительстве здесь военной гавани «купно с пристанью для купеческих судов». Производить работы предписывалось под наблюдением А. В. Суворова. Перед специально учрежденной «особой экспедицией» во главе с боевым соратником Суворова и начальником будущего порта вице-адмиралом Дерибасом и инженером портовых работ полковником Деволланом была поставлена задача в течение пяти лет соорудить гавань и город.

А. В. Суворов

22 августа 1794 г. закладывается военно-торговый порт — основания Карантинного и Платоновского молов, гавани для гребных судов, эллингов и верфи, а 2 сентября того же года была торжественно проведена первая борозда, обозначившая порядок улиц будущего города, и легли камни в фундамент первого здания. Этот день и стал днем рождения города. Но это был еще безымянный город, Одессой его нарекли только в следующем, 1795 г. по названию греческой колонии Одесос, которая, как предполагали, когда-то существовала поблизости от нового города.

Порт стал действующим, едва были вбиты первые сваи набережной. В 1794 г. он принял семь купеческих кораблей, в 1795 г. — 39 судов, а в следующем году — 86. Гужем, водным путем по Днепру, Бугу и Днестру шли сюда хлеб и шерсть для отправки за границу. Торговый оборот порта в 1802 г. достиг 2 245 096 рублей. В 1805 г. порт принял уже 666 заграничных и 496 каботажных судов, было вывезено 7 миллионов пудов пшеницы.

Вместе с портом быстро росло и население города. В 1803 г. оно составляло 9 тысяч человек, а в 1858 г. уже достигло 104 тысяч человек, и Одесса вышла на третье место в России по количеству жителей. Это обуслов-

ливалось интенсивным переселением сюда русских и украинских беглых крестьян, искавших спасения от крепостного гнета, ремесленников и мелких торговцев из многих местечек Правобережной Украины и Белоруссии. Здесь оседали после окончания службы русские солдаты и матросы — участники легендарных походов Суворова и Румянцева. Запорожские казаки тоже были среди тех, кто первыми забивал сваи Платоновского мола. Греки и болгары бежали сюда от турецкого ига. Итальянские, сербские, словацкие, польские борцы за свободу своих народов находили здесь убежище от преследователей. Царское правительство, заинтересованное в освоении обширного причерноморского края и развитии внешней торговли, для привлечения рабочей силы вынуждено было предоставлять определенные, хотя и незначительные льготы рабочему люду. От беглых крестьян не требовали паспортов, бездомные бродяги получали оседлость, иноверцы не подвергались религиозным гонениям, записавшиеся добровольно в цеха «вольных матросов» (после 1834 г.) освобождались от платежа податей, земской повинности, военного постоя, оброков, рекрутских наборов. Но, избежав многих феодально-крепостнических повинностей, трудовые люди попадали под гнет своры других эксплуататоров: чиновников, купцов, подрядчиков, поставщиков, среди которых подвизалось немало иностранцев, падких на легкую наживу. Условия труда в порту были ужасные. Но ни жестокая эксплуатация, ни полицейский разбой и гнет чиновников не убили вольнолюбивого духа простых людей, их стремления к свободе, к социальной справедливости. Город уже в первые годы своей жизни показывает бунтарский характер, становится центром революционного и национально-освободительного движения греческого и южнославянских народов. В 1814 г. здесь было основано тайное общество «Филики этерия», сыгравшее выдающуюся роль в подготовке восстания греков против турецкого господства. Сотни греков — жителей города по призыву этого общества вступали в отряды греческих патриотов. Позже в городе было основано «Одесское болгарское настоятельство», ставшее центром болгарского общественного и культурного движения. Одессу несколько раз посещал замечательный итальянский революционер Джузеппе Гарибальди. Здесь в изгнании жил выдающийся польский поэт Адам Мицкевич. С Одессой связаны имена

многих декабристов, в том числе П. И. Пестеля, М. С. Лунина, М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, А. В. Поджио, А. О. Корниловича, которые подолгу жили в городе или часто приезжали сюда. Декабристы нередко встречались в одесском доме С. Г. Волконского.

Более года — с 3 июля 1823 г. по 30 июля 1824 г. — провел в Одессе А. С. Пушкин, сосланный царем на юг за свободолюбивые стихи. Здесь он закончил работу над «Бахчисарайским фонтаном», начал поэму «Цыгане», написал первые главы «Евгения Онегина» и много чудесных лирических стихов, в списках распространявшихся в городе. Передовая часть населения восторженно воспринимала вольнолюбивые творения Пушкина и Мицкевича, впитывала идеи славянского национально-освободительного движения, антикрепостнические и антицаристские концепции декабристов, русской демократической мысли. Этому в значительной степени способствовало то, что Одесса уже в первые десятилетия своего существования становится значительным культурным центром. В 1817 г. основывается Ришельевский лицей, превратившийся впоследствии в Новороссийский университет; открывается вторая в стране (после Петербургской) публичная библиотека, ставшая со временем настоящим «вольным университетом» для многих поколений жителей города; возникают товарищество истории, филармоническое товарищество. В 1809 г. открывается первый городской театр, в котором гастролировали итальянская опера и выдающиеся русские и украинские драматические труппы. С 1820 г. в Одессе начинают выходить периодические издания, зарождается книгопечатание. За четыре десятилетия здесь были изданы книги 700 названий. Приобрели широкую популярность «Одесские альманахи». В первой половине XIX столетия талантливые архитекторы и скульпторы Боффо, Тома де Томон, Фраполи, Торичелли, Мельников, Мартос создавали в городе чудесные архитектурные ансамбли и памятники. Все это будило вольнолюбивые, демократические мысли, готовило общественное сознание к борьбе против крепостничества и самодержавия. В 1825 г., когда были раскрыты тайные общества декабристов, царь Николай I хмуро заметил: «...по всему делу видно, что в Одессе должно быть гнездо заговора...»

Крымская война 1853—1856 гг. на некоторое время сковала быстрое экономическое, культурное и обществен-

ное развитие Одессы. В марте 1854 г. русские войска оставили Молдавию и Валахию. Флот союзников Турции блокировал Черноморское побережье России, а 10 апреля 1854 г. англо-французская эскадра, располагавшая 360 орудиями, обрушила огонь на Одессу и ее портовые причалы. Хотя город не располагал укреплениями долговременного типа, а его гарнизон имел всего 48 орудий небольшого калибра, корабли не смогли высадить десант. Батареи обрушили на эскадру сокрушительный огонь. Особенно отличились в бою с противником артиллеристы батареи № 6 под командованием прапорщика А. П. Щеголева, состоявшей из четырех пушек. Расположенная у самого берега, на Платоновском мысу, она в течение шести часов вела артиллерийскую дуэль с девятью вражескими кораблями и заставила их отойти от берега. А через несколько дней защитники Одессы артогнем потопили один из лучших английских паровых фрегатов — «Тигр». В дальнейшем главным театром военных действий стал Крым, и англо-французский флот не возобновлял попыток овладеть Одессой.

Новый бурный рост города связан с развитием капитализма в пореформенной России. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» отмечал, что миллионы сельских рабочих страны, принадлежавших «к самым бедным слоям крестьянства», устремились на юг России в поисках работы. В этом ленинском труде приводится свидетельство одного из современников о том, что рабочие стремились в Одессу, минуя другие рынки рабочей силы, в надежде иметь здесь бóльшие заработки.

Значительный приток пришлых людей способствовал быстрому увеличению населения города (до 403,8 тысячи в 1897 г.), развитию его промышленности, транспорта и торговли. Шел бурный процесс формирования рабочего класса. Если в 1858 г. здесь насчитывалось 66 фабрик и заводов, то к 1875 г. — уже 167 предприятий, на которых было занято до 4 тысяч промышленных рабочих. В мастерских города работало 8 тысяч ремесленников с учениками, кроме того, свыше 46 тысяч чернорабочих трудилось в порту, в каменоломнях и на строительных работах. Через Одесский порт в 1888 г. было вывезено 12,5 миллиона четвертей хлеба (в два раза больше, чем через Петербургский), экспортировалась кожа, железная руда, жмыхи, лес, пенька, сало, воск, рогожи и т. п. Ввоз через

Одессу составлял примерно десятую часть всего импорта государства. На ввозимом сырье работали многие одесские фабрики и заводы.

Прямым следствием притока свободной рабочей силы было усиление эксплуатации рабочих. Даже по официальным данным, рабочий день портовых рабочих длился 11—12 часов, а на строительстве, мельницах и в каменоломнях — до 18 часов.

Разительные контрасты все более проявлялись и в обличье города. В центре Одессы росли роскошные дворцы, красивые комфортабельные дома, богатые магазины и кафе, в приморских районах возникали целые улицы особняков, вилл, чудесных дач. Там знатные дворяне, богатые купцы, подрядчики, владельцы заводов и мастерских, коммерсанты и маклеры в кутежах растрачивали богатства, созданные потом и кровью трудящихся. А создатели этих богатств, подлинные строители города, ютились в трущобах, в наполовину ушедших в землю лачугах, мазанках и сырых подвалах, в густо заселенных бараках, в «артельных квартирах». Портовые рабочие прозябали в ночлежках-баржанах, а сезонные вообще не имели крова над головой — ночевали под открытым небом, от непогоды укрывались в катакомбах. Голод, болезни, эпидемии чумы и холеры, высокая смертность были постоянными спутниками тружеников города.

В этот период с Одессой поддерживали связи многие известные политические и культурные деятели Болгарии — будущий основатель Болгарской коммунистической партии Димитрий Благоев, классик болгарской литературы Иван Вазов, здесь жили и работали болгарский революционер, поэт и публицист Г. Раковский, поэт и политический деятель Христо Ботев. В Одессе находились многие участники польского освободительного движения, которые поддерживали теснейшие связи с местным революционным подпольем. В этом городе имел своих постоянных агентов и корреспондентов А. Герцен. «Колокол» и другие герценовские издания широко распространялись среди одесской интеллигенции. Находясь в далекой ссылке, поддерживал связи с Одессой великий украинский поэт Тарас Шевченко. В Одесском университете работали выдающиеся прогрессивные ученые России — Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, И. М. Сеченов, основоположник полевой хирургии Н. И. Пирогов, зоолог А. О. Ковалев-

ский. Значительное влияние на общественную мысль и рабочее движение в России, в том числе в Одессе, оказала Парижская коммуна. С начала 70-х годов в городе появляется марксистская литература, все более усиливается влияние идей Коммунистического Интернационала.

Жестокая эксплуатация, рост безработицы, проникновение революционных идей пробуждали классовое самосознание рабочих. Зарождалось стачечное движение. Первые рабочие стачки в Одессе произошли в конце лета 1871 г. Эти объективные условия способствовали рождению рабочей революционной организации.

Первый рабочий кружок (общеобразовательный) в Одессе был создан Д. И. Изотовым в 1872 г. на заводе Беллино-Фендериха. Осенью того же года в город приехал известный революционер Е. О. Заславский. Он выступал с лекциями по истории русского революционного движения и политэкономии, в которых разъяснял необходимость борьбы с существующим строем, подчеркивал, что «фабриканты эксплуатируют рабочих, а правительство покровительствует этому». В составленном им «Уставе братской кассы одесских рабочих» шла речь о «борьбе с привилегированными классами». Через моряков местного пароходства Заславский установил связь с революционными эмигрантскими кругами в Лондоне и наладил доставку нелегальной литературы из-за границы. На средства одесских рабочих и частично на средства своей жены он организовал в самом центре города, на улице Садовой, подпольную типографию, в которой печатались воззвания и листовки, призывавшие рабочих к забастовкам. Впоследствии исследователи революционного движения назовут эту типографию «подлинным чудом подпольной работы».

Заславский сумел направить развитие общеобразовательных и иных рабочих кружков и товариществ в русло социального движения, создания революционной политической организации рабочего класса. Этому способствовал и приезд в августе 1873 г. из Петербурга в Одессу видного рабочего-революционера, будущего организатора «Северного союза русских рабочих» В. Обнорского, который в то время преследовался за пропагандистские выступления среди столичных рабочих. Он привез с собой нелегальную литературу и активно включился в революционную деятельность на одесских предприятиях. Вокруг Обнорского образовалась группа рабочих-активистов. Ее

составили Я. Рыбицкий, Г. Баранцев, И. Дицман, С. Егоров, Ф. Кравченко, К. Масловский, М. Страхов и другие революционеры. Они затем вошли в созданный Заславским весной 1875 г. «Южнороссийский союз рабочих».

Этот «Союз» явился первой в стране рабочей революционно-политической организацией. Его устав был выработан под влиянием Устава I Интернационала, написанного К. Марксом. Возникновение «Союза» и его деятельность знаменовали начало перехода революционной борьбы в России на классово-пролетарские позиции. Он сыграл большую роль в распространении в рабочем движении идей политической борьбы. «Южнороссийский союз рабочих» объединил революционные группы нескольких крупных предприятий, его сходки посещали десятки, а по некоторым данным, и больше рабочих. Он пропагандировал революционную литературу, выступал организатором стачек, имел сторонников в Ростове-на-Дону, Харькове, Орле, Таганроге. Но просуществовал «Союз» недолго. В конце того же, 1875 г. его разгромила полиция. Более 60 человек были арестованы, из них 15 наиболее активных членов «Союза», в том числе Евгения Заславского и Яна Рыбицкого, царские власти отправили на каторгу в Сибирь.

Несмотря на то что попытки оставшихся на воле революционеров возродить организацию не удались, уроки борьбы «Южнороссийского союза рабочих» не прошли даром. Одесса стала важным пунктом транспортировки в Россию марксистской литературы. Все чаще на одесских фабриках и заводах вспыхивали рабочие стачки. Арестованных борцов сменяли новые отряды революционеров. Здесь вел революционную работу будущий член исполнительного комитета «Народной воли» Андрей Желябов, деятельность которого высоко ценил В. И. Ленин. Когда в июле 1878 г. военный суд приговорил к смертной казни руководителя революционного кружка И. Ковальского, в Одессе состоялась открытая политическая демонстрация. В следующем году группа Д. Лизогуба готовит покушение на царя, а еще через три года выдающийся рабочий-революционер С. Халтурин, исполняя волю революционного комитета, на Приморском бульваре стреляет в военного прокурора Стрельникова, который отличался особой жестокостью к борцам за свободу.

«Южнороссийский союз рабочих» подготовил почву

для начала нового этапа освободительного движения в Одессе — пролетарского. В начале 1890 г. здесь возник первый социал-демократический кружок, а в 1894 г. их в городе было уже около десяти. Ими руководили моряк И. Калашников, слесарь Л. Яковлев, плотник И. Хохлов, студент Ю. Стеклов — тот самый Стеклов, который впоследствии станет выдающимся советским журналистом, редактором газеты «Известия». В 1899 г. социал-демократические кружки и группы под влиянием нараставших революционных настроений объединились в организацию, получившую название «Агитаторские собрания». На ее основе в начале 1900 г. в Одессе возник Одесский комитет РСДРП. Именно этим, как отмечалось в № 17 «Искры», в городе было «положено начало существованию настоящей организации во главе с Одесским комитетом».

Владимир Ильич Ленин внимательно следил за развитием рабочего движения в Одессе, направлял сюда блестящих организаторов, твердых искровцев, чтобы помочь местной партийной организации в борьбе с оппортунистами всех мастей. В город приезжали и подолгу работали Дмитрий Ульянов и Розалия Землячка, Емельян Ярославский и Вацлав Воровский, Константин Левицкий и Сергей Гусев.

В годы промышленного кризиса, вызвавшего волну забастовочного движения на юге страны, в городе вспыхнула большая политическая стачка, которой руководил Одесский социал-демократический комитет во главе с Д. И. Ульяновым, К. А. Левицким и Р. С. Землячкой. Приостановили работу фабрики, заводы, торговые предприятия, замер порт, остановились поезда. Бастовало более 30 тысяч рабочих. Стачка длилась несколько дней, и только силами войск и полиции властям удалось задуть ее.

Когда на II съезде партии русская социал-демократия раскололась на большевиков и меньшевиков, одесские партийцы написали в «Искру»: «Наша позиция — большинства съезда. Одесский комитет стоит именно на той политической позиции, которую теперь представляет Ленин». Одесский комитет в числе других стал опорой Ленина в борьбе с меньшевиками. В феврале 1904 г. в Одессе было создано Южное бюро ЦК РСДРП, объединившее большевистские комитеты юга Украины в борьбе за созыв III съезда партии. В истории Одесской партий-

ной организации есть строки, которые вызывают и всегда будут вызывать чувство особой гордости ее коммунистов: Одесский большевистский комитет избрал делегатом на III партийный съезд Владимира Ильича Ленина и сыграл большую роль в подготовке и созыве этого съезда.

Яркую страницу в истории одесского пролетариата составляет его активное участие в революции 1905 г. В ответ на кровавые события 9 января в Петербурге одесские большевики выпустили прокламации с призывом к свержению самодержавия. В мае забастовочным движением была охвачена треть всех одесских рабочих. 2 мая был создан стачечный комитет во главе с большевиком К. Левицким. В июне забастовки в городе вылились во всеобщую политическую стачку одесских рабочих. На улицах города появились баррикады, начались вооруженные столкновения рабочих с полицией и казаками. В воинских частях и на боевых кораблях, стоявших в порту, создавались большевистские группы и организации. Матросы торговых судов заграничных и кавказских линий заливали водой топки и сходили на берег.

В разгар этих событий на рассвете 15 июня на Одесский рейд прибыл восставший броненосец «Потемкин» с красным флагом на мачте. Рабочие восторженно приветствовали революционный корабль, а когда городские власти отказали экипажу в топливе и продовольствии, целая флотилия рыбацких лодок двинулась к броненосцу с углем и продуктами питания. Похороны матроса-большевика Григория Вакуленчука, убитого офицером на корабле, превратились в грандиозную демонстрацию солидарности рабочих с матросами. На улицах, в порту проходили митинги, на которых с бочек, тюков и биндюгов произносились пламенные речи, неизменно заканчивавшиеся призывом к борьбе с самодержавием. Наведенные на город орудия «Потемкина» настолько напугали одесскую буржуазию, что многие в панике бежали за границу, а власти не посмели бросить против рабочих стянутые в город войска. Для усмирения потемкинцев из Севастополя была направлена эскадра боевых кораблей. Но матросы эскадры отказались стрелять по своим товарищам. И рабочие Одессы видели, как мятежный броненосец прорезал на полном ходу строй эскадры, пришедшей для расправы с ним, и увлек за собой под громовые возгласы «ура» присоединившийся к восставшим броненосец «Георгий Победоносец».

Эту величественную картину революционного пафоса они не могли уже забыть никогда.

В. И. Ленин, находившийся тогда в эмиграции, направил в Одессу большевика М. И. Васильева-Южина, дав ему конкретные рекомендации и указания по развертыванию восстания. Ленинский план заключался в том, чтобы объединить революционное движение трудящихся с восстанием во флоте, сделать это выступление прологом революции. Однако Васильев-Южин по независящим от него обстоятельствам прибыл в Одессу с опозданием, когда броненосец уже ушел с рейда. В большевистском комитете города, ослабленном следовавшими один за другим провалами и арестами, не было в то время единства, а меньшевики, бундовцы и эсеры проводили линию, направленную на срыв восстания. Усилия рабочих, крестьян близлежащих сел и потемкинцев не были соединены, и власти после того, как «Потемкин» скрылся за горизонтом, потопили восстание в крови. Лишь в подожженном провокаторами порту погибло от огня и полицейских пуль две тысячи беззащитных людей.

Несмотря на поражение, восстание сыграло важную роль в развитии революции. В статье «Революционная армия и революционное правительство», опубликованной в газете «Пролетарий» 27 июня 1905 г., В. И. Ленин писал: «Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия». Особенно он подчеркивал значение того, что «здесь впервые крупная часть военной силы царизма, — целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции... Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром».

Новый подъем революционной волны, начавшийся осенью 1905 г. и переросший во всероссийскую политическую стачку, охватил и Одессу. Снова начались стачки одесских пролетариев, снова на улицах появились баррикады. Одесский большевистский комитет укреплял стачечные комитеты и профсоюзы. По примеру рабочих Москвы и Петербурга одесские рабочие создавали Советы. В конце сентября состоялось первое заседание Одесского Сове-

та. Широкий отклик среди моряков и рабочих нашел героический вызов, брошенный самодержавию уроженцем Одессы лейтенантом П. П. Шмидтом, возглавившим восстание революционных матросов Севастополя. В декабре большевики Одессы, как и большевики всей страны, боролись за перерастание политической стачки в вооруженное восстание. Но реакции и на этот раз удалось нанести существенные удары по революционному движению. Комитет РСДРП, Советы, большинство профсоюзов подверглись разгрому, многие участники революционных выступлений были арестованы, брошены в тюрьмы, казнены или отправлены в ссылку.

В период нового революционного подъема в стране одесские пролетарии снова заявили о себе усилением стачечной борьбы. В августе 1911 г. забастовка охватила сразу 23 парохода. Только за три месяца 1912 г. бастовали рабочие 18 промышленных предприятий. В железнодорожных мастерских рабочие изготавливали бомбы и холодное оружие для будущего вооруженного восстания. Одесские моряки, выполняя задание партии, транспортировали оружие из болгарских и румынских портов для боевых дружин партийных организаций юга России и Закавказья.

Первая мировая война стала настоящим бедствием для страны, в том числе и для Одессы. Власти города использовали ее для расправы над революционными силами. Но большевики не сложили оружия. В городе был восстановлен руководящий комитет РСДРП, возобновились связи с большевиками Петербурга, Москвы, Харькова и других пролетарских центров. Снова начались стачки. Большевики вели в массах широкую агитационную работу, разъясняя цели и характер войны. В основу этой пропаганды были положены произведения В. И. Ленина «Проект резолюции Циммервальдской левой», «Война и российская социал-демократия», которые переписывались и распространялись среди рабочих, солдат и матросов. Одесса стала ближайшим тылом полумиллионного Румынского фронта. Мобилизованные в ряды армии участники революционного движения на практике проводили в жизнь разработанную В. И. Лениным тактику большевиков по завоеванию войск на сторону революции.

28 февраля 1917 г. в Одессу пришло телеграфное сообщение о свержении царя в Петрограде, а уже 6 марта

открылось первое заседание вновь избранного Совета рабочих депутатов. На этом заседании присутствовало также 18 представителей армии и флота. В середине марта были созданы Одесский Совет солдатских депутатов и Одесский Совет матросских депутатов, в состав которого вошла группа большевиков. На первом фронтовом и областном съезде Советов, состоявшемся в мае, был избран Центральный исполнительный комитет Советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа (сокращенно — Румчерод).

В Одессе тогда насчитывалось более 650 тысяч населения, в том числе свыше 100 тысяч рабочих, прошедших многолетнюю школу классовой борьбы. Вместе с военными и гражданскими моряками, составлявшими значительную часть населения города, они представляли большую революционную силу. Вместе с тем в городе значительным был слой (более 50 тысяч) крупной и мелкой буржуазии. Много насчитывалось и люмпен-пролетариата. Вот почему первое время большинство в Советах (кроме Совета матросских депутатов) принадлежало соглашательским партиям меньшевиков, эсеров и бундовцев, а в состав так называемого Общественного комитета, возникшего наряду с Советом рабочих депутатов и ставшего местным органом Временного правительства, вошли преимущественно представители буржуазии. В Одессе, как и во всей стране, в этот период сложилось двоевластие. Кроме того, здесь, как и повсеместно на Украине, положение усложнялось активностью националистической контрреволюции. В июле буржуазно-националистическая украинская Центральная рада создала в Одессе свой местный орган — Губернскую раду, которая в дальнейшем, опираясь на некоторые украинизированные воинские части, начала претендовать на власть в городе.

В этих сложных условиях ослабленная репрессиями царизма большевистская организация Одессы, руководствуясь тезисами В. И. Ленина и решением VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП, развернула решительную борьбу против буржуазных и мелкобуржуазных партий, союзов и товариществ, за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В этой борьбе она быстро росла и крепла. 19 июня на собрании, в работе которого приняло уча-

стие уже более 600 человек, был избран большевистский общегородской комитет. Формировались рабочие боевые дружины и милиция, которые впоследствии были реорганизованы в Красную гвардию — вооруженные силы пролетариата. Во главе Красной гвардии встали большевики М. Чижилов, Г. Слепов, М. Томас, А. Трофимов, Г. Ачканов. В июне в Одессе начала действовать военная группа большевиков, насчитывавшая около 150 человек. Она вела значительную работу в воинских частях Одесского гарнизона. В августе, во время корниловского мятежа, большевикам, опиравшимся на местную Красную гвардию, выросшую до двух тысяч человек, и на боевые дружины железнодорожников, удалось предотвратить выступление контрреволюции в городе и сорвать попытку генерала Щербачева перебросить с Румынского фронта воинские части на помощь Корнилову. К началу октября Одесская парторганизация уже объединяла почти три с половиной тысячи человек, вела за собой значительное большинство рабочих, солдат и матросов, готовила массы к вооруженному восстанию.

Когда в Одессе стало известно о победоносном вооруженном восстании в Петрограде, на заводах, в воинских частях и на кораблях прошли митинги и собрания трудящихся, горячо приветствовавших победу пролетарской революции. Состоявшийся 27 октября объединенный пленум одесских Советов рабочих, крестьянских и матросских депутатов принял большевистскую резолюцию, содержащую требование о немедленной передаче власти в городе Советам. Такое требование выдвинули и революционные матросы линейных кораблей «Синоп» и «Ростислав», крейсера «Алмаз», солдаты 1-го авиационного парка, 60-го и 49-го пехотных и 7-го самокатного полков, запасного пулеметного и железнодорожного батальонов, 5-го артиллерийского дивизиона и других воинских частей.

Но установить власть Советов в Одессе в октябре 1917 г. не удалось. Этому помешало сопротивление местной буржуазии, меньшевиков и эсеров. Большевики Одессы еще раз убедились в том, что утвердить Советскую власть в городе можно только путем вооруженного восстания, и начали энергично готовиться к нему.

23 декабря 1917 г. — 5 января 1918 г. состоялся Второй Чрезвычайный съезд Румчерода. Уже сам его состав

(большевики составляли чуть больше трети делегатов, остальные — левые и правые эсеры, меньшевики, меньшевики-оборонцы, украинские эсеры и т. д.) обусловил острую политическую борьбу по всем важнейшим вопросам. Председателем съезда был избран большевик П. И. Старостин. С докладом о текущем моменте выступил представитель ЦК партии и Совнаркома В. Володарский. Съезд осудил предательскую политику эсеров, меньшевиков и Центральной рады, принял резолюции, одобряющие решения II Всероссийского съезда Советов, и объявил себя органом Советской власти, подчиненным Совету Народных Комиссаров. В исполкоме Румчерода большинство составили большевики. Председателем ЦИК Румчерода стал большевик В. Г. Юдовский.

Большевизация Румчерода имела большое значение для установления Советской власти в Одессе и других городах юга Украины. 20 января ЦИК Румчерода постановил упразднить Одесский военный округ, служивший оплотом самодержавия в Причерноморье, и вместо него образовать Окружной штаб революционных советских войск Одесского округа.

Для подготовки и руководства восстанием в первых числах января был образован Военно-революционный комитет. В ночь на 14 января вооруженные отряды Красной гвардии, насчитывавшие более трех тысяч бойцов, и подразделения революционных солдат и матросов без кровопролития овладели важнейшими пунктами города, заняли железнодорожный вокзал, штаб военного округа, телеграф, телефонную станцию, государственный банк, арсенал и арестовали ряд контрреволюционных деятелей. В городе была провозглашена Советская власть. Но контрреволюция не смирилась с этим. На рассвете 15 января гайдамацкие части и офицерские отряды, вооруженные броневидами и артиллерией, развернули боевые действия против революционных сил. К исходу дня гайдамаки и офицеры заняли вокзал и штаб округа. Тогда на помощь рабочим и красногвардейцам пришли матросы военных кораблей, стоявших в порту и на рейде. Линкоры «Синоп» и «Ростислав», крейсер «Алмаз» по сигналу матроса большевика П. И. Кондренко открыли артиллерийский огонь по гайдамакам. В бой вступил также срочно вызванный из Измаила отряд солдат во главе с прапорщиком большевиком Г. П. Софроновым — тем самым, ко-

торый позже, в дни героической обороны Одессы в 1941 г., в звании генерал-лейтенанта будет командовать Отдельной Приморской армией.

К исходу дня 16 января контрреволюция потерпела поражение. Гайдамаки и офицеры были выбиты почти из всех захваченных ими пунктов. На следующее утро революционные части штурмом снова овладели вокзалом и штабом военного округа. Представители гайдамацких частей явились в ревком и заявили о полной капитуляции. В тот же день, 17 января, Румчерод телеграфировал В. И. Ленину об установлении в Одессе власти Советов. Радиостанция крейсера «Алмаз» передала в Петроград и Севастополь радиogramму: «Контрреволюционное движение разгромлено. Организуется власть Советов. Город спокоен. Комиссар Кондренко».

Но спокойно в городе было недолго. Уже в конце января в связи с захватом Бессарабии и Измаилины боярской Румынией Одесской парторганизации пришлось провести партийную мобилизацию в армию и объявить запись добровольцев в Красную гвардию. В середине февраля комиссия по борьбе с контрреволюцией раскрыла тайную террористическую организацию офицеров Румынского фронта и гайдамацкого войска, ставившую своей целью расправиться с руководителями Румчерода, взорвать революционные корабли «Синоп» и «Алмаз» и провести ряд других контрреволюционных акций. А в конце месяца Германия вероломно нарушила перемирие, и на Украину вторглась 400-тысячная оккупационная армия, к которой присоединились недобитые гайдамацкие войска контрреволюционной Центральной рады. В ответ на написанный В. И. Лениным декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!» трудящиеся Одессы встали на защиту города. 24 февраля город был объявлен на военном положении. Срочно сформированная 3-я Украинская советская армия под командованием члена исполкома Румчерода П. С. Лазарева (секретарем Военного совета был И. Э. Якир, а в числе командиров частей — И. П. Уборевич и Г. И. Котовский) вступила в жестокие бои с оккупантами в районе Бирзулы и Балты. Однако под натиском превосходящих сил врага советские части вынуждены были отступить, и в ночь на 14 марта австро-немецкие войска захватили Одессу. Областной комитет партии под руководством Я. Б. Гамарника и Военно-рево-

люционный комитет возглавили подпольную борьбу трудящихся города против ненавистных оккупантов.

Эта страшная ночь оккупации продолжалась до осени 1918 г., когда под влиянием революционных событий в Германии и широкого повстанческого движения на Украине австро-немецкие войска вынуждены были уйти из Украины. Но на смену одним интервентам в Одессу пришли другие, еще более алчные и жестокие. 26 ноября в Одесском порту бросил якорь английский миноносец. За ним сюда вошли французские, итальянские, английские корабли. В течение месяца в город прибыло более 30 тысяч войск Антанты, а из Екатеринодара — более 10 тысяч белогвардейцев-деникинцев, которые с боем вытеснили из Одессы своих недавних «союзников» петлюровцев. В городе начался новый разгул кровавого террора. Хватали, пытали и убивали всех, на кого падала тень подозрения в сочувствии Советской власти. Собрания, митинги, деятельность общественных организаций были запрещены.

В этих труднейших условиях большевики-подпольщики вели героическую борьбу против интервентов. Партия послала в оккупированную Одессу опытных организаторов революционного подполья, в том числе И. Ф. Смирнова (Ласточкина), С. И. Соколовскую, И. Е. Клименко, Л. И. Картвелишвили, Я. Л. Елина, которые возглавили подпольный областной комитет партии. Благодаря большой организаторской и агитационной работе среди трудящихся партийная организация за четыре месяца выросла в пять раз и насчитывала около двух тысяч членов. На предприятиях и в порту организовывались стачки, формировались рабочие отряды и дружины. Созданный при губкоме партии ревком налаживал партизанское движение, глубоко под землей, в одесских катакомбах, накапливалось оружие для готовившегося восстания, десятитысячным тиражом издавалась газета «Коммунист».

В городе была создана подпольная агитационно-пропагандистская группа — «Иностранная коллегия». Во главе ее стоял президиум в составе секретаря губкома партии Софьи (Елены) Соколовской, секретаря французской коммунистической группы в Москве Жанны Лябурб, которая была специально направлена в Одессу для подпольной работы, и румынского коммуниста Альтера Залика. В состав «Иностранной коллегии» входили также прибывшие по заданию федерации иностранных групп при ЦК

РКП(б) Жорж де Ла-Роз, Жак (Яков) Елин, Роберт Вильсон, Вальман Драган, Живанко Степанович, сербский коммунист Стойко Ратков, польские коммунисты Гелена Гжелякова и Ян Вимут-Гжеляк и другие. Ячейками коллегии были национальные группы: французская (наиболее массовая), польская, румынская, сербская, греческая и английская. Каждая из них проводила агитационно - пропагандистскую работу среди матросов и солдат своей национальности, издавала и распространяла среди них листовки. На французском языке издавалась подпольная газета «Коммунист».

Жанна Лябурб

Члены организации под видом переводчиков, часовщиков, электромонтеров, водопроводчиков проникали в части и на корабли интервентов, проводили беседы с солдатами и матросами, разъясняли им смысл Октябрьской революции в России и интернациональный долг иностранных трудящихся.

Каждый французский солдат и матрос, почти весь гарнизон знал Жанну Лябурб. Раскрывая подлинный смысл империалистической интервенции, она напоминала матросам и солдатам о революционных традициях французских пролетариев, о памятных днях Парижской коммуны, об интернациональной пролетарской солидарности.

Огромную роль в этой работе сыграло распространенное «Иностранной коллегией» среди оккупационных войск и на кораблях эскадры обращение «Зачем вы пришли на Украину?», подписанное Председателем Совнаркома В. И. Лениным и наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным. Под влиянием большевистской пропаганды и агитации солдаты и матросы отказывались выполнять приказы генералов и офицеров.

Большевикам удалось привлечь в свои ряды радио-

телеграфистов белогвардейского тральщика «Граф Платов» и при их помощи организовать прием сообщений из Москвы и перехват радиосводок и телеграмм военного командования оккупантов. Эти материалы передавались в Москву. Вскоре на французских кораблях и в сухопутных частях возникли «группы революционных действий». Назревало восстание. Чтобы предотвратить его, интервенты усилили репрессии. Французской и белогвардейской контрразведкам удалось в начале марта арестовать Жанну Лябурб, Жака Елина, Александра Винницкого, Стойко Раткова и некоторых других работников «Иностранной коллегии». Все они, кроме Стойко Раткова, сумевшего бежать, были расстреляны. Через несколько дней интервенты арестовали И. Ф. Смирнова. Подвергнув мучительным пыткам, оккупанты вывезли его на стоявшую за волнорезом баржу и бросили с камнем на шее в море. Лишь в течение двух месяцев за «большевистские настроения» было арестовано около 500 французских солдат и матросов. Однако антисоветская интервенция была уже обречена: целые воинские части отказывались выполнять приказы командования, требовали возвращения во Францию. Французские солдаты организовали братание с населением Одессы, а когда на кораблях «Жан Бар» и «Франс», стоявших к тому времени уже в Севастополе, вспыхнуло восстание, на мачте следовавшего в Одессу крейсера «Париж» алое знамя восстания поднял машинист вьетнамец Тон Дык Тханг — будущий президент Социалистической Республики Вьетнам.

Революционное движение среди французских солдат и матросов, посланных для борьбы с революцией в России, нашло горячий отклик на кораблях и в частях, находившихся в самой Франции. Страшась революционного восстания в собственных вооруженных силах и под ударами Красной Армии правительства стран Антанты и США были вынуждены эвакуировать свои войска с юга России. В апреле 1919 года интервенты оставили Одессу.

В третью годовщину Великой Октябрьской революции В. И. Ленин тепло отозвался о революционных моряках французской эскадры, которые «подняли восстание в Черном море, не желая быть палачами русских рабочих и крестьян».

Оккупанты в период хозяйничанья в Одессе разграбили городское хозяйство, портовые склады, базы и про-

мышленные предприятия. Оставляя Черное море, они угнали 112 торговых судов. «Просвещенные» союзники, — говорил В. И. Ленин, — обвиняющие нас в грабежах и насилиях, увели из Одессы без всякого права и основания весь наш торговый флот». Замер порт. Не работала электростанция. Около 40 тысяч тружеников остались без работы, сотни тысяч — без хлеба и топлива.

Городской партийный комитет принимал меры к налаживанию хозяйства, но главное внимание он был вынужден уделять военным вопросам: обучению рабочих стрелковому делу, формированию воинских частей и маршевых пополнений для советских войск, сражавшихся с полчищами Деникина, борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. В конце июля рабочим города пришлось выдержать натиск восставшей сельской буржуазии и немецких колонистов. Около 12 тысяч кулаков из немецких колоний Большая Аккаржа, Баден, Зельцы и других, возникших еще в XIX в., во времена освоения земель Причерноморья, вкупе с белогвардейцами и петлюровцами двинулись к городу, чтобы расчистить дорогу деникинцам. Против них выступили сводные батальоны рабочих и красных курсантов пехотных и артиллерийских курсов. Особенно упорный и кровопролитный бой, длившийся трое суток, разгорелся за населенные пункты Татарка и Большая Аккаржа. В этом бою погибли первый красный комендант Одессы П. Мизикевич и несколько его боевых товарищей.

Контрреволюционное восстание было разгромлено. Но положение на фронте ухудшалось с каждым днем. Деникинские войска, получив от Антанты огромную помощь деньгами, вооружением и военным снаряжением, продолжали наступление на Одессу. 23 августа вблизи Одессы, в районе Сухого Лимана и Люстдорфа, военный флот Антанты высадил десант, в который входило около 1500 деникинцев и 500 солдат английской морской пехоты.

На борьбу с десантом были брошены городские революционные дружины, боевые отряды фабрик и заводов, 1-й и 2-й коммунистические батальоны и отряды курсантов командных курсов. Враг нес огромные потери, но продолжал рваться к городу. Обеспечив отход главных сил Красной Армии и эвакуацию партийных и советских учреждений, рабочие и курсантские отряды влились в 45-ю стрелковую дивизию.

Г. И. Котовский

Деникинцы, захватив в конце августа город, установили режим террора и насилия, превзойдя в зверствах всех предшествовавших оккупантов. Но и в этих условиях Одесский губком партии во главе с Софьей Соколовской, Александром Хворостинным и Анной Панкратовой (впоследствии известный советский ученый, академик) и областной Военно-революционный повстанческий штаб во главе с бывшим командующим 3-й Украинской советской армией П. С. Лазаревым и С. Б. Ингуловым в глубоком подполье выпускали газеты и листовки, собирали и организовывали революционные силы на борьбу с врагом.

В конце 1919 г. начался разгром армии Деникина. Когда в феврале 1920 г. бои шли уже на подступах к Одессе, большевики подняли рабочий класс города на вооруженное восстание. Несмотря на то что английские военные корабли, стоявшие на рейде, начали обстреливать рабочие кварталы, в Одессе вспыхнули жестокие уличные бои. Тем временем с севера к городу пробивались части Красной Армии, в составе которых была и прославленная конница Котовского. У легендарного комбрига, получившего от пленных нужные сведения, созрел необычный по своей дерзости и отваге план: под видом конницы генерала Мамонтова карьерой пересечь Одессу, чтобы отрезать пути отступления белых в Румынию, а затем с двух сторон ударить по врагу и освободить город. Этот смелый рейд был успешно осуществлен 7 февраля 1920 г. Одесса навсегда стала советской.

Почти три года тяжелых боев и неоднократная оккупация привели город к тяжелой хозяйственной разрухе. Не работало большинство предприятий, были полностью разрушены причалы порта, 95 процентов судов торгового флота интервенты потопили или угнали.

Героическими усилиями рабочие возвращали к жизни заводы, фабрики, транспорт, поднимали со дна моря и ремонтировали суда. Так же, как в годы революционной борьбы и гражданской войны, помощь одесским пролетариям оказывал весь рабочий класс страны. Из Москвы и Ленинграда шли эшелоны с оборудованием для восстанавливаемых промышленных предприятий и портовых сооружений. Уже в ноябре 1923 г. Одесский порт смог принять 32 иностранных парохода и 101 судно каботажного плавания. С большим подъемом трудящиеся города приступили к осуществлению курса партии на индустриализацию, провозглашенного XIV съездом ВКП(б) и IX съездом КП(б)У. К 1928 г. восстановленные и переоборудованные одесские предприятия превысили довоенный уровень производства на 8 процентов. Социалистический сектор в промышленности составлял 98,6 процента. В городе работало 200 укрупненных заводов и фабрик.

За годы предвоенных пятилеток Одесса стала крупным индустриальным, культурным и курортным центром страны, важнейшим портом на Черном море. В городе было немало предприятий союзного и республиканского значения, в том числе завод имени Октябрьской революции, производивший сложнейшие сельскохозяйственные машины, завод имени Январского восстания, выпускавший запасные части для тракторного парка страны, завод имени М. И. Калинина, на котором производились стальные трубы, станкостроительный завод имени В. И. Ленина. В целом одесская промышленность выпускала продукцию на 2 миллиарда рублей в год.

Первоклассным стал Одесский порт с огромным объемом товарооборота номенклатурой свыше 2000 названий. Например, в 1940 г. портом было переработано 241 тысяча тонн зерна, 116 тысяч тонн угля, 635 тысяч тонн тарноупаковочных грузов, 3 536 тысяч тонн нефтепродуктов. Первое место в стране он занимал по пассажирским перевозкам.

Одесса играла важнейшую роль в развитии науки и культуры. К 1941 г. здесь насчитывалось 17 высших учебных заведений, в которых обучалось до 20 тысяч студентов, 19 техникумов и 132 школы, 42 научно-исследовательских института, и среди них Институт глазных болезней. В городе работало 10 театров, много библиотек, музеев.

За предвоенные годы Одесса стала всесоюзной здрав-

ницей, располагавшей 80 санаториями и домами отдыха. Здесь работало большое количество учреждений здравоохранения, в том числе 16 поликлиник, 7 больниц, 4 родильных дома.

Одесса была третьим по величине городом на Украине и седьмым в СССР, в 1939 г. здесь насчитывалось 604 тысячи жителей.

Верный своему интернациональному долгу, советский народ оказывал материальную помощь испанскому народу в его борьбе против фашистской агрессии в 1936—1939 гг. Лучшие экипажи черноморских судов «Нева», «Комсомол», «Кубань», «Зырянин», «Турксиб» через Одесский порт доставляли сражавшимся республиканцам оружие, медикаменты, одежду, продукты питания. Тысячи детей испанских патриотов нашли приют в одесских детских домах.

Организуя осуществление грандиозных задач коммунистического строительства, поставленных XVIII съездом ВКП(б), Коммунистическая партия и Советское правительство в то же время вели большую работу по дальнейшему укреплению военного могущества СССР. Этому требовала международная обстановка, надвигавшаяся угроза войны. С целью повышения безопасности юго-западных границ Союза ССР в октябре 1939 г. был создан Одесский военный округ с местом дислокации штаба и управления в Одессе. В состав округа вошли дивизии и полки со славными боевыми традициями, сложившимися в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Оборона города с моря обеспечивалась Одесской военно-морской базой Черноморского флота, которой командовал контр-адмирал Г. В. Жуков. В ее состав входили крейсер «Коминтерн», миноносец «Шаумян», отдельный дивизион канонерских лодок, части охраны водного района (два дивизиона тральщиков, четыре дивизиона сторожевых катеров, 2-я бригада торпедных катеров, эскадрилья морской авиации, три артиллерийских дивизиона, зенитный полк и другие части и подразделения, в том числе Очаковского сектора обороны).

Командование и личный состав округа и военно-морской базы совместно с партийными, советскими органами и всеми трудящимися Одессы делали многое по укреплению юго-западных рубежей Советской Родины.

Партийная организация города уделяла большое внимание коммунистическому воспитанию масс, мобилизации их на успешное выполнение народнохозяйственных заданий, утвержденного Советским правительством плана дальнейшей коренной реконструкции и благоустройства Одессы. Строилась мощная теплоэлектростанция, продолжалась реконструкция промышленных предприятий. Грузооборот порта предполагалось довести до 12 миллионов тонн в год. В мае 1941 г. в Наркомате морского флота были рассмотрены и утверждены проекты и сметы новых портовыхстроек, установки мощных порталных кранов и другого первоклассного оборудования. Но мирная созидательная жизнь советских людей была внезапно прервана. На нашу страну обрушились полчища немецко-фашистских захватчиков. Началась Великая Отечественная война, а с нею и один из самых суровых и героических периодов в истории Одессы.

Глава вторая

НАЧАЛО ПОДВИГА

22 июня 1941 г. Советский Союз подвергся вероломному нападению фашистской Германии и вступил в самую тяжелую из войн, какие знала история человечества. В этом ожесточенном военном противоборстве социализма с ударными силами империализма решалась судьба не только советского народа, но и судьбы всех свободолюбивых народов планеты, судьбы мировой цивилизации. Ленинская Коммунистическая партия, приведшая первое в мире государство рабочих и крестьян к победе социализма, подняла всю страну на всенародную, священную, Великую Отечественную войну. В первые же дни вооруженной борьбы она дала четкую и широкую программу мобилизации всех материальных и духовных сил Союза ССР на разгром немецко-фашистских захватчиков, сумела в исключительно тяжелых условиях быстро и решительно перестроить всю экономическую, политическую и идейную жизнь страны на военный лад, выполнить ленинский завет: «...раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны».

В годину суровых испытаний вместе со всем советским народом на борьбу с врагом поднялась шестисоттысячная Одесса во главе с более чем двадцатитысячным отрядом коммунистов. В первый день войны, еще до объявления Указа Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации, у военкоматов выстроились нескончаемые очереди людей, требовавших немедленно отправить их добровольцами на фронт. Здесь были коммунисты и беспартийные, убеленные сединами ветераны гражданской войны и не достигшие призывного возраста юноши, работницы заводов и студенты вузов. Еще до начала обороны

города добровольно и по мобилизации в армию и на флот ушло свыше 142 тысяч жителей Одессы и ближайших к ней сельских районов. Старики, женщины и подростки заменили их у заводских станков, на колхозных полях.

Шесть истребительных батальонов, сформированных из рабочих одесских предприятий, численностью 3620 человек участвовали в патрулировании улиц, охране важнейших военных объектов и средств связи, вылавливании вражеских лазутчиков, диверсантов, провокаторов. Тысячи молодых рабочих после смены изучали военное дело, готовясь по первому зову выступить против врага с оружием в руках. К середине июля в ополчение записалось 55 тысяч человек. В звеньях противовоздушной обороны 11 тысяч одесситов несли дозоры на крышах, тушили пожары, обезвреживали зажигательные бомбы, следили за светомаскировкой и оказывали первую помощь пострадавшим от бомбежек и обстрелов с воздуха. Только на курсах медсестер и сандружинниц, организованных обкомом комсомола, обучалось около двух тысяч девушек.

Накануне нападения фашистской Германии на нашу страну штаб Одесского военного округа проверил состояние боевой готовности в дивизиях, полковых школах и отдельных артиллерийских частях, провел несколько сборов приписного состава. Войсковые части отрабатывали вывод войск по тревоге в намеченные для них районы, а летные части — перебазирование с постоянных аэродромов на оперативные и отработку ночных полетов.

Из состава штаба Одесского военного округа было сформировано полевое управление 9-й армии, которое к 5 часам 20 июня перебазировалось в Тирасполь. Около 23 часов 21 июня начальник штаба округа генерал-майор М. В. Захаров (впоследствии Маршал Советского Союза) отдал распоряжение поднять по боевой тревоге штабы и войска и вывести их из населенных пунктов, частям прикрытия государственной границы занять свои районы, установить связь с пограничными отрядами и заставами, рассредоточить авиацию по оперативным аэродромам. В результате боевые силы приграничной полосы были приведены в немедленную готовность, подняты по боевой тревоге семь стрелковых, две кавалерийские, две танковые и одна моторизованная дивизии, два укрепленных района и авиация. Своевременно перешли на оперативную готовность номер один Черноморский флот и Дунайская

военная флотилия, с которыми войскам округа предстояло взаимодействовать.

Весной сорок первого года на советско-румынской границе было неспокойно. Провокационные вылазки фашистов чередовались с тайной переброской диверсантов, нападения румынских отрядов на советские пограничные посты сменялись наглыми артиллерийскими обстрелами наших городов и сел, расположенных по берегам Дуная и Прута. 21 июня фашисты открыли артиллерийский огонь по Килии и пограничной заставе, а утром следующего дня на баркасах и шаландах пытались форсировать в этом районе Дунай, чтобы захватить плацдарм на левом берегу. В это же время вражеская артиллерия произвела массированный огневой налет на Измаил и Рени, обстреляла Вилково, Унгены, авиация бомбила Бельцы, Кишинев, Дубоссары, Аккерман, Болград. В ту памятную ночь войска округа проявили высокую организованность и боеготовность. Вместе с пограничниками, во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией левофланговые соединения 9-й армии не только успешно отражали попытки вражеских войск форсировать Прут и Дунай, но и сами вели активные наступательные бои. 25 июня четыре бронекатера под прикрытием мониторов «Ударный» и «Мартынов» высадили на мыс Сату-Ноу роту пограничников, которая разгромила более двух рот противника. Доставленный вскоре же сюда стрелковый батальон 25-й Чапаевской дивизии полностью очистил мыс от врага и захватил более 500 пленных и артиллерию, обстреливавшую Измаил. 26 июня пограничники и подразделения 23-го полка 51-й Перекопской дивизии, поддержанные бронекатерами флотилии, высадились на правый берег Дуная и заняли румынский населенный пункт Килия-Веке, уничтожив и захватив в плен большое количество солдат и офицеров противника. К исходу 28 июня оба берега Дуная на протяжении 76 километров от устья находились под контролем наших войск и удерживались ими в течение почти трех первых недель войны. Однако противнику удалось удержать укрепленный пункт Периправа у выхода в море из Килийского гирла, что мешало снабжению сил флотилии и войск на Дунае. Транспортам здесь обычно приходилось прорываться в ночное время при поддержке береговой артиллерии и бронекатеров.

Наземным войскам и кораблям флотилии активную

помощь оказывала авиация. 23 июня 60 бомбардировщиков 63-й авиационной бригады нанесли удар по порту Констанца и аэродрому противника, а 5-й полк скоростных бомбардировщиков — по скоплению живой силы и танков в Галаце, Брэиле и других населенных пунктах. Авиация Черноморского флота со взлетных площадок, расположенных под Одессой, подвергла бомбардировкам нефтепромышленный район Румынии Плоешти. Летчик 67-го истребительного полка коммунист старший лейтенант А. И. Мокляк во время воздушного боя в тот день сбил два вражеских самолета, а третий таранил.

Однако обстановка в целом на советско-германском фронте складывалась крайне неблагоприятно для советских войск. Фашисты, опираясь на материальные ресурсы почти всей Западной Европы и на численный перевес в живой силе и боевой технике, не считаясь с огромными потерями, все более усиливали натиск. Войска Южного фронта, ведя тяжелые бои, отходили на восток и юго-восток. Маневрируя и контратакуя, они избегали окружения, планировавшегося штабом немецко-фашистской группы армий «Юг». Но положение с каждым днем становилось все более сложным, особенно после прорыва фашистскими войсками фронта обороны 9-й армии севернее Тирасполя. Это создало непосредственную угрозу Одессе с суши и потребовало принятия срочных мер по организации защиты города.

Одесса — крупный промышленный центр и важнейший торговый порт, — став передовой военно-морской базой Черноморского флота, приобрела весьма важное стратегическое значение в обороне юга Украины. Гитлеровцы понимали, что, до тех пор пока Черноморский флот не лишится своих баз, их дальнейшее продвижение на Кавказ и в Закавказье будет невозможно. Рассчитывать на успех в борьбе на Черном море фашисты не могли, так как советский флот здесь обладал бесспорным превосходством над военно-морскими силами Германии и ее союзников. Поэтому они стремились покончить с его господством на море, овладев Одессой и Севастополем с суши, и тем самым обеспечить поддержку и снабжение морем своих наступающих войск.

Фашистская Германия рассчитывала, установив свое господство на Черном море, усилить давление на Турцию, чтобы вовлечь ее в войну против СССР. Кроме того,

Г. П. Софронов

еще за год до нападения на Советский Союз Гитлер обещал своему верному лакею фашистскому диктатору Антонеску отдать Румынии Молдавию и всю советскую территорию между Днестром и Бугом, включая Одессу, как плату за вступление в войну против СССР. Фашистские заправилы Румынии, прикованные к гитлеровской военной машине, надеялись захватом советских земель упрочить у себя в стране ненавистный народу режим диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и агрессивных кругов крупной

буржуазии и помещиков. Вот почему против нашей 9-й армии, прикрывавшей одесское направление, наряду с немецкой 11-й армией действовали две румынские армии, которые фактически включали все сухопутные силы Румынии.

Советские бойцы и командиры проявляли чудеса мужества и беззаветной храбрости, защищая каждую пядь советской земли. Но силы были неравные. Чтобы ликвидировать угрозу окружения войск левого фланга Южного фронта, Ставка Верховного Командования разрешила отвести их на запасные оборонительные рубежи. Левофланговые дивизии 9-й армии, отсеченные от главных сил фронта, были объединены в Приморскую группу войск, которая позднее была преобразована в Отдельную Приморскую армию.

Во главе армии стал генерал-лейтенант Георгий Павлович Софронов, опытный и мужественный военачальник. Во время первой мировой войны он был прапорщиком Суджанского полка на Румынском фронте, тогда же стал членом большевистской партии, а в дни Февральской революции — членом полкового комитета. В 1918 г. он возглавлял Болградский отряд революционных солдат, кото-

Одесса во второй половине XIX в.

Восставший броненосец
«Потемкин» на Одесском рейде

Памятник потемкинцам
в Одессе

Командование Одесского оборонительного района. Слева направо: бригадный комиссар М. Г. Кузнецов, дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин, дивизионный комиссар И. И. Азаров, генерал-лейтенант Г. П. Софронов, контр-адмирал Г. В. Жуков, полковой комиссар Л. П. Бочаров, бригадный комиссар А. Г. Колыбанов. 1941 г.

Фронт приближается к Одессе. 1941 г.

В Военно-морском училище имени ЛКСМ Украины идет запись добровольцев в отряды, направляющиеся в Одессу. 1941 г.

Баррикады на улицах Одессы. 1941 г.

На защиту
Одессы прибыл
добровольчес-
кий отряд воен-
ных моряков-
черноморцев.
1941 г.

Политинформа-
ция в 25-й
стрелковой Ча-
паевской диви-
зии, занявшей
позиции на под-
ступах к Одессе.
1941 г.

Жители Одессы на строительстве оборонительных сооружений.
1941 г.

Противотанковые расчеты выдвигаются на огневые позиции
на подступах к городу. 1941 г.

Бойцы Отдельной Приморской армии отражают атаки врага. 1941 г.

Морские пехотинцы контратакуют гитлеровцев под Одессой. 1941 г.

На наблюдательном пункте 44-го артдивизиона. Полковой комиссар С. И. Дитятковский беседует с краснофлотцем М. А. Суслым. 1941 г.

Артиллеристы в обороне Одессы. 1941 г.

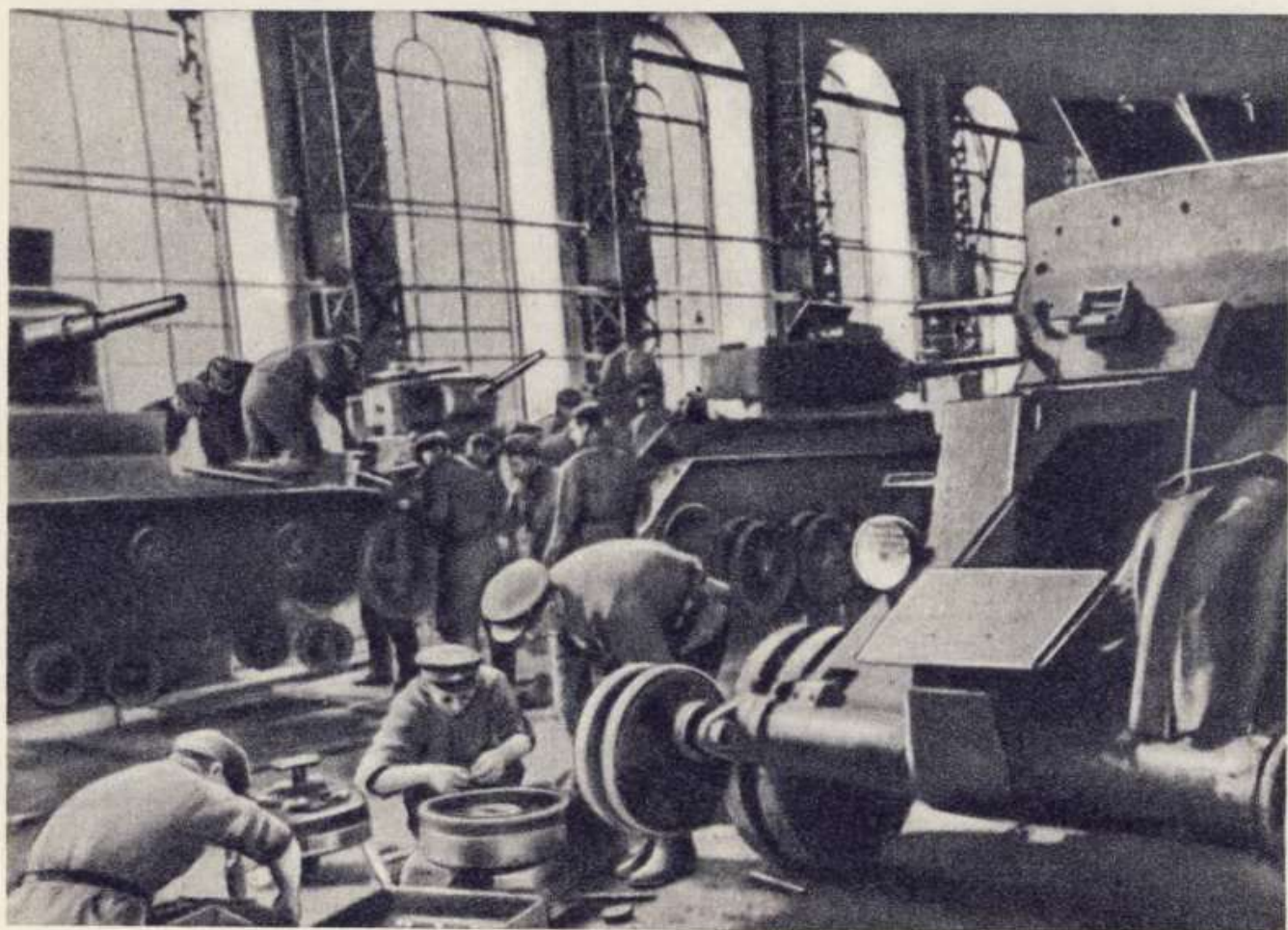

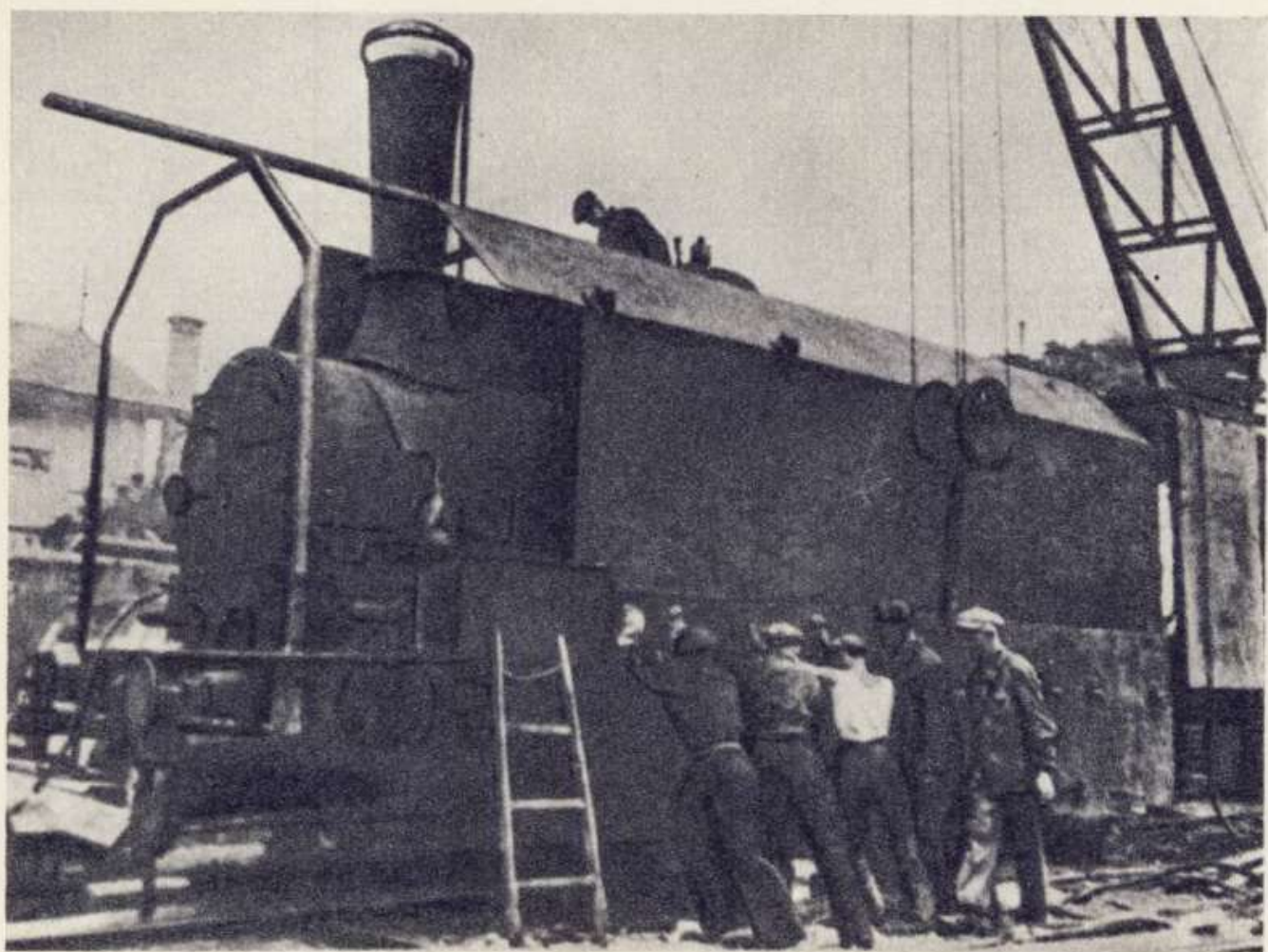
Бригадный комиссар А. Г. Колыбанов, дивизионный комиссар И. И. Азаров, контр-адмирал Г. В. Жуков, дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко, генерал-майор И. Е. Петров, вице-адмирал Г. И. Левченко и капитан 2 ранга О. С. Жуковский наблюдают стрельбу гвардейского минометного дивизиона. 1941 г.

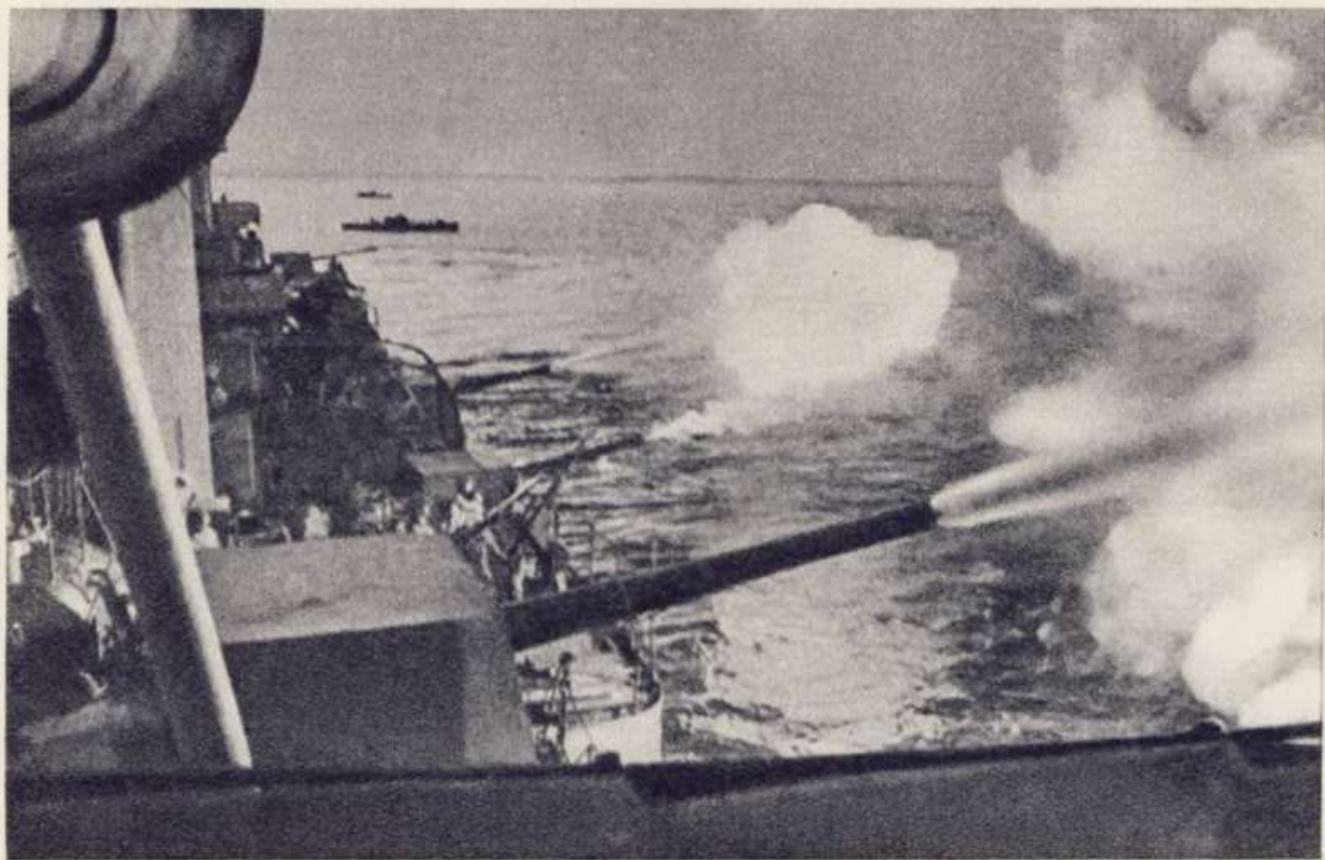

Советские части в бою под Одессой. 1941 г.

Все для фронта, все для защиты родного города!

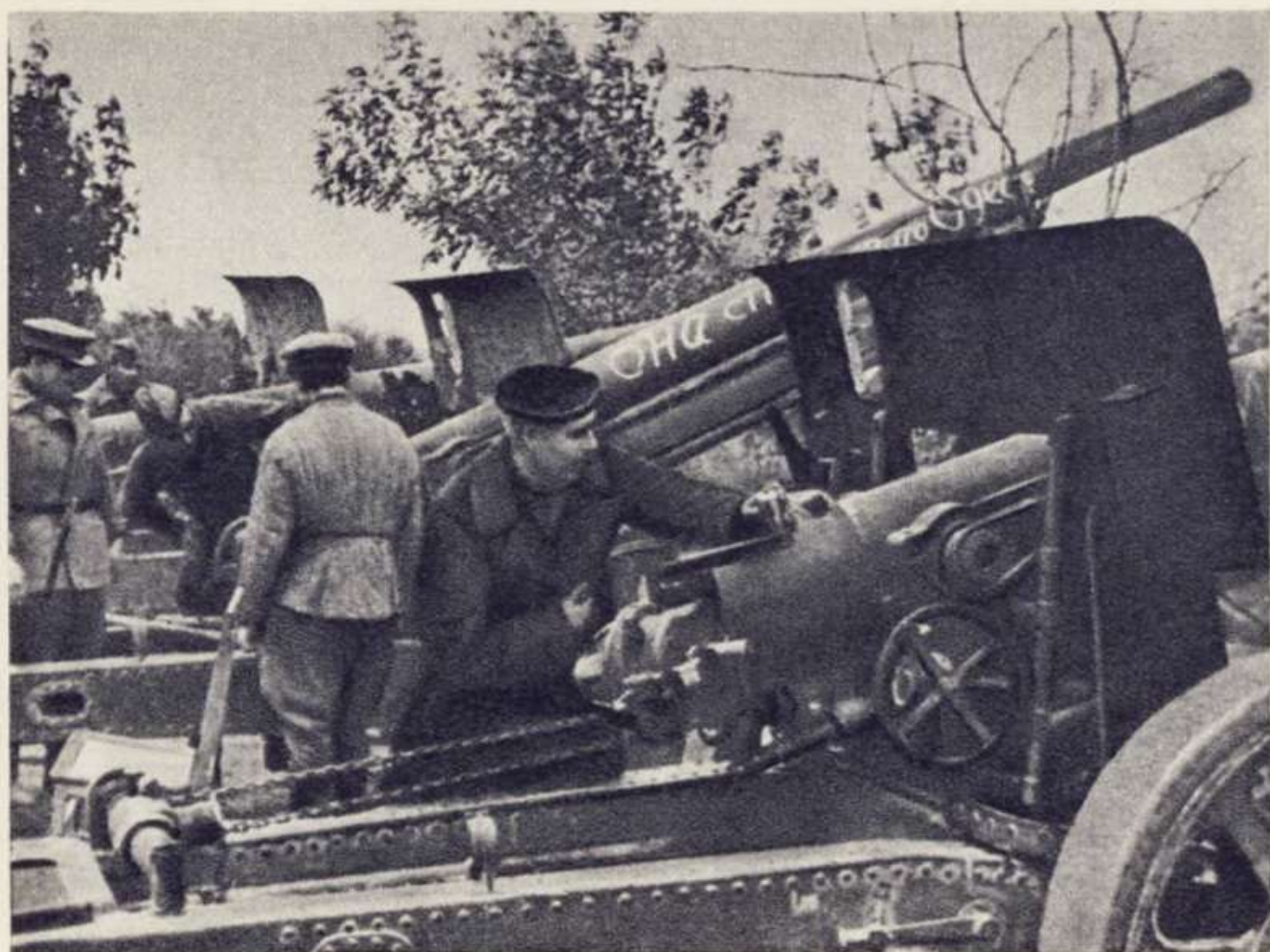

Корабельная артиллерия ведет сокрушительный огонь по врагу.
1941 г.

Моряки-десантники стойко защищали Одессу.
С картины В. Пузырькова «Черноморцы»

Боевая техника врага, захваченная войсками Одесского оборонительного района. 1941 г.

Гитлеровцы подвергали город варварским разрушениям. 1941 г.

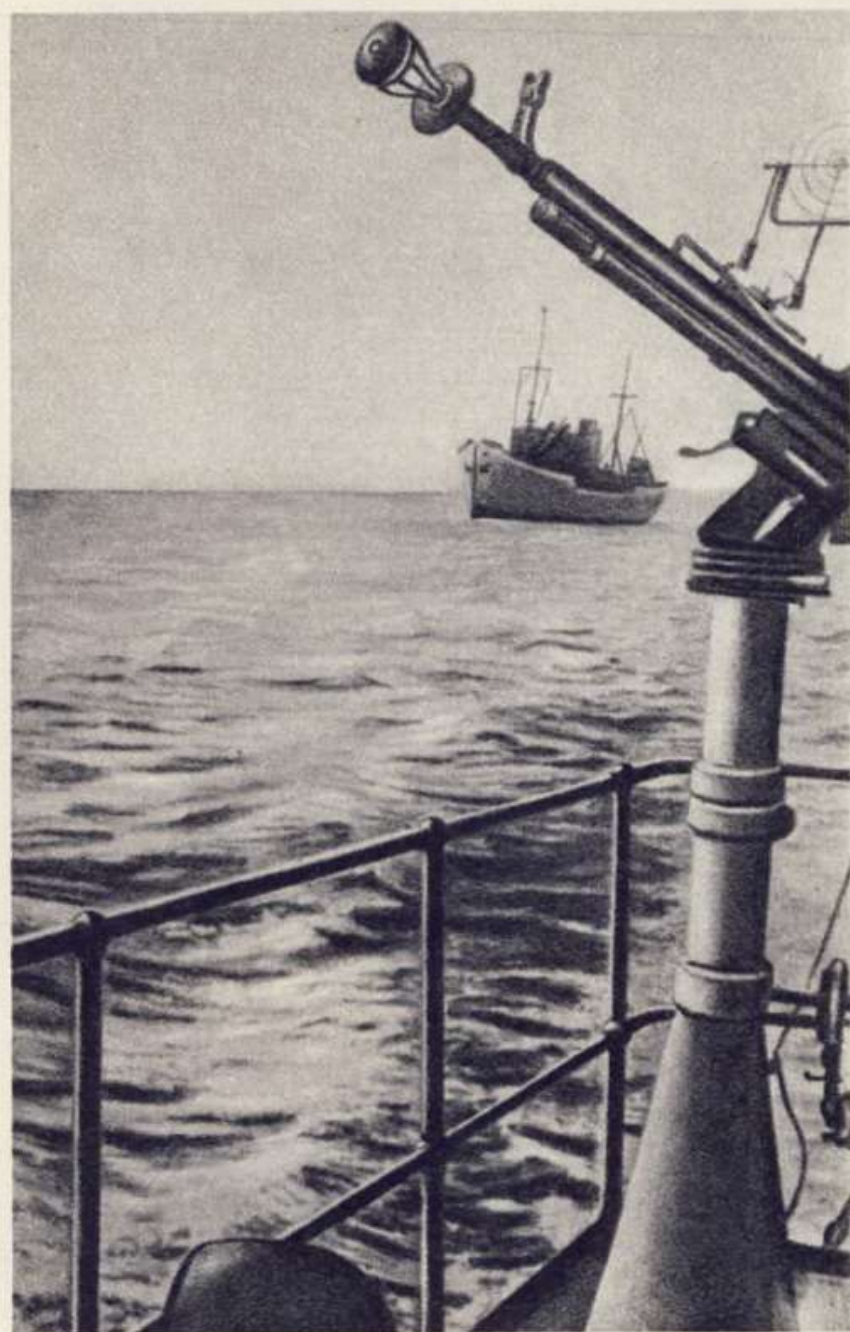
Ученики и преподаватели школы № 125 направляются на занятия в катакомбы у села Кривая Балка. 1941 г.

Командующий Одесским оборонительным районом контр-адмирал
Г. В. Жуков на передовой. 1941 г.

Советские войска ведут бой у Кагарлыка. 1941 г.

В боевом охранении
на одесской комму-
никации

Торпедные катера вы-
ходят в море для
выполнения боевого
задания в районе
Одессы

В период обороны города многие бойцы и командиры вступали в ряды Коммунистической партии

Моряки корабля знакомятся с последними известиями, принятыми по радио. 1941 г.

Бронепоезд «Черноморец» готовится нанести очередной огневой удар по врагу. 1941 г.

Группа летчиков-истребителей, отличившихся при обороне Одессы. 1942 г.

рый помог восставшим одесским рабочим разгромить гайдамаков и установить Советскую власть в Одессе. В годы гражданской войны красный командир Г. П. Софронов в составе 3-й Украинской советской армии защищал Одессу от белогвардейцев и интервентов. Великую Отечественную войну генерал-лейтенант Софронов встретил в должности заместителя командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа. И вот теперь ему довелось во второй раз участвовать в обороне Одессы.

Почти одновременно с командующим членом Военного совета армии был назначен дивизионный комиссар Федор Николаевич Воронин, до этого работавший начальником политуправления Южного фронта. Начальником штаба армии стал генерал-майор Гавриил Данилович Шишенин, перед войной возглавлявший штаб Московского военного округа, а до назначения в Приморскую армию — штаб Южного фронта. Начальником политотдела армии был назначен опытный политработник полковой комиссар Л. П. Бочаров. Уже сам состав командования Приморской армии говорил о том, что на нее возлагаются и ответственные задачи и большие надежды.

Первоначально в состав Отдельной Приморской армии входили две стрелковые дивизии — 25-я Чапаевская и 95-я Молдавская, несколько пулеметных батальонов и артиллерийских подразделений Тираспольского укрепленного района.

25-я Чапаевская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия имела героическую историю. Она была создана из отдельных частей, которые родились и закалились в огне гражданской войны, в героической борьбе против полчищ Колчака и банд Дутова. Под началом легендарного красного полководца Василия Ивановича Чапаева дивизия покрыла себя неувядаемой славой. Ее боевые традиции были приумножены бойцами и командирами соединения в предвоенные годы в составе Одесского военного округа. Чапаевцев всегда отличало высокое воинское мастерство, исключительная дисциплинированность, смелость, отвага, сноровка и находчивость.

95-я Молдавская стрелковая дивизия тоже вела свою историю от самого начала гражданской войны. Она была сформирована в 1918 г. из сражавшихся против немецких оккупантов партизанских отрядов Правобережной Украины.

Великую Отечественную войну обе дивизии встретили одними из первых и с самого начала проявили изумительную стойкость. 25-я дивизия под командованием полковника А. С. Захарченко почти месяц удерживала советскую границу на более чем стокилометровой полосе вдоль Дуная. Так же упорно сражалась на реке Прут 95-я дивизия под командованием полковника М. С. Соколова.

Вскоре в состав Приморской армии вошла и 1-я кавалерийская дивизия, сформированная в Одессе уже после начала войны опытным военачальником, активным участником гражданской войны генерал-майором Иваном Ефимовичем Петровым. Наряду с молодыми бойцами в соединение пришло много запасников-ветеранов, сражавшихся в годы гражданской войны в рядах красной конницы. Некоторые из них прибыли в часть в знаменитых буденовках, сбереженных еще со времен боев под Перекопом. Командный состав полков и эскадронов тоже был подобран большей частью из командиров, прошедших закалку тех огненных лет.

В Приморскую армию входили также 15-я бригада противовоздушной обороны, сводный полк НКВД, 136-й запасный стрелковый полк, 47-й понтонный батальон, 82-й укрепленный район.

В начале августа немецкие войска, выйдя к Днепру, нанесли несколько ударов в стык 9-й и Отдельной Приморской армий и вынудили 9-ю армию отойти на восток, к переправам через Южный Буг в районе Николаева, а Приморскую армию — на юг, к Одессе.

Как много значила для гитлеровского командования борьба за Одессу, легко убедиться, ознакомившись с «Военным дневником» бывшего начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера. «...Следует ожидать попытки противника удержать район Одессы и прилегающее к ней побережье, — записал 30 июля 1941 г. Гальдер в своем дневнике. — Одесса может стать русским Тобруком. Единственным средством против этого является прорыв 1-й танковой группы через Первомайск на юг».

Одесса не была крепостью в прямом понимании этого слова. Ни бастионов, ни долговременных укреплений здесь не возводилось. На подступах к городу не было никаких естественных преград, где бы войска могли задержать продвижение врага. С одной стороны — море, а с трех сто-

рон — ровная причерноморская степь, кое-где всхолмленная, изредка рассеченная с севера на юг лиманами неглубоких речек да перечеркнутая узкими посадками акации и гледичии, защищавшими колхозные нивы от знойных ветров — вот и все поле боя. Даже несколько сравнительно мощных и дальнобойных береговых батарей, размещенных под Одессой в канун войны, не были приспособлены к обороне с суши. С учетом опыта предыдущих войн они предназначались для дальнего боя с вражескими кораблями. Словом, оборонительные рубежи предстояло создавать, причем в самый короткий срок. И это было сделано самоотверженным трудом одесских трудящихся и защитников города.

Фашисты рассчитывали, создав шестикратное превосходство в численности войск и пятикратное в артиллерии, с ходу захватить Одессу. В Бургасе и Варне уже стояли груженные боеприпасами и снаряжением для гитлеровской армии суда, готовые к отплытию в Одессу. Об этом Гальдер писал 15 августа: «Войскам, действующим в районе Днепра и у Киева, требуется в среднем 30 эшелонов в день... В первую очередь необходимо как можно скорее доставить для 11-й и 17-й армий в Одессу и Херсон 15 тыс. тонн боеприпасов, 15 тыс. тонн продовольствия, 7 тыс. тонн горючего. Эти грузы должны быть доставлены в течение 10 дней после захвата Одессы».

Клика Антонеску лезла из кожи вон, чтобы выполнить требования берлинского хозяина. Еще в начале августа против Одессы была брошена вся 4-я армия, а через несколько дней здесь уже наступали десять румынских дивизий (в том числе одна танковая), три кавалерийские бригады, а также части 72-й немецкой пехотной дивизии. 300-тысячная фашистская армия при поддержке большого количества танков и более ста самолетов рвалась к городу. Антонеску на 10 августа назначил парад своих войск на Соборной площади в Одессе и молебен в Успенском соборе в честь взятия города. Потом незадачливому стратегу пришлось не раз переносить сроки парада и молебна. Он назначал их на 20 и 28 августа, на 1 и 3 сентября.

Одесса не была военной крепостью. Но она стала бастионом мужества советских воинов, она стала крепостью духа советских людей.

4 августа нарком Военно-Морского Флота адмирал

Н. Г. Кузнецов приказал командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому и командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Г. В. Жукову независимо от положения на сухопутном фронте удерживать базу в своих руках, подготовить береговые батареи к действиям против сухопутных войск врага, отработать навыки личного состава по уничтожению вражеских танков и пехоты, наладить взаимодействие береговых батарей, кораблей и авиации в борьбе с противником на берегу, организовать круглосуточную работу по возведению оборонительных сооружений. В считанные дни ценой невероятных усилий моряки стационарных береговых батарей переоборудовали огневые позиции, повернув жерла 130-, 152- и 180-миллиметровых орудий для защиты сухопутных рубежей, укрепили подступы к своим огневым позициям второй линией проволочных заграждений и фугасами, создали выносные корректировочные посты, разработали плановые таблицы стрельбы по береговым ориентирам. Отрабатывалась корректировка огня с самолетов и проводились тренировочные стрельбы по наземным целям.

Для защиты города с моря и поддержки приморских флангов сухопутных войск был сформирован отряд кораблей Северо-Западного района под командованием контр-адмирала Д. Д. Вдовиченко. В его состав вошли крейсер «Коминтерн», эскадренные миноносцы «Шаумян» и «Незатомжик», 2-я бригада торпедных катеров, 5-й дивизион тральщиков, дивизион канонерских лодок («Красная Армения», «Красная Абхазия», «Красная Грузия», «Красный Аджаристан») и ряд вспомогательных судов. На морских подступах к порту были выставлены минные поля и корабельный дозор. Для отражения налетов авиации с моря в помощь средствам противовоздушной обороны были подготовлены шхуны с аэростатами заграждения и плавучие зенитные батареи.

К 5 августа из личного состава тыловых подразделений базы был сформирован 1-й морской полк в 1300 бойцов, заканчивалось формирование 2-го морского полка в 700 человек.

1-й морской полк (вскоре его пополнил 2-й морской полк) занял оборонительные рубежи и сражался с врагом упорно и стойко. Но главной силой, которой предстояло остановить фашистские полчища под Одессой, были дивизии Отдельной Приморской армии, отходившие к го-

роду, ведя исключительно тяжелые арьергардные бои с танками и мотопехотой противника. Только против одной 95-й стрелковой дивизии действовали 72-я немецкая пехотная дивизия, три пехотные дивизии и одна кавбригада румын. Однако части соединения и в условиях отхода наносили врагу большой урон. Так, в районе села Кассель противник численностью до полка прорвался к расположению огневых позиций 57-го артполка. Командиры батарей старшие лейтенанты П. С. Мануйлов и И. С. Прокопович организовали отражение его атак. С открытых огневых позиций батареи в упор расстреляли до двух батальонов фашистов, остальных обратили в бегство.

265-й артполк во время отхода остановился в приднестровском селе, ожидая горючее для тягачей. В это время у села появились вражеские танки. Бойцы вручную откатали тяжелые орудия в сады по обе стороны главной улицы и били по танкам из дальнобойных орудий прямой наводкой. Три танка были уничтожены, остальные повернули обратно. Заправив тягачи горючим, полк выступил из села, но на марше радисты полка приняли сообщение о том, что противник сбил заслоны 25-й дивизии и большое число его танков вышло на дорогу Тирасполь — Одесса, угрожая обойти отходящие на новые позиции советские войска и прорваться к Одессе. Командир полка Н. В. Богданов приказал первому и второму пушечным дивизионам занять позиции на обочинах дороги и приготовиться к стрельбе по танкам прямой наводкой, а третьему, гаубичному, — прикрыть полк огнем из-за бугра. Вскоре на дороге показалось 43 вражеских танка. Артиллеристы встретили их мощным и слаженным огнем. Несколько передних танков было подбито. Они загородили дорогу всей колонне, которая была вынуждена приостановить движение. В этот момент ее накрыл залп гаубичного дивизиона. Запылало еще несколько вражеских машин. Тогда фашистские танкисты решили обойти позиции артполка с флангов. Но там их встретили огнем противотанковые расчеты успевших занять оборону стрелковых частей. Танковый маневр врага был сорван.

На участке отхода 95-й дивизии некоторым подразделениям противника удалось выйти к рубежу обороны раньше наших частей. С ними столкнулся на окраине села Катаржино батальон, которым командовал майор В. А. Вруцкий. Советские воины были измотаны тяжелы-

Героическая оборона Одессы. 5.8 — 16.10 1941 г.

ми переходами и непрерывными боями, но, собрав последние силы, в отчаянной схватке смогли уничтожить вражеские подразделения и занять отведенные им позиции.

Дивизии Приморской армии понесли тяжелые потери в оборонительных боях и при отходе на рубежи под Одессой. В некоторых полках боевой состав не превышал 300 человек. Но каждый из них с пониманием и удовлетворением встретил последовавший 5 августа 1941 г. приказ Ставки Верховного Командования: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот». Этот день стал первым днем героической 73-дневной обороны Одессы.

Военный совет Приморской армии принял обращение к бойцам, командирам и политработникам, в котором подчеркивалось, что им «советский народ доверил дело высокой доблести и чести — защиту славного города Одессы». В обращении говорилось о славных революционных традициях одесских пролетариев, о героизме трудящихся города в борьбе с иноземными захватчиками в годы гражданской войны, о народнохозяйственном, культурном и военном значении Одессы. В этом документе содержался страстный призыв с честью выполнить приказ Ставки, во что бы то ни стало отстоять город.

В приказе Ставки, в обращении Военного совета бойцы и командиры, коммунисты и беспартийные слышали голос ленинской партии, голос Советской Родины и поклялись бороться самоотверженно и бесстрашно, стоять насмерть. И они сдержали эту свою клятву. Оборона города с самого начала и до конца полна примеров героизма и доблести защитников города. Так, четверка коммунистов из 241-го полка — старший лейтенант Кириченко¹, лейтенанты Пашков и Ясь, красноармеец Серегин — на конях с одним пулеметом внезапно ворвалась в захваченное противником село Жеребково и рассеяла роту фашистов. Вслед за ней ринулось на врага все подразделение, и гитлеровцы были отброшены на четыре километра.

Ценой больших потерь фашисты потеснили советские войска на всех участках обороны и вышли к Черному

¹ Автору, к сожалению, не удалось установить инициалы отдельных участников обороны и освобождения Одессы, о которых рассказывается в книге.

морю восточнее Тилигульского лимана. Одесса оказалась окруженной противником с суши. Но ему не удалось сломить сопротивление ее защитников. Враг сам ощущал теперь силу ударов не только частей и соединений Приморской армии, летчиков 69-го истребительного полка, но и корабельной и береговой артиллерии Черноморского флота. На рассвете 5 августа 411-я батарея 180-миллиметровых орудий, которой командовал капитан И. Н. Никитенко, открыла огонь по захваченному врагом Аккерману. Ее корректировочный пост, расположенный в Овидиополе, помог быстро уточнить пристрелку. Гитлеровцы были ошеломлены неожиданным и точным огневым ударом, который они приняли за налет авиации. В Аккермане была объявлена воздушная тревога, прожекторы из края в край прощупывали небо в поисках самолетов, зенитные батареи открыли сильный заградительный огонь. Но тяжелые фугасные снаряды продолжали методично, с интервалами в четверть минуты, рваться в районе Старой Крепости, где сосредоточилась румынская дивизия. За шесть минут огневого налета батарея уничтожила несколько сот вражеских солдат и много боевой техники.

Когда части 72-й немецкой пехотной дивизии после двухчасовой артиллерийской подготовки начали атаку, по ним открыли огонь корабли Черноморского флота. При появлении вражеских танков комендоры крейсера «Красный Крым», эскадренных миноносцев «Фрунзе», «Дзержинский», «Шаумян», «Незаможник» и канонерской лодки «Красный Аджаристан», ведя стрельбу по ориентирам, ранее пристрелянным береговыми батареями, в течение нескольких минут уничтожили 12 машин и до батальона пехоты.

Рубеж обороны выгнулся огромной полыхающей огнем и грохочущей взрывами дугой, упирающейся концами в море. Гитлера бесило при одном упоминании об Одессе: виданное ли дело, ему было достаточно по одной неделе для сокрушения европейских государств, а тут приходится так долго топтаться у не защищенного ни крепостными стенами, ни современными дотами города! Он связывался по прямому проводу с Антонеску, слал ему грозные телеграммы, требовал через своего посла в Бухаресте немедленно, не позже 20 августа, взять Одессу и тем самым обезопасить фланг наступающих армий на юге, высвободить войска для наступления на Крым и Донбасс. Гальдер в

те дни записал в своем дневнике: «Румыны считают, что им удастся занять Одессу только в начале сентября. Это слишком поздно. Без Одессы мы не сможем захватить Крым...» Берлин требовал скорее, любой ценой, любыми жертвами взять город. И румынские фашисты отчаянно стремились прорвать рубеж одесской обороны. Они бросили против трех дивизий Приморской армии сперва десять, а потом еще четыре свои дивизии, а против трех десятков самолетов 69-го авиаполка — больше сотни самолетов. У защитников города не было ни одного исправного танка, а враг ввел в бой до сотни танков, кавалерийские и моторизованные корпуса и бригады. Не сумев с ходу овладеть городом, не достигнув успеха в наступлении по всему фронту, он перешел к атакам на отдельных направлениях, концентрируя на них большие силы пехоты и танков. Но все его неистовые усилия разбивались о стойкость советских патриотов, о мужество и непреклонную решимость бойцов и командиров стоять насмерть.

Одесские лиманы, овеянные дымкой романтики и воспетые поэтами, теперь не только прикрывали фланги сражающихся советских частей, но и мешали им в обороне, не давали возможности маневрировать силами, оперативно перебрасывать их на участки, где противник сосредоточивал по нескольку дивизий и нацеливал танковые тараны, чтобы прорваться к городу. Изолированность прибрежных участков лиманами затрудняла взаимодействие войск и управление ими. И тогда командование Приморской армии приняло единственно правильное в этих условиях решение: образовать три относительно самостоятельных сектора обороны — Южный, Западный (центральный) и Восточный, командиры которых несли бы полную ответственность за удержание занятых рубежей.

От самого моря у Григорьевки по степным балкам и зарослям камыша, через Аджалыкский, Куяльницкий лиманы до села Чеботаревки, по берегу Хаджибейского лимана протянулись рубежи Восточного сектора. Это был самый трудный участок, именно здесь противник с самого начала решил прорваться к городу. Против Восточного сектора он бросил 15-ю и 13-ю пехотные дивизии, кавалерийскую бригаду, моторизованную бригаду румын, части 72-й немецкой пехотной дивизии и несколько немецких батарей. Между тем для защиты этого участка из состава Приморской армии удалось выделить всего один, 54-й

имени Разина полк Чапаевской дивизии (другие части 25-й Чапаевской и 95-я Молдавская дивизия сковывали врага значительно западнее, у Сухого Лимана и железной дороги Одесса — Москва; кавалерийская дивизия после тяжелых, изнурительных боев была выведена в резерв на пополнение и переформирование). Кроме разинцев основные силы сектора составляли 1-й морской полк, 26-й полк пограничников, сформированный из личного состава пограничных застав и местных подразделений НКВД, батальон запасного стрелкового полка и два истребительных батальона, состоявших из одесских добровольцев. Все эти разнородные, только что сформированные, а в ряде случаев недостаточно обученные и слабо вооруженные части были объединены в группу под командованием бывшего коменданта Тираспольского укрепрайона комбрига С. Ф. Монахова. Моряки, пограничники, разинцы, ополченцы буквально грудью прикрывали подступы к родному городу на этом направлении.

— Пяти танкам удалось подойти вплотную к окопам взвода лейтенанта Вахмянина, — вспоминает бывший начальник штаба полка пограничников полковник запаса М. Г. Кудряшов. — Завязался первый наш бой под Одессой. Пограничники не имели ни противотанковых ружей, ни пушек, в их распоряжении были только гранаты да бутылки с горючей смесью. Но лейтенант Вахмянин и его подчиненные не дрогнули перед бронированным врагом. Со связками ручных гранат и бутылками с горючей жидкостью навстречу танкам первыми бросились заместитель политрука Худошин, бойцы Илларионов и Галибов. Все пять машин были сожжены. Вражеская пехота, понеся большой урон, откатилась назад.

Но передышка на участке полка длилась недолго. Противник подтянул силы, и атаки следовали одна за другой почти непрерывно в течение пяти суток. Сосед справа под напором превосходящих сил фашистов стал отходить, правый фланг пограничников оказался обнаженным. Тогда командир полка майор А. А. Маловский приказал батальону, которым командовал капитан М. А. Шейкин, нанести врагу удар во фланг. Но как это сделать, если до наступающих неприятельских цепей было несколько километров и, прежде чем пограничники войдут в соприкосновение с ними, противник может прорваться в тыл обороны? Но капитан Шейкин находит выход — на привезших боепри-

пасы автомашинах под минометным и орудийным огнем перебрасывает батальон во фланг противнику. Ворвавшись во вражеские боевые порядки, поливая гитлеровцев огнем из ручных пулеметов и забрасывая гранатами, пограничники прямо с машин бросились в штыковую атаку. Ободренные подоспевшей помощью, отступающие подразделения также перешли в атаку. В результате фашистские части были отброшены на шесть километров.

Героически дрался с врагом 1-й полк морской пехоты, которым командовал полковник Я. И. Осипов.

Яков Иванович Осипов был человеком удивительного мужества и большого военного таланта. Сын молотобойца, погибшего от казацкой шапки в годы первой русской революции, матрос с крейсера «Рюрик», вместе с другими балтийцами слушавший речь Ленина у дворца Кшесинской, участник штурма Зимнего в 1917 г. и гражданской войны, он всегда шел в первых рядах самоотверженных борцов за народное счастье. Шрамами от белогвардейских пуль и рваными рубцами тяжелых осколочных ранений, перепахавших его грудь и шею от плеча к плечу, Осипов гордился так же, как и орденом Красного Знамени, заслуженным в боях с белогвардейцами и интервентами. После гражданской войны Яков Иванович искал дела под стать своему неутомному, бойцовскому характеру — служил на Амурской флотилии, на Тихоокеанском флоте, а когда Советская Родина начала создавать военный флот в Заполярье, попросился на берега Северного Ледовитого океана, где было труднее всего. Война застала его на ответственном посту в Одесской военно-морской базе. Когда враг подошел к городу, он попросил своего непо-

средственного начальника и бывшего соратника по матросской конной разведке под Астраханью контр-адмирала Г. В. Жукова направить его вместе с восемнадцатилетней дочерью Ниной, ставшей к тому времени фельдшером, в формировавшийся морской полк. А получив восьмое ранение под Одессой, Осипов писал жене в Горький: «Держись, мать! За Советскую власть дерусь крепко... Скоро встретимся, и только в Одессе!»

Он был командиром, отцом и товарищем для каждого бойца морского полка. В редкие минуты фронтового затишья Осипов любил посидеть с бойцами в траншеях. Он часто рассказывал им о Ленине, о боевых подвигах моряков в годы гражданской войны, о своих встречах с Сергеем Мироновичем Кировым в дни обороны Астрахани. Слова пламенного трибуна партии: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье Волги было, есть и будет советским» — бойцы воспринимали, как слова, обращенные к ним, защитникам Одессы, и часто, перефразируя их, повторяли: «Пока хоть один из нас жив, врагу не бывать в Одессе!»

Когда раздавался сигнал атаки, моряки видели своего командира впереди, среди атакующих. Он нередко вел в штыковые атаки батальон, а то и роту, взвод, за что однажды был даже строго предупрежден контр-адмиралом Жуковым.

— Вы не имеете права так рисковать собою, — выговаривал ему командующий, когда тот получил штыковое ранение в бою.

Осипов только улыбался в ответ. Он знал, что это был как раз тот случай, когда пример командира решал исход боя. Бросив против морского полка две пехотные дивизии, противник ценой больших потерь потеснил моряков. Создалась угроза прорыва линии обороны. Краснофлотцы стояли насмерть, но атакующие цепи врага подошли к самым окопам. Вот тогда полковник Осипов и поднял в штыковую контратаку всех, кто был с ним рядом. Моряки, сбросив с себя защитные гимнастерки, надели бескозырки и в одних тельняшках, со штыками наперевес бросились за командиром в атаку.

Рота, которой командовал капитан А. С. Ламзин, провалилась так далеко, что оказалась в окружении. Восемь часов она отбивала яростные атаки румынского батальона, усиленного танками и минометами. Капитан собирал

бойцов в группы и наносил врагу неожиданные удары то в одном, то в другом направлении. Заметив, что солдаты противника укрываются в пшенице, командир роты незамедлительно воспользовался этим. Три созданные им группы бойцов незаметно обошли врага с трех сторон и подожгли густую сухую пшеницу. Противник оказался в огненном кольце, в его боевых порядках поднялась паника.

Рота, уничтожив два танка, до двухсот солдат и офицеров, вырвалась из окружения.

Несколько позже о событиях тех дней под Одессой сообщало Совинформбюро: «Краснофлотцы по нескольку раз в день ходят в атаку и наносят противнику огромный урон. Только за три дня бойцы 1-го полка морской пехоты уничтожили до двух полков румынской пехоты, 4 танка, много автомашин, орудий и пулеметов. Среди трофеев, захваченных у румын, — 6 танков, 18 пушек, несколько сот винтовок, много патронов, 8 минометов, 20 автоматов, 17 пулеметов, несколько тысяч снарядов и много ручных гранат. Краснофлотцы захватили в плен более 200 румынских пехотинцев и эскадрон королевской кавалерии во главе с командиром».

Ожесточенные бои вели и войска Западного (центрального) сектора обороны. Обескровленная тяжелыми боями на отходе 95-я Молдавская дивизия под командованием генерал-майора В. Ф. Воробьева (он же был начальником сектора) на 20-километровом рубеже сдерживала натиск двух румынских пехотных дивизий и одного армейского корпуса. После трехчасовой артиллерийской подготовки части противника двинулись в наступление при поддержке танков. Но хорошо организованным огнем нашей пехоты и артиллерии их атаки были отбиты.

В районе железнодорожной станции Карпово коммунист лейтенант Яков Бреус, заменивший павшего в бою командира батальона 161-го стрелкового полка, поднял подразделения в контратаку, в результате которой были уничтожены тысячи солдат и офицеров из румынской королевской дивизии. Тогда противник бросил на Карпово авиацию. До тридцати бомбардировщиков совершили несколько налетов на позиции батальона. Затем последовал артиллерийский обстрел. Огонь вели десятки вражеских орудий и минометов. После артобстрела опять начался налет бомбардировщиков. Однако батальон не понес ощу-

тимого урона: люди были надежно укрыты в блиндажах и траншеях.

Как только затихла канонада, в атаку пошли вражеские танки и тринадцать цепей пехоты. В батальоне имелось всего три противотанковых орудия. Да и запас бронебойных снарядов был невелик. Все надежды возлагались на бутылки с горючей смесью. Около полусотни бойцов, вооруженных этими бутылками, расположились впереди рот, в глубоких окопах.

Бой длился до вечера. Натиск врага был успешно отбит. Перед позициями батальона осталось около семисот убитых солдат и офицеров и пять подбитых танков. Но на рассвете следующего дня атаки противника возобновились.

Особенно сильный натиск враг оказывал на участке восьмой роты. «Командир тяжело ранен. Рота понесла большие потери, — доложили Бреусу по телефону. — Просим помощи!» «Держитесь! Иду на помощь!» — крикнул в трубку Бреус. Но чем он мог помочь? Кругом кипел бой, другие роты с трудом сдерживали фашистов. Он не мог взять из них ни одного бойца. Лейтенант вскочил на коня и на виду у врага, открывшего яростный огонь, помчался по открытой местности. «За мной!» — скомандовал он восьмой роте. Бойцы ринулись вперед...

В районе станции Карпово батальон уничтожил свыше 1200 гитлеровцев, подбил 24 танка. Якову Георгиевичу Бреусу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1942 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

В Западном секторе противник, подтягивая свежие силы, снова и снова предпринимал атаки. Фашистское командование не считалось с большими потерями в людях: пехота, имея в боевых порядках танки, двигалась плотными цепями и даже колоннами по открытой местности. Когда цепи подходили на расстояние 250—300 метров, их встречали дружным артиллерийским и пулеметно-винтовочным огнем. Сраженные пулями и осколками падали, но следовавшие за ними цепи, подгоняемые офицерами, перешагивали через убитых и раненых, шли вперед за танками. Тогда советские бойцы поднимались в контратаку со штыками наперевес, и вражеская пехота в панике бросалась в бегство. Но через час-полтора атакующие цепи появлялись снова.

Так повторялось по несколько раз в день. Невозможно счесть героических подвигов, совершенных защитниками Одессы в те дни. По всем рубежам обороны гремела слава о доблестных артиллеристах капитана В. И. Барковского, лейтенанта М. В. Кочергина, командира корректировочного поста лейтенанта Г. А. Борисенко. Пулеметчик комсомолец Иргаш Тимиров в одном бою уничтожил триста фашистских вояк. На участке 161-го стрелкового полка, которым командовал опытный военачальник, участник гражданской войны полковник С. И. Серебров, только за один день, 18 августа, было подбито 25 вражеских танков, поле боя здесь было буквально усеяно убитыми солдатами и офицерами противника.

Южный сектор прикрывал Одессу с юга и юго-запада, от морского побережья у Каролино-Бугаза, через Овидиополь, Беляевку до села Секретаревки. За это направление отвечал командир дивизии полковник А. С. Захарченко, но вскоре начальником Южного сектора стал генерал-майор И. Е. Петров, назначенный командиром 25-й Чапаевской дивизии. 20-километровый рубеж сектора отстаивали всего два полка Чапаевской дивизии, сводный пулеметный батальон Тираспольского укрепрайона да группа подвижных флотских батарей. На один километр фронта приходилось лишь 5—6 орудий.

В ночное время прямо в траншеях состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых чапаевцы обсуждали свои задачи по выполнению приказа главного командующего Юго-Западным направлением Маршала Советского Союза С. М. Буденного — Одессу не сдавать, ни шагу назад! Бойцы клялись с честью выполнить приказ. После длительной артиллерийской подготовки на участке чапаевцев перешли в наступление две румынские пехотные дивизии, усиленные танками. В завязавшемся бою пример бесстрашия и стойкости показали командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы. Под сильнейшим напором врага одна из рот полка, которым командовал майор С. И. Султан-Гулиев, начала отходить. Командир полка вместе с комиссаром Н. А. Балашовым, взяв 15 бойцов и командиров штаба, выехал на этот участок. Майор с группой бойцов ударил во фланг наступающим цепям противника, а военком сумел остановить отходящую роту и лично повел ее в контратаку. Бой продолжался до поздней ночи. Наступление румынских ча-

стей захлебнулось. Но на следующий день после почти часового обстрела позиций из орудий и минометов противник снова предпринял общую атаку на позиции полка. И снова чапаевцы поднимались в контратаки. Во время одной из них был тяжело ранен майор Султан-Гулиев, командование полком принял капитан Ковтун. Противник в течение нескольких суток бросал в наступление все новые и новые части, не скупился на снаряды и мины. Главный удар он наносил по открытому склону, где позиции занимала всего одна рота, понесшая большие потери. Когда в подразделении осталось в живых лишь семь бойцов и один командир, а все пулеметы вышли из строя, враг смял их и ринулся в глубь обороны. Капитан Ковтун бросил в бой свой последний резерв — комендантский взвод и саперную роту. В разгар контратаки командир саперной роты был тяжело ранен. Бойцы замедлили темп движения, создалась угроза окружения командного пункта. В эту критическую минуту капитан Ковтун вскочил на оседланную лошадь и под ураганным минометным огнем помчался в саперную роту. Бойцы, узнав в скачущем на сером коне среди густых разрывов мин командира полка, все, как один, поднялись в контратаку и с громовым «ура!» бросились навстречу спускающимся по склону цепям вражеской пехоты. Те не выдержали удара, повернули назад и побежали.

Батальоны закрепились на отбитом у врага рубеже. В это время с левого фланга комиссар полка передал, что там бойцы выдержали несколько атак врага и не отступили ни на шаг. К концу дня Балашов, весь израненный, появился на командном пункте полка.

— Отправляйтесь в санчасть, оттуда в госпиталь, — предложил ему командир полка.

— Не могу, — ответил Балашов. — Комиссар не имеет права в такую минуту оставлять поле боя.

И он оставался в боевом строю, воодушевляя бойцов своим примером мужества и негибаемой воли.

Смело контратаковали противника и бойцы 31-го Пугачевского полка Чапаевской дивизии в районе Кагарлыка. Особенно отличилась минометная рота младшего лейтенанта Владимира Симонка. Когда погиб командир стрелковой роты, Симонок заменил его и повел обе роты в атаку. В результате враг, не ожидавший такого удара, был выбит из Кагарлыка.

Каждый полк Приморской армии сдерживал натиск и сковывал до двух вражеских дивизий. Но силы были неравные. Введя в бой на участке Кагарлык, Беляевка до шести пехотных, одной кавалерийской дивизий и одной бронебригады, противник 19 августа прорвал здесь фронт и ворвался в Беляевку, имевшую большое оперативное значение. Он захватил и немедленно отключил Беляевскую водонасосную станцию на Днестре, лишив тем самым в разгар жаркого лета 360-тысячное население Одессы и войска обороны источника снабжения пресной водой.

Изумительные образцы отваги и высокого сознания долга проявляли моряки береговых батарей Одесской военно-морской базы и кораблей прикрытия. Шесть стационарных береговых батарей калибром от 180 до 203 миллиметров, обладавшие дальностью стрельбы до 35 километров, по запросу начальников секторов посылали свои полутонные снаряды по скоплениям вражеских танков и мотопехоты, по позициям артиллерии.

Отважно сражались с врагом летчики 69-го истребительного полка под командованием майора Л. Л. Шестакова. Большую роль в обороне города играла морская авиация.

Так, 18 августа воздушная разведка установила, что из румынского порта Сулин в направлении Одессы вышли восемь больших и четыре малых транспорта, с которых враг, по всей вероятности, намеревался высадить десант. Бомбардировщики Черноморского флота ударом с воздуха потопили два судна, а остальные транспорты возвратились в свою базу.

К 19 августа в результате почти двухнедельных боев противник в своих тщетных попытках с ходу овладеть городом потерял свыше 50 процентов живой силы и боевой техники дивизий, находившихся в первом эшелоне. Приморская армия тоже несла большие потери, составлявшие до 40 и более процентов общего количества бойцов в частях. Еще большим был урон в командном составе. Не хватало артиллерийских боеприпасов, а также стрелкового оружия для ополченцев. Были случаи, когда прибывшие на передний край батальоны поднимались в контратаки с одними ручными гранатами и бутылками с зажигательной смесью. А фашистское командование между тем вводило в бой новые резервы бронетанковых

сил и пехоты, подтягивало дальнобойную артиллерию и усиливало атаки.

Под натиском численно превосходящего противника войска Южного и Западного секторов вынуждены были оставить передовой рубеж обороны и отойти к линии Петерсталь, Выгода, Чеботаревка. Одновременно с ударами по Южному сектору враг бросил свежие силы против Восточного сектора. Морякам, пограничникам, одесским ополченцам при поддержке кораблей Черноморского флота и береговых батарей приходилось отбивать атаки все новых

и новых дивизий врага. Постепенно боевые действия перемещались на ближние подступы к Одессе.

Дальнейший успех обороны во многом зависел от пополнения войск живой силой, снабжения их вооружением, боеприпасами и продовольствием. Все это осажденная Одесса могла получить только морем. Кроме того, возникли трудности управления Приморской армией со стороны Военного совета Южного фронта, основные силы которого, отойдя на восток от Днепра, находились далеко от обороняющегося города. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования по предложению главнокомандующего Юго-Западным направлением и наркома Военно-Морского Флота 19 августа приняла директиву об образовании Одесского оборонительного района (ООР) с подчинением его Военному совету Черноморского флота. В состав ООР вошли силы Приморской армии, Одесской военно-морской базы и часть кораблей основного ядра флота.

Командующим Одесским оборонительным районом был назначен контр-адмирал Г. В. Жуков — человек героической биографии, типичной для многих военных деятелей периода Великой Отечественной войны. Выходец из бедной крестьянской семьи, подростком познавший тяжелый

труд чернорабочего на железной дороге, а затем на одном из заводов Самары, он 18-летним юношей добровольно вступил в Красную Армию, воевал в составе матросского десанта против иностранных интервентов и белогвардейских банд под Астраханью. По поручению командования флотилии в 1919 г. Гавриил Васильевич в составе небольшой группы командиров направляется на Вятку для формирования нового дивизиона речных кораблей. Жукова назначают командиром канонерской лодки. Здесь особенно ярко проявляется железная воля моряка и его преданность делу революции. Организаторский и командирский талант, большевистское мировоззрение Г. В. Жукова развивались и крепились под влиянием таких героев гражданской войны, как будущий видный советский флотоводец Иван Кожанов, как профессиональные революционеры Лариса Рейснер, Сергей Гусев. В партийную неделю 1919 г. Жуков вступает в ряды большевистской партии. Тогда же за успешные действия против белогвардейцев он в числе первых красных командиров награждается орденом Красного Знамени.

После гражданской войны Жуков окончил Ленинградское военно-морское училище, служил на кораблях Балтики и Черного моря, участвовал в боях с фашистами в Испании. Получив в конце 1938 г. назначение командиром Одесской военно-морской базы, он отдал немало сил для ее укрепления, подготовки к будущим боям. Опытный военачальник, принципиальный коммунист, сочетающий высокую требовательность к себе и к подчиненным с душевной заботой о людях, Гавриил Васильевич за короткий период снискал горячую любовь моряков, завоевал высокий авторитет среди коммунистов и трудящихся города. Он был депутатом областного Совета, членом обкома партии, кандидатом в члены ЦК компартии Украины. В дни обороны Одессы наиболее ярко проявились его высокие партийные и командирские качества.

В Военный совет ООР вошли заместитель начальника политуправления Черноморского флота дивизионный комиссар И. И. Азаров, член Военного совета Приморской армии дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин и первый секретарь Одесского обкома партии, впоследствии бригадный комиссар А. Г. Колыбанов. Заместителями командующего ООР были назначены: по сухопутным войскам — командующий Отдельной Приморской армией Г. П. Соф-

А. Г. Колыбанов

ронов, по обороне с моря — командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал И. Д. Кулешов, по авиации — комбриг В. П. Катров. Помощником командующего районом по инженерной обороне получил назначение опытный фортификатор, ученик и соратник Д. М. Карбышева генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов. Штаб оборонительного района возглавил генерал-майор Г. Д. Шишенин. Членом Военного совета Приморской армии вместо Воронина стал бывший секретарь Измаильского обкома партии бригадный комиссар М. Г. Кузнецов.

В результате создания Одесского оборонительного района и его управления сложилась единая стройная система руководства обороной города, позволявшая четче наладить взаимодействие всех родов войск, эффективнее применять всю имевшуюся боевую технику, усилить оборонительное строительство, лучше использовать местные ресурсы для нужд переднего края. Начался новый этап героической обороны Одессы.

Глава третья

ВСЕ ДЛЯ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Довоенная Одесса... Город живет в ореоле славы революционных битв девятьсот пятого и девятьсот семнадцатого годов, над ним незримо реют алые знамена восставшего броненосца «Потемкин» и коммунистических полков, отправлявшихся на фронты гражданской войны. Он овеян романтической дымкой дальних морских походов, знаменит трудовой доблестью одесситов, вдохновенно создающих вместе со всем советским народом новый, социалистический мир.

В этом удивительном городе художникам, зодчим и строителям создавать красоту помогало само Черное море, ласковое солнце и голубое небо. И как помрачнели и нахмурились и это море, и солнце, и небо, когда на советской земле разорвались первые фашистские бомбы и снаряды. Одесса с первых дней войны стала нестигаемым и мужественным бойцом, стойким защитником своей страны. Ряды одесситов цементировали коммунисты и комсомольцы, поклявшиеся на своих собраниях быть примером железной дисциплины и организованности, настойчивости и упорства в труде, всемерно помогать Красной Армии, самоотверженно защищать родную землю. Еще до начала обороны Одессы все горожане призывного возраста ушли на фронт, а когда враг прорвался на подступы к городу, по зову областной партийной организации и собственных сердец 12 тысяч коммунистов и 73 тысячи комсомольцев отправились на передовые позиции, пополнив части Приморской армии. Из добровольческих отрядов Одессы, 1-го морского полка и полка пограничников, добрую половину которых тоже составляли одесситы, вскоре была

сформирована 421-я Одесская дивизия, державшая оборону в Восточном секторе против пяти фашистских дивизий.

Воспитанные на революционных и боевых традициях советского народа, трудящиеся Одессы дрались с врагом беззаветно, не жалея крови и самой жизни. Однажды гаубичная батарея, которой командовал лейтенант Дионисий Бойко, оказалась в тяжелом положении: что-то случилось с прикрывавшей ее пехотой, а из-за пригорка метрах в трехстах неожиданно показались автоматчики противника. По команде Бойко орудия открыли ураганный огонь прямой наводкой. Первая волна атакующих была сметена, но за ней появилась вторая. Артиллеристы снарядом уничтожили и ее. Но вскоре показалась третья волна — густая лавина автоматчиков. Оказалось, что на этом участке противник предпринял так называемую психическую атаку: полупьяные солдаты, подбадриваемые полковыми оркестрами и священниками, подгоняемые офицерами и немецкими автоматчиками, получившими приказ расстреливать всякого, кто попытается бежать с поля боя, шли волна за волной. Артиллеристы лейтенанта Бойко уничтожили и третью лавину. Однако за ней начала приближаться четвертая — и так восемь атак, одна за другой. Орудия раскалились, в компрессорах закипало масло, коробилась и горела краска на стволах, но люди держались, ведя непрерывный огонь. Снаряды рвались перед самыми орудиями, угрожая поразить осколками своих же бойцов — так близко подкатывались враги к батарее. Артиллеристы отбили все восемь атак, уничтожив свыше тысячи отборных вояк из королевской дивизии. А ведь вся батарея состояла из добровольцев, которые всего месяц назад занимались сугубо мирными делами: командир батареи Бойко преподавал марксизм-ленинизм в Одесском индустриальном институте, младший лейтенант Левин был инженером-пищевиком, младший лейтенант Светашев — инженером-электриком, наводчики Бережной и Лукашевич — слесарями, Думанюк — палубным матросом на теплоходе, Фудоров — трактористом, разведчик Олехнович — токарем.

В сентябре был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников обороны Одессы орденами и медалями. Среди удостоенных ордена Ленина был и лейтенант Д. П. Бойко.

В дивизионе, в который входила эта батарея, служил командиром отделения разведчиков депутат Одесского областного Совета депутатов трудящихся младший сержант Александр Алексеевич Нечипоренко. Неоднократно отважные разведчики под его командованием совершали дерзкие вылазки в тыл врага для того, чтобы добыть «языка», разведать огневые точки противника, корректировать огонь наших батарей. Однажды Нечипоренко пришлось отправиться через линию фронта одному, без боевых товарищей. Осторожно продвигаясь вперед по зарослям кукурузы, он натолкнулся на противотанковую батарею. Меткими бросками гранат разведчик уничтожил несколько вражеских солдат, а остальных обратил в бегство. Затем он быстро запряг лошадей в одну из противотанковых пушек, погрузил несколько зарядных ящиков и помчался в свою часть. Пушка оказалась вполне исправной, а в ящиках находилось 70 снарядов к ней и 200 бронебойных патронов.

А. А. Нечипоренко

В дни героической обороны Нечипоренко писал с передовой своим избирателям, что не пожалеет «ни сил, ни здоровья, ни самой жизни для победы над врагом». Эту свою клятву депутат выполнил с честью. В сентябре разведчик А. А. Нечипоренко был награжден орденом Ленина.

В районе села Дальник отделение народного ополчения, состоявшего из рабочих морского порта, завода имени Ильича, табачной фабрики и канатного завода, отбило 16 вражеских атак и пятеро суток удерживало занимаемый рубеж. Восемь из десяти этих героев погибли, но не отступили ни на шаг. У двоих оставшихся в живых комсомольцев кончились патроны, а на их позицию устремились танк и целый взвод пехоты. Тогда один из них, Лев Руднев, приказал Нине Воскобойниковой: «Пробирайся к

своим, скажи там, в Одессе, что мы честно сражались до последнего вздоха». Со связкой гранат в руках Руднев бросился под вражеский танк и подорвал его...

Добровольцами на передний край уходили независимо от профессии, пола и возраста. Жил в Одессе один из первых рабкоров ленинской «Правды», бывший молотобоец завода «Гена», ставший потом известным советским журналистом, Алексей Михайлович Борисов. По преклонности возраста и слабому здоровью ему не разрешили уйти на фронт. Он был назначен начальником районного штаба народного ополчения. Но когда Борисов отправил на передний край всех своих ополченцев, он с последней группой и сам ушел на пополнение морского добровольческого отряда. В боях погибли все политруки рот и почти все коммунисты отряда, и комиссар послал Борисова в первую роту политбойцом. А наутро отряду пришлось отбивать танковую атаку. Морякам было приказано залечь в окопах, пропустить через себя вражеские танки, а как только они пройдут, подняться из-под их гусениц и гранатным ударом отсечь от них пехоту. И, первым поднявшись в контратаку, увлек за собой всю роту коммунист Алексей Михайлович Борисов.

А одесскому школьнику Саше Шейченко не было еще и двенадцати лет, когда он упросил полковника Осипова взять его к себе в полк. Вскоре Саша стал лихим разведчиком. Переодевшись в лохмотья, он ночью незаметно пробирался через линию фронта и высматривал расположение войск противника, его огневых средств, приносил важные для нашей артиллерии и штурмовой авиации сведения.

При выполнении боевого задания Саша был схвачен фашистами. Они зверски пытали его, выжгли пятиконечную звезду на груди, но юный герой молчал. Чудом мальчугану удалось спастись. После лечения в госпитале Саша воевал под Севастополем и под Новороссийском, а в 1943 г. на одном из катеров дивизиона, которым командовал капитан-лейтенант Н. И. Сипягин, участвовал в высадке десанта на Мысхако.

Во всех секторах обороны гремела слава о девушках-комсомолках из разинского полка Н. А. Ониловой и Л. М. Павличенко.

Воспитанница детского дома, Нина Онилова до войны работала на трикотажной фабрике, в осоавиахимовских

кружках освоила пулемет и санитарное дело. Она, как и тысячи одесских девушек, добровольно ушла на фронт и гордилась тем, что попала в Чапаявскую дивизию. Получив пулемет, Нина заявила: «Из него я буду беспощадно косить фашистов». О том, как советская патриотка в первом же бою выполнила свое обещание, вспоминает бывший политрук роты 54-го полка 25-й стрелковой дивизии майор запаса Яков Яковлевич Васьковский:

— На участке нашего полка противник бросил в бой свежую пехотную дивизию. Пять артиллерийских полков и бронерота поддерживали наступающих огнем.

Под натиском врага стал отходить отдельный батальон железнодорожников, оперативно подчиненный полку. Образовался разрыв, в который противник немедленно ввел до полка пехоты. Фланговый батальон открыл огонь, но комбат капитан Сергиенко заметил, что расчет станкового пулемета, только накануне прибывший на пополнение рот и находившийся ближе всех к атакующим, не стреляет. Капитан приказал командиру первой стрелковой роты лейтенанту Гринцову немедленно отправиться к пулеметчикам и выяснить, в чем дело. Добежав до окопа пулеметного расчета, Гринцов увидел, что наводчик лежит у пулемета и спокойно наблюдает за приближающимся противником.

— Почему не стреляете?! — гневно спросил Гринцов.

— Далеко еще, — ответил пулеметчик.

— Они же забросают вас гранатами, немедленно открывайте огонь!

— Пусть еще ближе подойдут, — невозмутимо отозвался пулеметчик. Лейтенант уже хотел было отстранить его, чтобы самому открыть огонь, но в это время пулемет заработал. Первая же очередь скосила многих

Н. А. Онилова

Л. М. Павличенко

атакующих, но враг продолжал наступать. Последовали вторая, третья, четвертая очереди почти в упор, и последние фашисты упали за смертью у самого окопа пулеметчиков. Только когда атака была отбита, наводчик обернулся к лейтенанту, и тот узнал в нем по-мальчишески подстриженную девушку. Это была Нина Онилова. В том первом своем бою она уничтожила более сорока солдат и офицеров противника.

— Молодчина! — восхищенно воскликнул Гринцов. — Орден заслужила!

— Орден — это хорошо, товарищ командир, — ото-

звалась Нина. — Но я пришла сюда не за орденом. За спиной родная Одесса...

Несколько позже, в 1942 г., незадолго до своей гибели в боях за Севастополь Нина Онилова писала: «Когда началась война, я попала — какое это было счастье для меня! — в Чапаевскую дивизию, ту самую, настоящую. Я со своим пулеметом защищала Одессу, а теперь защищаю Севастополь. С виду я, конечно, очень слабенькая, маленькая. Но... у меня ни разу не дрогнула рука... Когда защищаешь дорогую, родную землю и свою семью (у меня нет родной семьи, и поэтому весь народ — моя семья), тогда делаешься очень храброй...»

Добровольно пришла в армию и сотрудница одесской научной библиотеки имени Горького, студентка-заочница Киевского университета Людмила Павличенко. Став снайпером, она уничтожила под Одессой свыше 100 фашистов.

Обе девушки героически сражались и под Севастополем. Обе они впоследствии были удостоены звания Героя Советского Союза. А таких девушек под Одессой было много — пулеметчиц, разведчиц, связисток, подносчиц снарядов, санитарок, медицинских сестер.

Линия фронта проходила не только по окопам переднего края, но и по каждой улице города, через каждый дом, через каждый цех фабрики, завода. Одесса стала в полном смысле этого слова фронтовым городом, а душой ее обороны, инициатором всех патриотических начинаний трудящихся, их подлинным вожаком — Одесская партийная организация. 10 августа, в день, когда, по расчетам фашистов, они уже должны были маршировать по улицам Одессы, состоялось собрание городского партийного актива, обсудившее задачи парторганизации в условиях вражеской осады. Оно наметило конкретные меры по улучшению подготовки боевого пополнения войск Приморской армии и военно-морской базы, строительству оборонительных сооружений, организации работы местной противовоздушной обороны и обеспечению ремонта боевой техники для переднего края.

27 и 28 августа прошли собрания партийного актива городских районов. В принятых резолюциях содержалось требование к коммунистам: личным примером в труде и в бою и пламенным словом повышать боевой дух населения, еще больше проявлять инициативу в расширении производства продукции для фронта и повышении ее качества.

«Пришло время, когда каждый из нас обязан встать на защиту родного города, — говорилось в обращении областного и городского комитетов партии, исполкомов областного и городского Советов «К гражданам города Одессы». — Наступил момент, когда славные боевые традиции одесского пролетариата должны быть воплощены в новые боевые подвиги рабочих, работниц, работников науки, техники и искусства, домохозяек по обороне своего родного города от фашистских варваров... Каждый дом, каждое предприятие должны быть крепостью, о которую сломают зубы фашистские бандиты...»

Обстановка требовала исключительной мобильности и оперативности в работе. С учетом этого были расставлены партийные, советские, комсомольские работники. Первый секретарь обкома и горкома партии А. Г. Колыбанов, входивший в состав Военного совета ООР, и председатель облисполкома Н. Т. Кальченко осуществляли общее руководство работой партийных и советских органов по мобилизации всех сил и средств города для обороны, согласовывали деятельность обкома партии и обл-

исполкома с деятельностью командования оборонительного района. Обязанности среди других секретарей обкома были распределены так, чтобы каждый из них отвечал за конкретный участок: Г. С. Сенин ведал организацией подпольного и партизанского движения, В. Д. Горба — строительством баррикад, подготовкой отрядов к уличным боям и катакомб и подвалов — для укрытия населения, противопожарными мероприятиями; Л. И. Найдек — оборонным строительством, мобилизацией людей в армию; И. А. Сосновский — массово-политической работой; А. Ф. Чернявский — промышленностью, выполнением оборонных заказов; Д. Г. Гапий — снабжением населения продуктами питания; Е. Ф. Карюков — эвакуацией населения, оборудования и ценностей.

Для оперативного руководства жизнью Одессы были созданы городская и районные оперативные группы в составе первых секретарей партийных комитетов, председателей исполкомов и начальников отделов НКВД или милиции. Они обеспечивали строительство оборонительных сооружений, боевую и политическую подготовку народного ополчения, соблюдение общественного порядка, охрану предприятий, источников водоснабжения и т. п.

Коммунисты, имевшие опыт политической и организаторской деятельности, направлялись в распоряжение политотдела Приморской армии для работы в частях. Из секретарей городского комитета партии на прежнем посту остались только Н. П. Гуревич, возглавлявший городскую оперативную группу, да недавно назначенный секретарь по пропаганде П. Д. Леонов. Секретари горкома А. С. Гриценюк и М. М. Чумаченко, некоторые заведующие отделами и все инструкторы ушли политработниками в армию. Многие партийные активисты отправились на фронт в составе семи истребительных батальонов. Так, на заводе имени В. И. Ленина первым в ряды народного ополчения вступил депутат Верховного Совета СССР коммунист Василий Федорович Михайличенко, на заводе «Красный Профинтерн» — старый партизан литейщик Павел Семенович Дидковский. Председатель городского Совета Б. П. Давиденко возглавил местную противовоздушную оборону города.

Фашистские самолеты большими группами налетали на город по 12—15 раз в сутки и бомбили предприятия и жилые кварталы. Бойцы МПВО проникали в разрушенные

здания и извлекали из-под обломков людей, оказывали медицинскую помощь пострадавшим, восстанавливали разрушенные линии транспорта и выведенные из строя средства связи, тушили пожары. Члены домовых групп самозащиты, преимущественно женщины и подростки, проявляя большую выдержку и самообладание, круглосуточно дежурили на крышах зданий, обезвреживали вражеские зажигательные бомбы.

На предприятия назначались комиссары из состава партийного и советского аппарата. Перед ними ставились задачи исключительной важности: обеспечивать своевременное выполнение заданий фронта, поднимать уровень массово-политической работы.

Из 600-тысячного населения Одессы к середине августа осталось в осажденном городе 360 тысяч, остальные ушли на фронт или эвакуировались с предприятиями оборонного значения в глубь страны. Неимоверные испытания выпали на долю тех, кто до последнего дня обороны находился в городе. Фашисты варварски бомбили и обстреливали артиллерией не только военные объекты, но и жилые кварталы, школы и больницы. Налеты были так часты и неожиданны, что посты противовоздушной обороны иногда не успевали оповещать город об опасности. Одесситы уходили под землю, в специально вырытые во дворах, на улицах и в парках щели, в подвалы больших домов. Со второй половины августа многие жители по собственной инициативе стали переселяться в катакомбы. 38 тысяч человек нашли надежное укрытие от вражеских бомб и снарядов в этих темных и сырых штольнях, пролегающих на глубине 18—30 метров. Днем, когда все трудоспособные люди уходили на работу, в катакомбах находились только старики, дети и больные. Здесь по постановлению городского Совета 15 сентября начали свой учебный год многие одесские школы.

10—12 тысяч человек, главным образом женщины и подростки, ежедневно уходили на фортификационные работы. Под бомбежками и артиллерийским обстрелом, под палящим августовским солнцем, изнывая от жажды, задыхаясь от пыли, теряя товарищей и близких, они вместе с бойцами инженерных войск лопатами рыли противотанковые рвы и окопы, вручную оборудовали огневые позиции для артиллерии и минометных батарей, строили укрепления, выполняли в течение считанных дней, а то и

часов такой объем работ, на которые в мирных условиях требовались месяцы.

К концу августа под руководством талантливого фортификатора генерал-майора инженерных войск А. Ф. Хренова и начальника инженерных войск Приморской армии полковника Г. П. Кедринского было вырыто более 250 километров противотанковых рвов, эскарпов, стрелковых окопов и ходов сообщения, оборудовано несколько сот пулеметных гнезд и огневых позиций, поставлено 45 километров надолбов и проволочных заграждений, установлено 40 тысяч противотанковых и противопехотных мин. Три основных и несколько промежуточных рубежей обороны опоясали город с суши. Передовой оборонительный рубеж, проходивший в 20—25 километрах от города, упирался своими флангами в естественные преграды — Днестровский и Большой Аджалыкский лиманы, которые к тому же прикрывались огнем корабельной артиллерии. Главный же, наиболее укрепленный рубеж был построен в 8—14 километрах от городской черты. Его фланги упирались в устья Аджалыкского и Сухого лиманов. Третий рубеж прикрытия (тыловой) создавался всего в 6—9 километрах от городской окраины.

Укреплялись не только подступы к Одессе — сам город готовился к уличным боям. 100 тысяч женщин, стариков и школьников ежедневно с утра до поздней ночи снимали с мостовых булыжники и воздвигали баррикады, укрепляли их мешками с песком и глиной, создавали из рельсов противотанковые препятствия и оборудовали бетонированные огневые точки, превращали в опорные пункты крупные дома, приспособляли для скрытого сообщения между городскими районами магистрали водопровода. 250 баррикад, способных выдержать удар 155-миллиметрового снаряда, и десятки огневых точек четырьмя полукольцевыми оборонительными полосами опоясали порт и центр города.

Поистине безграничны были энтузиазм и самоотверженность одесситов. Однажды секретаря горкома партии Н. П. Гуревича и председателя исполкома горсовета Б. П. Давиденко пригласили в штаб оборонительного района. Командующий Г. В. Жуков и член Военного совета И. И. Азаров сообщили им, что все загородные аэродромы оказались в зоне обстрела противника и поэтому необходимо построить аэродром в черте города.

— Аэродром должен быть готов через десять дней, — сказал контр-адмирал. — Если сделаете раньше, — будет совсем хорошо.

Уже через два дня работа закипела. На строительстве аэродрома трудились женщины и подростки. Район стройки, как и весь город, подвергался налетам вражеской авиации, среди строителей были раненые и убитые, но никто не смалодушничал, не поддавался панике. Под руководством генерала Хренова, которого любовно называли «одесским Тотлебенем», и комиссара стройки — секретаря исполкома горсовета А. Б. Фишмана работы велись круглосуточно. Аэродром был построен значительно раньше установленного срока.

В город ежедневно поступали с переднего края сотни и тысячи раненых. В госпиталях не хватало медперсонала, не было крови для переливания тяжелораненым. И женщины после тяжелого труда, иногда голодные и измученные жаждой, спешили на дежурство у постелей раненых. 18 тысяч одесситок стали донорами.

После того, как противник захватил Беляевку и насосную станцию «Днестр», питавшую город пресной водой, тяжелым бичом для населения и для бойцов переднего края стала нестерпимая жажда в августовскую жарынь. Горсовет ввел карточную систему на воду. Но даже солоноватой воды из местных источников не хватало, а запасы в бассейнах городского водопровода иссякли. Поэтому горком создал специальную «водяную» комиссию под председательством заместителя председателя горисполкома А. Ф. Желудева. Она привлекла к делу местных ученых, инженеров, гидрологов, которые выявили старые, давно заброшенные и забытые шахтные и артезианские колодцы, а также места, где можно было вырыть новые. С помощью все тех же женщин и подростков в течение нескольких дней удалось ввести в строй 58 новых колодцев. Это была горьковатая и солоноватая, на вкус напоминающая слезы, но все же вода. Сорвалась коварная попытка врага жаждой и мором сломить сопротивление города.

Огромную роль в оказании помощи городу переднему краю сыграло постановление бюро обкома партии от 26 августа о дальнейшем расширении и организации производства для нужд фронта и обороны города, в котором конкретно, как в боевом приказе, было указано, ка-

ким предприятиям и в каком количестве необходимо обеспечить ремонт и производство танков и бронемашин, пушек и минометов, рельсовых противотанковых препятствий и огнеметов, гранат и мин, специальных запалов для бутылок с зажигательной смесью и телефонного кабеля. Для выполнения этой программы потребовались неимоверные усилия производственных коллективов. Ведь оборудование заводов было эвакуировано, квалифицированные рабочие уехали вместе с ним для развертывания производства где-то в Сибири, на Урале или ушли на фронт. Им на смену пришли 17 тысяч бывших домохозяек, студентов, учащихся старших классов, не имеющих ни квалификации, ни навыков работы на производстве. На заводы вернулись и старики — ветераны труда. Они вместе с женщинами и подростками при недостатке оборудования и материалов, сутками не выходя из заводских цехов, за дни обороны дали переднему краю 5 бронепоездов, 60 танков, более 2 тысяч минометов и огнеметов, более 300 тысяч гранат, около 300 тысяч противотанковых и противопехотных мин, 200 тысяч запалов для бутылок с горючей смесью, отремонтировали 42 поврежденных в бою танка, 2 самолета, более 300 орудий и много другого вооружения.

С огромным, небывалым напряжением трудились коллективы станкостроительного завода имени В. И. Ленина, завода сельскохозяйственных машин имени Октябрьской революции, завода имени Январского восстания и многих других предприятий.

Трудящиеся завода сельскохозяйственных машин имени Октябрьской революции, получив задание построить бронепоезд, обязались выполнить его в самые сжатые сроки. Предприятие находилось всего в шести километрах от линии фронта и подвергалось не только бомбежкам с воздуха, но и артиллерийским обстрелам. Бывали дни, когда на его территорию падало до 60 артиллерийских снарядов, десятки фугасных и зажигательных бомб. Несмотря на это, работы не прерывались ни на минуту. Обыкновенный паровоз обшивался листовой броней, в вагонах-пульманах устанавливали пушки и пулеметы. В цехах, как и на переднем крае, пример героизма показывали коммунисты. Большое впечатление на рабочих произвел самоотверженный поступок электросварщика М. Н. Жемо. Когда начали вокруг рваться фугасные бомбы, Жемо продолжал сварку

брони. Осколок бомбы вонзился ему в ногу. Но и тогда патриот не оставил своего рабочего места: наскоро перевязав ногу, он продолжал работу, пока не выполнил задание.

Через пять суток бронепоезд, укомплектованный артиллеристами из береговых батарей, с надписью на борту «Вперед, на разгром врага!» прямо из заводских ворот отправился на фронт.

На заводах имени Октябрьской революции и имени Январского восстания, на судоремонтном заводе № 1 и заводе «Красная гвардия» не только ремонтировали танки, но и строили новые, переоборудованные из тракторов на гусеничном ходу. Рабочие обшивали тракторы в два слоя восьмимиллиметровой листовой сталью, между ними пропускали 20-миллиметровые доски или толстый слой резины, сверху устанавливали четырехугольную поворотную башню. Для вооружения использовались пулеметы всех марок, какие только удавалось раздобыть в частях и на складах, чаще всего крупнокалиберные со сбитых немецких самолетов. Первые три опытные машины были изготовлены за десять дней. Одесситы с присущим им юмором окрестили эти самодельные танки «НИ» («На испуг!»). Они действительно производили неистовый шум не только стрельбой из пулеметов, но и грохотом мотора, дребезжанием стальных листов. Конечно, «броневое покрытие» самодельных танков надежно защищало экипаж только от пуль и осколков, 45-миллиметровый снаряд прошивал такой танк навылет. И все же эти машины доставляли противнику немало неприятностей. Когда в одном из боев три самодельных танка со страшным грохотом и ревом, паля из всех пулеметов, ринулись из укрытий навстречу наступающей вражеской пехоте, она немедленно залегла, многие солдаты в панике бросились в бегство. Но тут вражеская артиллерия открыла сильный огонь, и танкам пришлось вернуться в спасительную лесопосадку. Один из «НИ» был подбит у самых румынских окопов, и худо пришлось бы экипажу, не поспеши ему на выручку бойцы 161-го стрелкового полка и морские пехотинцы. Вся «броня» танка была искорежена вмятинами от пуль и осколков, в борту зияла огромная пробоина. Даже издававшие виды бойцы были восхищены мужеством экипажа.

— Как же вы отважились на таком драндулете идти в атаку? — спросили лейтенанта, вылезшего из башни.

Лейтенант оказался одесситом, даже в такой ситуации его не оставило чувство юмора:

— Ах, товарищи дорогие! Это же чудесная боевая машина! В другом танке снаряд внутри разорвется и тарараму там наделает, боже ж ты мой! А этот фургон он так интеллигентно пронзает насквозь, что даже бронбойный взрыватель не срабатывает. Может убить меня только прямым попаданием. А по теории вероятности, для этого фашисту надо израсходовать бóльшую половину своих боеприпасов, а на два таких танка у него снарядов не хватит!

Даже в самые тяжкие дни обороны Одессы чувство юмора не покидало ни бойцов переднего края, ни труженников тыла. Юмор очень помогал и в той огромной агитационно-пропагандистской работе, которая велась в войсках и среди населения. Сейчас уже невозможно установить авторство, например, получивших тогда широкое распространение сатирических писем «Людоеду Адольфу Гитлеру» и «Генералу без армии Антонеску», составленных в стиле известного письма запорожских казаков турецкому султану. Одни утверждают, что письмо Гитлеру было написано в окопах моряками полковника Осипова, а Антонеску — бойцами Чапаевской дивизии, другие говорят, что эти письма — плод творчества остроумных одесских журналистов из газет «Чорноморська комуна» и «Большевистское знамя». Так или иначе, но оба эти письма, опубликованные в одесских газетах, а потом изданные отдельными листовками, вызывали особый интерес у защитников города, будили у них чувство превосходства над врагом, поднимали боевой дух.

Основным содержанием большой идейно-политической работы, которую проводила в те дни Одесская партийная организация, было разъяснение трудящимся справедливого, освободительного характера Великой Отечественной войны, воспитание ненависти к фашистским захватчикам, мобилизация всех моральных и физических сил населения на оказание помощи фронту.

Почти ежедневно в 5 часов вечера диктор Московского радио объявлял: «Внимание, говорит Одесса!» И вся страна слушала мужественный голос советских патриотов из осажденного города: «Клянемся тебе, Родина, беспощадно громить фашистских разбойников, мстить врагу за пролитую кровь, за слезы вдов, стариков и детей!» Воины

оборонительного района зачастую прибывали на радиопереклички осажденных городов прямо с боя, после контратаки, иногда не успев как следует перевязать раны, и обращались к героическим защитникам Ленинграда и Киева со словами братской боевой солидарности.

Большое значение в укреплении единства фронта и тыла имел обмен делегациями и письмами между бойцами переднего края и тружениками города. Воины были частыми гостями в цехах фабрик и заводов, а на передовые позиции для вручения подарков бойцам, для рапортов о том, как, не жалея сил, население Одессы поддерживает фронт, выезжали делегации лучших производственных коллективов, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Во второй половине августа и начале сентября, в самые тяжелые дни обороны, трудящиеся Одессы трижды обращались к войскам с открытыми письмами, которые принимались на рабочих митингах в цехах заводов и фабрик, в домовых группах самообороны, на собраниях ополченцев и молодежи.

Письма-обращения тружеников Одессы находили горячий отклик в сердцах бойцов переднего края. В короткие минуты затишья, между контратаками бойцы писали свои ответы-клятвы в Одессу: «Мы обещаем вам, дорогие товарищи, сражаться до последней капли крови, бить врага без промаха». И за словами следовали дела.

Жизненное значение для обороны Одессы имела работа моряков торгового флота и портовиков. Морским путем из осажденного города вывозилось в тыл оборудование промышленных предприятий и другие ценные грузы, эвакуировались население, раненые бойцы. Морским путем осажденная Одесса получала пополнение людьми, вооружением, боеприпасами. Мужественные моряки экипажей транспортных судов Черноморско-Азовского пароходства вместе с экипажами боевых кораблей под ударами немецко-фашистских самолетов, преодолевая минные поля, превозмогая усталость, на протяжении всего периода обороны продолжали делать свое полное опасностей дело. Они совершили около девятисот огненных рейсов в осажденную Одессу, доставив тысячи тонн боеприпасов, эвакуировав более 300 тысяч человек. Все это шло через порт. Чтобы сорвать его работу, противник обрушивал смертоносные удары авиации по причалам, складским помещениям и судам. В отдельные дни на территорию порта совершалось

до полутора десятка налетов. Но мужественные портовики под грохот рвущихся фугасных и зажигательных бомб стойко несли боевую вахту. Когда падали раненые и убитые, их места занимали товарищи. По призыву коммунистов Василия Коваля, Юрия Жигаловского, Александра Вуйчика люди работали по две-три смены, полностью перешли на казарменное положение и, не зная устали, грузили оборудование, выгружали боеприпасы, продовольствие, медикаменты для защитников города. «Фронт требует — будет сделано!» — говорили портовики. Особенно трудно и опасно стало работать в порту после того, как линия обороны вплотную приблизилась к городу и фашисты, установив тяжелые дальнобойные орудия в Чебанке и Новой Дофиновке, стали методически подвергать порт артиллерийским налетам. Но грузчики, стивидоры, механизаторы — все портовики, возглавляемые начальником порта П. М. Макаренко (комиссар М. М. Гильдин, секретарь парткома А. С. Разуваев), проявляя самоотверженность, изобретательность и дисциплинированность, применяя всевозможные способы маскировки, не прекращали работы, под бомбами и снарядами быстро приводили в порядок поврежденные причалы, к которым швартовались суда с пополнением и боеприпасами. В последние дни сентября, несмотря на огромные разрушения, порт переработал рекордное количество грузов. В те тяжелые дни одесские портовики явились пионерами эвакуации в тыл страны подвижного железнодорожного транспорта. Без каких-либо специальных приспособлений, проявляя находчивость и сметку, за короткое время было погружено на громоздкие, совершенно не приспособленные для этих целей плавающие доки десятки паровозов и тендеров. Спустя некоторое время доки благополучно прибыли к месту назначения.

Героизм в бою и героизм в труде были наиболее ярким проявлением любви советского человека к своему Отечеству, выражением жгучей ненависти к фашистским захватчикам, посягнувшим на честь, свободу и независимость первого в мире социалистического государства. Оборона Одессы явилась одним из характерных примеров монолитного единства нашего народа и его Вооруженных Сил в борьбе с врагом.

Глава четвертая

МОРЕ И БЕРЕГ

Оборона Одессы — яркий пример тесного боевого взаимодействия всех сил сухопутных войск и флота. В лихих контратаках рядом с красноармейскими пилотками ярко горели на солнце зеленые фуражки пограничников, развевались ленточки бескозырок бойцов из прославленных полков морской пехоты и добровольческих отрядов черноморцев. Действия сухопутных частей активно поддерживали летчики 69-го истребительного полка и черноморские авиаторы, артиллеристы крейсеров, эсминцев и береговых батарей. Морские сообщения в осажденную Одессу самоотверженно обеспечивали черноморские корабли и авиация.

С образованием Одесского оборонительного района взаимодействие войск, участвовавших в защите города, и боевых сил Черноморского флота стало более тесным и эффективным. Если раньше артиллерийскую поддержку частям Приморской армии с моря оказывали, по существу, лишь береговые батареи военно-морской базы и корабли отряда Северо-Западного района, то теперь к решению этой задачи привлекались также 22 корабля основного ядра флота, которые с 10 августа по 15 сентября совершили 180 выходов в район Одессы и выпустили по вражеским позициям и скоплениям войск 15 тысяч снарядов. Это было не простым делом. Господство в воздухе над Одессой оставалось на стороне фашистской авиации, готовой обрушить бомбовый груз на любое суденышко, приближающееся к одесскому берегу. Кроме того, берег, захваченный фашистами, был оцереен на море сотнями мощных дальнобойных орудий, а само море изобиловало минными полями. Вести огонь по берегу приходилось под огнем про-

тивника, на предельных скоростях, сложно маневрируя между снарядами и бомбами, между минами, подкарауливавшими в воде. Все это требовало дерзости, военной хитрости и большого искусства от командиров кораблей, мужества, стойкости и мастерства от каждого моряка.

25 августа эскадренные миноносцы «Бодрый» и «Беспощадный» доставили в Одессу оружие и боеприпасы. Сразу же после разгрузки «Беспощадный» по заявке Приморской армии вышел для обстрела большого скопления пехоты, бронечастей и полка тяжелой артиллерии противника в районе Ильичевки. Используя данные корректировочного поста, эсминец выпустил по врагу 352 130-миллиметровых фугасных снаряда. Стрельба получила высокую оценку приморцев. «Спасибо за флотский огонек!» — передали они на корабль.

По заданию командующего оборонительным районом «Беспощадный» обстрелял также войска противника в районе Августовки. После короткого, но точного артиллерийского палета корректировочный пост военно-морской базы передал: «Противник в Августовке разбит» — и попросил перенести огонь на новый объект. Еще несколько минут огня на полной скорострельности — и корректировочный пост сообщил: «Цель разбита. Противник бежит по шоссе на дороге». По новым данным корректировочного поста корабль перенес огонь на шоссе на дороге. Несмотря на непрерывные атаки вражеской авиации и огонь батарей противника, снаряды которых ложились в 30—50 метрах от борта корабля, эскадренный миноносец, выпустив 249 снарядов, блестяще выполнил поставленную задачу. Бойцы переднего края, узнав от корректировщиков название корабля, с восхищением говорили: «Мы так и знали, что стреляет «Беспощадный», название корабля соответствует его делам. Передайте всему личному составу эсминца наше фронтовое спасибо».

В пехоте поименно знали поддерживающие ее корабли и гордились ими. Исключительное мужество во время обстрела берега корабельной артиллерией требовалось от личного состава корректировочных постов. Военно-морская база и сами корабли посылали туда наиболее отважных бойцов, самых опытных радистов, которым приходилось выполнять задания в очень сложных и опасных условиях. Так, для корректировки огня лидера «Ташкент» и эскадренного миноносца «Смышленный» 29 августа на

берег была высажена корректировочная группа из восьми комсомольцев во главе с коммунистом капитан-лейтенантом А. К. Сидельниковым. Находясь в непосредственной близости от противника, горстка советских воинов в течение двух дней обеспечивала стрельбу своих кораблей. Фашисты несколько раз атаковали ее, подходя на расстояние 30—40 метров, но каждый раз отбрасывались огнем ручных пулеметов и гранатами.

Значительно усилилась помощь Приморской армии и со стороны черноморской авиации. С 20 августа по 15 октября бомбардировщики и истребители, действуя с крымских и одесских аэродромов, произвели около четырех тысяч самолето-вылетов — по три-четыре, а иногда и по семь в сутки. Они вели воздушные бои с фашистскими самолетами, наносили удары по скоплениям и боевым порядкам войск врага, прикрывали свои части с воздуха. В боях за Одессу морские летчики проявляли чудеса героизма. Вылетая на выполнение боевого задания под Одессой, капитан А. К. Кондрашин писал в заявлении о приеме его в партию: «Жизнь моя принадлежит Родине, в бой с фашистскими варварами хочу идти в рядах коммунистов. Храбро и мужественно буду отстаивать каждую пядь советской земли, буду драться, не жалея своих сил, а если потребуется, и самой жизни». Звено, в которое входил экипаж Кондрашина, встретившись с восемью истребителями противника, смело вступило в бой и уничтожило два вражеских самолета. Один из них был сбит капитаном Кондрашиным.

Майор П. Н. Аккуратов, капитаны Г. В. Москаленко, А. М. Бондаренко и десятки других черноморских мастеров воздушного боя поражали противника не только точными и сокрушительными ударами, но и непонятным ему презрением к смерти, беспримерной дерзостью, удалью и лихостью.

Приморская армия, сдерживая пятикратно превосходящие силы врага, наносила ему большой урон, но и сама при этом несла тяжелые потери. В ее полках, несмотря на пополнение их за счет ополчения и добровольцев города, оставалось в строю всего 30—35 процентов состава бойцов. Она нуждалась в притоке живой силы, но ресурсы города были почти исчерпаны, а положение на других фронтах Отечественной войны складывалось так, что Ставка Верховного Главнокомандования не имела пока

возможности выделить для Одессы ни свежие части, ни даже маршевые батальоны. В те критические дни флот, несмотря на то что на его кораблях и в частях не было ни одного человека сверх штатного расписания, решил помочь войскам, защищавшим Одессу, пополнением за счет моряков, главным образом корабельного состава, составивших добровольческие отряды.

20 августа, на другой день после получения директивы Ставки о создании Одесского оборонительного района, на кораблях Черноморского флота, в учебных подразделениях Севастополя и в береговых частях Крымского укрепленного района было объявлено обращение Военного совета, в котором говорилось о решении начать набор добровольцев на защиту Одессы. Все черноморцы были охвачены боевым порывом и рвались на фронт. Одесса всегда пользовалась любовью черноморцев, а поступавшие сведения о ее героической борьбе и подвигах защитников города вызывали у моряков еще больший патриотический подъем. Желавших сражаться с фашистами под Одессой было очень много. Когда на эскадре объявили о формировании шести добровольческих отрядов, почти весь личный состав кораблей выразил желание записаться в списки добровольцев. Рапорты моряков с просьбой немедленно отправить их на фронт, в бой поступали сплошным потоком. Это были документы большой духовной силы, свидетельствовавшие о высоком патриотизме, преданности идеям коммунизма поколения, воспитанного советским образом жизни, ленинской Коммунистической партией, комсомолом. Так, котельный машинист комсомолец Сафонов писал в рапорте на имя командира корабля: «Прошу Вашего ходатайства послать меня на передовые позиции фронта. Я желаю храбро сражаться за нашу Родину, за славную Коммунистическую партию и до последней капли крови беспощадно громить фашистскую тварь... Если мне руки отрубят, буду бить эту тварь ногами, если ноги отрубят, буду рвать зубами...»

На крейсерах, например, записывалось добровольцами по 700—800 человек, на лидере «Ташкент» — 198, на эсминце «Смышленный» — 189. Иногда командиры, зачитав перед строем личного состава обращение Военного совета, подавали команду: «Желающие идти на оборону Одессы добровольцами — два шага вперед!» И весь строй делал эти два шага. Но нельзя было ослаблять боевые корабли

и части. И тогда командиры сами называли фамилии краснофлотцев и старшин из числа подавших рапорты.

Когда командир 4-го добровольческого отряда капитан Анатолий Иванович Жук и автор этих строк, назначенный сюда политруком роты, прибыли за добровольцами в Школу оружия Севастопольского учебного отряда, где все учащиеся, как один, подали рапорты с просьбой отправить их в морскую пехоту, командир учебного заведения построил личный состав и заявил: «Предлагаю послать под Одессу моряков рождения семнадцатого года. Они — ровесники Октября, им и преимущественное право первыми схватиться с врагом». А в некоторых частях и на малых кораблях, где отпустить без ущерба для боеготовности можно было только пять-шесть человек, кандидатов в морскую пехоту отбирали на собраниях личного состава как делегатов от корабля, части с наказом воевать храбро и умело, достойно нести честь черноморца. Вот так попали в 3-й отряд отличившиеся в боях за Одессу старшины Дмитрий Третьяк, Иван Глущенко, Дмитрий Галицкий, краснофлотцы Борис Ширма, Василий Савицкий, Федор Лебедев, Виктор Леонов, Владимир Савченко, Федор Островерхов; в 4-й добровольческий — Алексей Просин, Яков Змеев, Павел Никулин, Алексей Сердюк. Так был делегирован от балаклавской 19-й батареи семнадцатилетний краснофлотец Иван Трофименко. Пришел он служить на флот добровольно, раньше своего призывного срока, быстро освоил боевую специальность и завоевал любовь батарейцев. Товарищи рассудили так: раз добровольно пришел на службу, то и преимущественное право идти добровольцем в морскую пехоту за ним.

В первые дни войны на флоте ощущалась нехватка стрелкового оружия. Военный совет дал указание заделывать отверстия в патронниках старых учебных винтовок, чтобы хоть чем-то вооружить ополченцев. Но добровольческие отряды получали самое лучшее, что было на флотских складах: новенькие винтовки СВТ-40 с оптическими прицелами, ручные и станковые пулеметы, гранаты. Отряды комплектовались опытными командными кадрами и политработниками из числа преподавателей и строевых командиров военных училищ и учебного отряда, работниками политотделов и политуправления флота, тоже подавшими рапорты с просьбой послать их на фронт. Так, командиром 1-го отряда был назначен преподаватель так-

тики Севастопольского училища береговой обороны майор А. С. Потапов, начальником штаба — преподаватель военно-морского дела капитан-лейтенант В. Д. Силютин, военным комиссаром — секретарь партийной организации электроминной школы старший политрук С. М. Изус. В шести отрядах насчитывалось 271 коммунист и около 1200 комсомольцев.

Добровольческие отряды формировались быстро, в один-два дня, и сразу же отправлялись на транспортах в Одессу. Уже 20 августа были отправлены 1-й и 2-й отряды, 25 августа — 3-й и 4-й, а еще через два дня — 5-й и 6-й. Их прямо с причалов доставляли на самые опасные участки обороны, туда, где противник намеревался прорваться к городу.

3-й и 4-й отряды прибыли в Одессу на рассвете 26 августа на теплоходах «Крым» и «Армения». Высаживались под артиллерийским огнем и бомбежкой с воздуха. На причале их встретили командующий ООР контр-адмирал Г. В. Жуков и член Военного совета дивизионный комиссар И. И. Азаров. Они рассказали об обстановке под Одессой. Нужно сказать, что даже в этой короткой встрече проявились замечательные личные качества руководителей одесской обороны. Несмотря на то что бомбы и снаряды рвались почти рядом и осколки буквально свистели у виска, они спокойно и уверенно беседовали с бойцами. Командующий и член Военного совета ничуть не скрывали огромной опасности, нависшей над городом, и трудностей, которые испытывали защитники Одессы. В то же время они на примерах героических подвигов бойцов 1-го морского полка и Чапаевской дивизии убедительно показали, что бить врага можно, вселили в бойцов уверенность в победе над врагом.

А положение было очень тяжелым. Бои шли в 15—20 километрах от города, вражеская артиллерия и авиация систематически наносили удары по Одессе. Мы это сразу же почувствовали на себе — еще на трапе судна некоторые бойцы были ранены. Узнав, что в 4-м отряде многие моряки 1917 г. рождения, Илья Ильич Азаров сказал им: «У нас под Одессой очень тяжело, и не каждому из нас, товарищи, удастся остаться в живых, но сейчас решается судьба не только Одессы, но и всей вашей великой ровесницы — Советской Родины. Она верит вам, она надеется на вас, она ждет от вас подвига». Эти суро-

вые, но правдивые слова еще больше подняли боевой дух моряков. После выступления Жукова и Азарова отряд строем отправился по разрушенным бомбежкой улицам, мимо баррикад и противотанковых ежей к зданию нынешнего Русского драматического театра. Вскоре мы поняли, что этот маршрут был выбран не случайно: тысячи жителей осажденного города встречали нас одобрительными возгласами, выражали добрые пожелания и напутствия. И многим из нас в этой толпе чудились родные лица, заплаканные, но суровые глаза жен и матерей, провожающих своих близких на ратное дело.

В здании театра морякам были выданы армейские защитные гимнастерки, а через несколько часов на фронтовых полуторках добровольческие отряды были отправлены на передний край, в бой: 3-й отряд — в Западный сектор, а 4-й — в Восточный, на стык 1-го морского полка и полка пограничников, где три вражеские дивизии, поддерживаемые танками и несколькими артиллерийскими полками, рвались к городу.

«Моряки дрались отчаянно, — вспоминает тридцать лет спустя И. И. Азаров. — Потеряв почти половину своих товарищей убитыми и ранеными, они все же помогли нашим частям остановить наступление противника».

По-разному сложились боевые судьбы этих отрядов. Во второй половине августа против 95-й стрелковой дивизии в Западном секторе действовали девять дивизий противника. Шли непрерывные, изнуряющие бои, в результате которых потери приморцев с каждым днем увеличивались. «На мою просьбу о пополнении дивизии начальник оперативного отдела штаба армии полковник Н. И. Крылов сообщил, что к нам направляется 1-й добровольческий отряд Черноморского флота, — вспоминает бывший командир этой дивизии генерал-лейтенант В. Ф. Воробьев. — Мы с комиссаром дивизии выехали во второй эшелон, куда прибывал отряд. Нас встретил командир отряда майор А. С. Потапов и комиссар старший политрук С. М. Изус. В четком строю, в бескозырках и черных бушлатах, перепоясанные пулеметными лентами, бойцы напоминали легендарных черноморцев и балтийцев, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Чувствовалось, что у всех настроение боевое.

Отряд был направлен в хутор Важный в распоряжение командира 161-го стрелкового полка. Ему было

приказано использовать матросов как ударный кулак. Уже через несколько дней по всему вражескому фронту стало известно о появлении не знающих страха «черных дьяволов»...»

Получив приказ продвинуться вдоль железнодорожной насыпи в районе станции Выгода, отряд глубоко вклинился в расположение фашистов и оказался во вражеском тылу. Моряки совершили смелый рейд по тылам противника и прорвались к своим с захваченными у врага богатыми трофеями.

«Черноморцы сражаются с беспрецедентной храбростью, мужеством, самоотверженностью, — докладывал командир дивизии В. Ф. Воробьев командованию ООР. — Это — отважные бойцы. Отряд моряков цементирует дивизию, по ним равняются все роты и батальоны».

2-й отряд под командованием майора И. М. Деньщикова ночью прибыл в Южный сектор в распоряжение командира 25-й Чапаевской дивизии генерал-майора И. Е. Петрова и на рассвете вступил в бой. Когда моряки узнали, что комиссар отряда старший политрук С. Я. Ремизов тяжело ранен, они, стиснув зубы, с винтовками наперевес бросились в атаку. С утра до самой темноты они теснили врага и нанесли ему большой урон. Только рота старшего лейтенанта Долотова в тот день уничтожила около 200 солдат и офицеров противника, захватила 9 противотанковых орудий, 3 станковых пулемета, 6 автомашин, много винтовок, снарядов и патронов. Удирая из своих окопов, вражеские солдаты оставляли даже гранаты. Краснофлотцы посылали эти гранаты вдогонку врагу. Моряки Юрков, Рыбенко, Малинко, Дзюба, Тарасенко в штыковой атаке уничтожили по несколько фашистов. Краснофлотец Лухмырин, скромный, неприметный парень, в бою показал железную волю, беззаветную храбрость, нестигаемую стойкость и находчивость. Проникнув во вражеский тыл, он подорвал четыре орудия, захватил два ручных пулемета, много патронов. На другой день во время вражеской атаки пуля сразила находившегося рядом с Лухмыриным командира роты.

— Рота, слушай мою команду! — прогремел над окопами голос Лухмырина. И моряки смело поднялись за своим товарищем в контратаку. Их натиск был настолько сильным, бились они с таким ожесточением, что целый батальон врага не выдержал, сперва залег, а потом, бросая

оружие, пустился в бегство. После этого пять раз фашисты атаковали позиции роты и каждый раз, неся большие потери, откатывались назад. Ротные пулеметчики Слюсаренко и Батошко едва успевали менять пулеметные ленты, без устали поливая врагов свинцом.

Не легко было морякам воевать на суше. Сказывалось отсутствие привычки к полевым условиям, неумение окапываться, маскироваться, пользоваться складками местности. Проявлялась и особая, «моряцкая» лихость, которая не всегда была оправданной. Считалось, например, зазорным во время атаки надевать каску или во время артобстрела прятаться в окоп. Политработникам приходилось проводить беседы и убеждать моряков, что хождение по брустверу на виду у противника только приносит вред, демаскирует позиции, что продвигаться под огнем надо короткими перебежками или по ходам сообщения, что подлинное мужество должно сочетаться с осторожностью, бдительностью, умением обмануть противника, нанести ему удары неожиданно и стремительно. Приходилось просить опытных сержантов и старшин из соседних подразделений здесь же, на поле боя, учить краснофлотцев окапываться, оборудовать пулеметные гнезда, пользоваться бутылками с зажигательной смесью. Но зато у моряков многие учились безграничному бесстрашию, боевому напору в атаке.

— Дайте нам десятка два тельняшек и бескозырок, — попросил как-то командир 161-го полка полковник С. И. Серебров у командира 4-го добровольческого отряда. — Я в них одену по несколько человек в роты. Они будут сеять панику в стане противника во время контратак.

Один только вид людей, одетых во флотскую форму, наводил ужас на фашистов, и они с воплями «Матросен! Шварцер тодт!» («Матросы! Черная смерть!») бросались в бегство. «Черными комиссарами», «черной тучей», «полосатыми дьяволами» в страхе и ненависти называли враги морских пехотинцев.

Добровольческие отряды действовали на самых трудных и опасных участках. Поэтому и потери они несли немалые, особенно в командном составе. Так, в первых же боях пали смертью храбрых в 3-м отряде военком старший политрук Филичев, командиры рот Смирнов и Козырев, были смертельно ранены политруки рот Ива-

ненко и Милованов, командиры взводов Шевченко и Третьяк. В первом же бою тяжело ранило командира 4-го отряда капитана Жука, военкома старшего политрука Еремеева, вышли из строя почти все командиры и политруки рот, командиры взводов. Подразделения возглавили мичманы и старшины, отделениями командовали старшие краснофлотцы, а то и рядовые моряки. Политруков заменили опытные коммунисты. Так, командир отделения 3-го отряда И. М. Глущенко стал командиром взвода, затем заменил убитого командира роты, а несколько дней спустя ему пришлось командовать отрядом. Юный моряк с балаклавской 19-й батареи Иван Трофименко, которого в отряде за полудетскую нежность и беспечность прозвали Ванечкой Сердечко, сразу проявил себя лихим и умелым разведчиком, показал замечательные качества в боях и был назначен командиром отделения вместо убитого старшины. А через несколько дней случилось так, что от всего взвода под ураганным артобстрелом уцелели лишь несколько человек из отделения Трофименко. И эта горстка героев сдерживала натиск целой фашистской роты в течение нескольких часов, пока не подоспело подкрепление. Так юный краснофлотец оказался во главе взвода. Через несколько дней, когда часть отряда оказалась в окружении и получила приказ пробиваться к своим, Иван Трофименко вместе с комиссаром отряда и пулеметным расчетом остался прикрывать отход товарищей и блестяще выполнил эту задачу.

В районе станции Дачная 3-му отряду была поставлена задача перейти в наступление и уничтожить выдвинутую к переднему краю вражескую батарею. Командир отряда Петр Евграфович Тимошенко лично повел моряков на выполнение опасного задания. Черноморцы прорвали первую линию вражеских окопов и начали штурмовать вторую. Фашисты не выдержали натиска и пустились в бегство. В это время майор Тимошенко был тяжело ранен тремя пулями в грудь. Подбежавший к нему старшина 2-й статьи Глущенко сорвал с себя гимнастерку, перебинтовал командира и, положив его на плащ-палатку, перетащил в заросли кукурузы. Фашисты начали бешеный минометный обстрел своих окопов, захваченных моряками. Один из осколков ранил Глущенко, другой ударом в каску оглушил моряка. Собравшись с силами, Глущенко и краснофлотец Владимир Островерхов втащили команди-

ра в снарядную воронку и прикрыли его своими телами от осколков. Когда подоспели санитары с носилками, тяжело раненый командир, истекавший кровью, сказал Глуценко:

— Все командиры убиты. Ты остался старшим во всем отряде. Командуй, сынок!..

И старшина, сам будучи раненым, в течение трех суток непрерывных боев возглавлял отряд и только после второго ранения передал командование краснофлотцу Владимиру Савченко с эскадренного миноносца «Бойкий». Вскоре потерявший многих бойцов и почти всех командиров 3-й отряд волился в состав одной из частей Приморской армии. Один его взвод по приказанию командования ООР был включен в диверсионный отряд имени Ф. Э. Дзержинского, сформированный из добровольцев истребительного батальона одесского Пригородного района. Под командованием партизана гражданской войны Г. М. Цыбульского этот отряд в 150 человек темной ночью был высажен канонерской лодкой «Кубанец» в тыл врага в районе между прибрежными селами Коблево и Аджиаска. Утром фашисты бросили против десантников более батальона солдат. Завязался бой. Отряд в течение дня отбил несколько атак врага. Вечером противник получил подкрепление. Он развернул артиллерийские и минометные батареи и обрушил на позиции десантников шквальный огонь. Затем вражеские подразделения пошли в атаку.

— На правом фланге, — вспоминает бывший боец этого отряда Я. А. Савченко, — фашисты ворвались в наши окопы, но вскоре отошли, встретив сильное сопротивление моряков. Собрав у раненых и убитых оставшиеся боеприпасы, мы продолжали бой. Ночью десантники перешли в атаку, прорвали вражеское кольцо, форсировали Тилигульский лиман и небольшими группами направились в Савранские леса, чтобы вести борьбу в тылу врага.

Значительно дольше просуществовал как самостоятельное боевое подразделение 4-й добровольческий отряд моряков. После многодневных непрерывных боев в Восточном секторе он был отведен на отдых, пополнен личным составом и в дальнейшем использовался как ударная группа командования оборонительного района. На пролитых вражескими пулями и осколками полуторках его часто перебрасывали с одного участка на другой, туда, где обстановка требовала немедленной помощи, где положение

было особенно опасным. И каждый раз коммунисты Сергей Цыбульский, Алексей Просин, Павел Никулин показывали своим бойцам пример мужества и беззаветной храбрости, каждый раз отряд с честью выполнял задания командования. В начале сентября создалась угроза прорыва нашей обороны у станции Гниляково, где вела неравный бой 95-я стрелковая дивизия. В самый критический момент туда направили морских пехотинцев 4-го отряда. Ночью краснофлотские полуторки с укрепленными над кабинами пулеметными установками, с горящими фарами ворвались прямо в наступающие порядки врага. С криком «полундра!» морские пехотинцы спрыгивали с машин прямо на плечи фашистов. Вступление в бой моряков было таким неожиданным, а гранатный удар и пулеметный огонь такими губительными, что враг растерялся, и его наступление захлебнулось. Это дало возможность командиру 161-го стрелкового полка С. И. Сереброву собрать силы и нанести противнику сокрушительный удар.

Через несколько дней жестокий бой разгорелся у хуторов Важный и Октябрьский. В помощь подразделениям 7-го кавалерийского полка, державшего здесь оборону, был направлен 4-й отряд, к тому времени уже сильно поредевший. Моряки помогли спешным конникам удерживать рубеж, а через несколько дней остатки этого отряда влились в состав подразделения Приморской армии.

28 августа Военный совет оборонительного района получил сообщение, что для обороны Одессы решением Ставки выделяются маршевые батальоны в составе 5000 бойцов. В тот день в ООР прибыли из Севастополя 5-й и 6-й добровольческие отряды моряков. Они были направлены на пополнение 1-го морского полка и 54-го стрелкового полка, понесших перед этим особенно большие потери в Восточном секторе.

«Шесть отрядов моряков, присланных под Одессу в тяжелейшие дни конца августа, разошлись по всей Приморской армии, — писал в своей книге «Не померкнет никогда» Маршал Советского Союза Н. И. Крылов. — Посланцы флота были теперь в каждом нашем полку». И везде моряки-добровольцы показывали пример беззаветного мужества и воинской доблести.

Яркими страницами в историю обороны Одессы вошли действия Черноморского флота по обеспечению морских сообщений с городом. Когда Одесса оказалась отрезанной

с суши, морские перевозки в осажденный город приобрели решающее значение. Составив одну из главных задач флота, они носили исключительно интенсивный характер и были связаны с ожесточенным противодействием противника. Не сумев овладеть Одессой с хода, немецко-фашистское командование стремилось изолировать ее и с моря.

Обычно морские пути в Одессу пролегли близко к побережью. Это позволяло вражеской авиации, представлявшей на море главную опасность, довольно точно устанавливать маршруты движения конвоев и систематически наносить по ним удары. В отдельные дни суда и боевые корабли на переходе подвергались ее атакам шесть — девять раз. Однако использование прибрежных путей имело и значительные преимущества: большая их часть была прикрыта от воздействия сил противника истребительной авиацией, береговыми батареями и минными полями.

До второй половины августа транспортные суда следовали в Одессу и обратно в составе караванов, без сопровождения боевыми кораблями. Но когда враг стал применять на театре торпедоносную авиацию, была введена система конвоев, ставшая главным методом обеспечения морских перевозок. Конвой обычно состоял из двух-трех транспортов и нескольких кораблей охранения (крейсеров, эсминцев, тральщиков). В случае проводки судов с войсками, эвакуируемым населением и наиболее важным грузом для их сопровождения выделялись также самолеты МБР-2.

В перевозках в Одессу и обратно участвовала значительная часть судов Черноморского и Азовского пароходств. Нередко, в моменты, когда особенно осложнялась обстановка под городом, в транспортных целях использовались и боевые корабли Черноморского флота. Это позволяло быстро доставлять защитникам Одессы пополнение, оружие и боеприпасы. При выполнении этой задачи, не свойственной им, но продиктованной суровой военной необходимостью, военные моряки действовали решительно и смело, проявляя находчивость и сметку. Немало таких рейсов совершили экипажи эскадренных миноносцев «Бодрый» и «Беспощадный», тральщика «Щит» и многих других кораблей, своевременно доставлявших в Одессу пополнение и военные грузы. В период борьбы

за Одессу черноморцы выполнили огромный объем перевозок. В ходе обороны боевыми кораблями и вспомогательными судами флота в обоих направлениях было перевезено около 195 тысяч бойцов и командиров, эвакуировано более 300 тысяч человек гражданского населения.

В целом же общий грузооборот Одесского порта по эвакуации города составил 418,3 тысячи тонн народно-хозяйственных грузов (в том числе оборудования 80 крупных и средних предприятий города) и 90,3 тысячи тонн воинских грузов; за этот период было перевезено 485 250 человек войск и гражданского населения.

Надежная защита морских сообщений кораблями и авиацией Черноморского флота явилась одним из решающих условий стойкой обороны Одессы.

Успешно справлялись военные моряки и с конвоированием транспортов. Причем большую роль в выполнении этой задачи играли не только крупные корабли, но и различные боевые катера. Неоднократно, например, защищая транспорты от нападения врага, отличался сторожевой катер № 125 под командованием лейтенанта В. А. Тимошенко. Его экипаж успешно отбивал вражеские атаки. На счету катера было несколько сбитых самолетов противника. Всего за время обороны Одессы эскадренные миноносцы, тральщики и сторожевые катера совершили свыше 700 выходов для сопровождения транспортных судов в Одессу и обратно.

Всесторонняя поддержка черноморцами сухопутных войск, защищавших Одессу, обеспечила устойчивость обороны, которую враг, имевший огромное превосходство в силах, так и не смог сломить.

Глава пятая

ИСПЫТАНИЕ НА СТОЙКОСТЬ

Есть в 30 километрах от Одессы небольшое село Чебанка. До войны оно славилось на Одесщине тем, что здесь когда-то находился штаб корпуса, которым командовал легендарный герой гражданской войны Г. И. Котовский. С началом обороны Одессы название этого села тоже часто упоминалось и в городе и во всех секторах. Дело в том, что недалеко от него располагалась одна из двух самых новейших и самых мощных береговых батарей оборонительного района — 412-я, которой командовал отличный артиллерист капитан Н. В. Зиновьев. Когда какому-нибудь нашему полку, обычно противостоявшему нескольким вражеским частям, приходилось особенно туго, командир говорил: «Нахалы! Сейчас пожалуюсь Зиновьеву» — и звонил на 412-ю. Батарея быстро приводила обнаглевших фашистов «в чувство». А приводить было чем: три орудия калибром 180 миллиметров обрушивали на врага девять полутонных снарядов в минуту. Кроме того, на вооружении «четыреста двенадцатой» было семь 45-миллиметровых пушек, батарея 82-миллиметровых минометов и три счетверенные пулеметные установки. Все это было тщательно замаскировано и защищено железобетонными блоками. В первые же дни обороны батарея добилась замечательных боевых успехов, внезапно открывая сокрушительный огонь по атакующим колоннам противника. А 16 августа она ошеломляющим огнем налетом из 18 выстрелов уничтожила тяжелую батарею противника, выдвинувшуюся на исходные позиции в районе станции Беяры. Через день «четыреста двенадцатая» разгромила вражескую автоколонну, двигавшуюся по дамбе Григорьевского лимана: от прямых попаданий в воздух

взлетели более двадцати автомашин с войсками и боеприпасами.

Еще через день, 20 августа, батареи обрушили ураганный огонь на колонну противника, состоявшую из двух эскадронов конницы, одной роты пехоты и четырех танков, следовавших через деревню Булдинку. Неожиданный и меткий обстрел вызвал среди вражеских солдат и офицеров панику. Воспользовавшись этим, морские пехотинцы поднялись в атаку и добились эту группу неприятеля.

Противник, потеряв надежду подавить батарею артогнем и авиацией, неоднократно пытался захватить ее, выделяя для этого танки, пехотные и кавалерийские части, и каждый раз был вынужден откатываться, неся большие потери в живой силе и технике. Так, 23 августа он атаковал позиции «четыреста двенадцатой» особенно большими силами. Однако и на этот раз ему не удалось добиться успеха. Открыв огонь из всех орудий и минометов, батареи уничтожили до 500 вражеских солдат и офицеров и заставили противника вновь отступить. Но в последующем частям оборонительного района пришлось отходить к городу, и передний край все ближе перемещался к позициям батареи. Подразделения вражеских автоматчиков начали окружать ее. Своими силами батареи уже не могли отбить атаку, а соседние поредевшие пехотные подразделения были скованы атакой противника. Свободного резерва у командования оборонительного района тоже не оказалось. Тогда командующий обороной контр-адмирал Жуков приказал послать на выручку батареям только что прибывший маршевый батальон донецких шахтеров. Это были необученные и даже невооруженные люди, только-только сменившие шахтерские спецовки на военную форму. Они получили по семь-восемь гранат (другого оружия не было) и на грузовиках отправились на батарею. Когда в бою упал смертельно раненный командир шахтерской роты коммунист старший лейтенант Силип, бойцов в атаку повел политрук Пронин. Через некоторое время из Восточного сектора в штаб ООР доложили: атака вражеских частей отбита, на поле боя противник оставил более 500 трупов, остальные автоматчики прижаты к берегу лимана и уничтожаются.

И на этот раз удалось отстоять батарею. Но через несколько дней создалась угроза прорыва линии фронта в

направлении станции Сортировочная. Чтобы сорвать замысел противника и уплотнить боевые порядки обороны, нашим войскам было приказано перейти на западный берег Большого Аджалыкского лимана. Оставить свои позиции пришлось и батареям. По приказу командования оборонительного района они 25 августа, расстреляв все боеприпасы, со слезами на глазах подорвали батарею, которую многие из них строили своими руками. Забрав с собой 45-миллиметровые пушки, минометы, пулеметы и все трофейное оружие, в том числе несколько танкеток, артиллеристы во главе с капитаном Николаем Викторовичем Зиновьевым и комиссаром старшим политруком Александром Васильевичем Малинко отошли на позиции 1-го морского полка и составили один из его самых стойких батальонов.

Успешными были действия и других батарей береговой артиллерии, несмотря на то что им пришлось уже в ходе обороны города осваивать задачу, связанную с борьбой против сухопутных сил противника. Береговые артиллеристы участвовали в отражении всех наступлений противника под Одессой и нанесли врагу значительный урон в живой силе и технике.

Противник не замедлил воспользоваться отходом советских войск. Захватив Новую Дофиновку, он установил там свою дальнобойную батарею. 25 августа в 19 часов 5 минут на территории Одесского порта разорвался первый фашистский снаряд. С этой минуты не только порт и прибрежный фарватер, но и индустриальный район Одессы — Пересыпь — находился под артиллерийским обстрелом. Морским судам и боевым кораблям еще труднее и опаснее стало прорываться к причалам порта.

По заданию командования оборонительного района трудящиеся города в течение десяти суток построили вне зоны артиллерийского обстрела, в районах Аркадии и 16-й станции Большого Фонтана, временные причалы, которые могли принимать мелкие и средние транспорты.

Конец августа и начало сентября были периодом наиболее тяжелого испытания на стойкость для бойцов всех секторов обороны. Критическое положение возникло в Южном секторе, где враг, сосредоточив почти 5 пехотных дивизий и до 100 танков против одной Чапаевской дивизии, перешел в наступление. Оно сопровождалось сильным артиллерийским огнем и ударами крупных сил авиации.

Н. В. Богданов

Но защитники Одессы не дрогнули. Командиры и политработники, умело руководя частями и подразделениями, находясь на самых опасных участках, показывали бойцам пример бесстрашия, собранности и стойкости. Артиллеристы-чапаевцы под руководством начальника артиллерии полковника Ф. Ф. Гроссмана четко взаимодействовали со стрелковыми полками и батальонами, своевременно переносили огонь батарей с одного направления на другое. Под прикрытием всей артиллерии Приморской армии и военных кораблей Чапаевская дивизия с тяжелыми поте-

рями отошла на заранее подготовленный рубеж Вакржаны, Сухой Лиман. Противник пытался овладеть и этим рубежом, но не смог — чапаевцы стояли насмерть.

Не так уж много было под Одессой орудий и минометов в те дни (в Западном секторе, например, имелось всего по два орудия на каждый километр фронта), но находились они в умелых руках. Артиллеристы и минометчики наносили врагу огромный ущерб.

Большим мастерством отличались расчеты 265-го корпусного артиллерийского полка, которым командовал депутат Верховного Совета Украины майор Николай Васильевич Богданов. Потомственный питерский рабочий, член партии с 1926 г., он беззаветно отдавался порученному делу. Перед войной его полк добился отличных показателей в боевой и политической подготовке. За это майор удостоился ордена «Знак Почета». Он пользовался репутацией отличного артиллериста, мужественного воина, прекрасного коммуниста, обаятельного человека.

Под стать командиру полка были и его ближайшие помощники: военком Яков Иващенко, заместитель по артил-

лерии Николай Голядкин, командиры дивизионов Борис Бундич и Степан Гончар. Богдановские подвижные батареи появлялись всегда там, где обстановка складывалась особенно неблагоприятно. На их счету было несколько рассеянных метким огнем полков вражеской пехоты, 10 разгромленных артиллерийских батарей, свыше 40 уничтоженных танков и много другой боевой техники. Не числом, а умением воевали богдановцы. И первыми среди первых были коммунисты командиры батарей Петр Минаков, Алексей Гавриленко, Алексей Мятежов, командир орудия Василий Карпович Демерза, его сын Петр — старший лейтенант и дочь Галя — медицинская сестра. За бои под Одессой полк был награжден орденом Красного Знамени, несколько позже стал гвардейским, а командир полка Н. В. Богданов удостоился звания Героя Советского Союза.

Исключительно напряженными были те дни и для летчиков 69-го истребительного авиационного полка майора Л. Л. Шестакова — единственной авиачасти оборонительного района. 30 самолетов, базировавшихся в осажденном городе, совершали десятки вылетов в сутки. Они бомбили скопления войск в ближнем тылу врага, штурмовали его боевые порядки и прикрывали части Приморской армии с воздуха, вступая в отчаянные схватки с бомбардировщиками и истребителями противника.

...Наблюдательный пост сообщил: с юго-востока над морем к порту приближаются четыре «Хейнкеля-111». Навстречу им вылетело звено лейтенанта Виталия Тимофеевича Топольского. Короткими точными очередями командир звена вывел из строя оба мотора вражеского бомбардировщика, и тот рухнул в море. Новый разворот — и новая атака. Уже у самого порта, неподалеку от Воронцовского маяка, Топольский поджег еще одну фашистскую машину. Остальные два вражеских самолета, так и не достигнув цели, сбросили бомбы в воду и ушли восвояси.

«Подлинным народным героем является старший политрук Куница, — писал в «Красной звезде» от 5 сентября 1941 г. контр-адмирал Г. В. Жуков. — У него до 150 боевых вылетов, 6 «юнкерсов» и «мессершмиттов» сбито советским соколом». Самые взволнованные страницы своей книги воспоминаний «Мы вернемся, Одесса!» посвятит впоследствии военкому эскадрильи Семену Андреевичу Кунице его однополчанин Герой Советского

Союза Алексей Тихонович Череватенко. «Спасибо комиссарам. Они научили меня воевать. С таких, как Куница, я брал пример», — скажет дважды Герой Советского Союза Алексей Васильевич Алелюхин, которого в те августовские дни сорок первого комиссар Куница рекомендовал в члены партии. Но ни статью Жукова, ни книгу Череватенко, ни отзывы боевых побратимов Семену Кунице прочитать и услышать не доведется.

28 августа в бою с превосходящими силами врага погиб вблизи хутора Красная Поляна Виталий Топольский. Узнав о гибели товарища, Семен Куница упросил командира полка, чтобы тот послал его командиром звена, вылетающего на помощь пехотинцам. «Отомстим фашистам за смерть Виталия!» — сказал он веном. 29 августа звено Куницы нанесло ощутимый удар реактивными снарядами по танкам и артиллерии противника у Красной Поляны. Затем двумя заходами летчики обстреляли вражескую пехоту из пушек и пулеметов. Когда начали набирать высоту, чтобы строиться и уходить на свой аэродром, вдруг появились «мессершмитты». Комиссар, зная, что его товарищи израсходовали все боеприпасы, принял удар на себя, чтобы дать им возможность уйти. Последними патронами Куница ударил по одному из вражеских самолетов, но и сам попал под огонь другого «мессера». Самолет загорелся и над самой линией фронта начал разваливаться на части. Тогда Куница выпрыгнул из кабины и раскрыл парашют. Но вражеские пулеметчики расстреляли его в воздухе.

Летчики действовали в невероятно трудных условиях. Аэродром находился так близко к переднему краю, что самолет не успевал набрать высоту, как под ним уже змеились вражеские окопы. Нередко после боя в полку оставалось всего 5—6 пригодных к полетам машин, остальные имели серьезные повреждения. Но к утру следующего дня благодаря самоотверженности личного состава в строю насчитывалось уже более 20 самолетов.

За время обороны Одессы летчики полка совершили 3781 боевой вылет, провели 576 воздушных боев, многие из них сбили по 6—8 самолетов. Лейтенант Михаил Шиллов и капитан Михаил Асташкин в одесском небе повторили подвиг защитника Москвы капитана Николая Гастелло, направив свои подожженные в бою машины на

скопления вражеских танков и пехоты. За доблесть и мужество, проявленные при обороне Одессы, звание Героя Советского Союза было присвоено летчикам М. Е. Асташкину, А. А. Елохину, И. Г. Королеву, С. А. Кунице, А. А. Маланову, Ю. Б. Рыкачеву, В. А. Серогодскому, В. Т. Топольскому, А. Т. Череватенко, Л. Л. Шестакову, М. И. Шилову.

Враг, стремясь ускорить взятие Одессы, бросал на штурм города все новые и новые дивизии, посылал вслед за наступающими солдатами специальные подразделения отборных головорезов, имевших приказ стрелять в спину каждому, кто проявит нерешительность в наступлении. Но фашистские полчища, как волны о гранитный утес, разбивались о стойкость советских войск. На стороне противника было численное превосходство, на стороне защитников Одессы — глубокое сознание своей ответственности за судьбу Советской Родины, мужество, верность долгу, стойкость в бою. Организующей и цементирующей силой этой стойкости были армейские партийные организации. Они помогали командирам совершенствовать боевые качества и знания воинов, широко распространять и внедрять наиболее эффективные способы и приемы боевых действий, разъясняли бойцам высокие цели Отечественной войны советского народа, вселяли в людей веру в неминуемую победу над врагом. Так, по инициативе политотдела Приморской армии было проведено несколько семинаров по борьбе с танками: у подбитых вражеских машин опытные воины рассказывали и показывали красноармейцам и младшим командирам из других частей, как пользоваться связками гранат и бутылками с зажигательной смесью. Такие семинары сыграли большую роль в преодолении так называемой танкобоязни, которая была свойственна отдельным бойцам в первые дни обороны.

Содержание партийно-политической работы определял характер конкретных задач войск. В наиболее тяжелые дни конца августа и начала сентября необходимо было любой ценой остановить врага, устоять на занятых позициях. В этот период вся партполитработа велась под лозунгом «Ни шагу назад!». Она тесно сочеталась с разъяснением общей обстановки на фронтах Отечественной войны. Политорганы знакомили воинов с жизнью страны и событиями за рубежом, с тем, как труженики тыла, в том числе и трудящиеся Одессы, с удесятеренной

энергией работают для фронта, как растут наши силы в борьбе с фашистскими захватчиками. На переднем крае, в окопах перед боем политруки и другие коммунисты разъясняли бойцам, что на полях сражений решается судьба социалистического Отечества, завоеваний Великого Октября. Политработники соединений и частей, повседневно находясь в подразделениях, учили молодых политруков, парторгов, секретарей комсомольских организаций практике партийно-политической работы, уделяя основное внимание мобилизации всего личного состава на выполнение боевых приказов. Убыль политруков восполнялась подготовкой их в армии из числа отличившихся в боях коммунистов.

Большой силы мобилизующий заряд несла в среду защитников города советская печать. С нетерпением ожидали войны каждого номера «Правды», «Известий», «Красной звезды», «Красного флота», местных газет с материалами о боевых действиях на фронтах Отечественной войны, в том числе и на рубежах одесской обороны. Многочисленная армия политбойцов и агитаторов умело использовала эти публикации как действенное средство воспитания у воинов верности воинскому долгу и неистребимой ненависти к врагу. Большой популярностью среди защитников города помимо центральной печати пользовались флотская газета «Красный черноморец», армейская «За Родину», областные газеты «Большевистское знамя» и «Чорноморська комуна», газета военноморской базы «Ворошиловский залп», дивизионные газеты. В их редакциях работало немало талантливых журналистов, самоотверженно относившихся к порученному делу. Их очерки и корреспонденции неизменно находили живой отклик среди воинов. Страстным пламенным словом они закаляли и воспламеняли сердца бойцов для подвига. И ради этих пламенных строк они сами шли на подвиг. Не каждый мог, подобно фотокорреспонденту Василию Колосову, в ходе боя, на виду у противника подползти к только что подбитому фашистскому танку, встать под пулями во весь рост и сфотографировать поверженного врага для фронтовой газеты.

В часы затишья между боями перед бойцами и командирами выступали писатели — и приезжавшие сюда в качестве корреспондентов центральных газет, и сражавшиеся в рядах защитников города.

Артисты одесской государственной эстрады за дни обороны дали на переднем крае 155 концертов.

Но самым действенным средством партполитработы являлся личный пример коммунистов, преисполненных чувства негасимой любви к социалистическому Отечеству, беззаветно преданных делу коммунизма, смело идущих в атаку, на подвиг и на смерть во имя победы.

Быть впереди атакующих, быть среди бойцов в самую тяжелую и опасную минуту стало нравственным законом комиссара полка Владимира Алексеевича Митракова. Бойцы любили своего военкома и оберегали его в штыковых схватках. Как-то в самом разгаре жаркого боя Митраков увидел тяжелораненого командира пулеметного расчета. Кругом свистели пули, рвались мины и снаряды. Комиссар бросился на помощь раненому, перевязал его бинтом из своего индивидуального пакета. «Спасибо, товарищ комиссар, дорогой вы человек», — проговорил раненый, а когда несколько позже к нему подбежал санитар, он направил его вслед ушедшему вперед военкому. «Жизнь нашего комиссара дороже всего, — сказал раненый санитару. — Будь с ним рядом, береги его. А меня вынесут другие...»

Или вот еще пример. Разведчики 2-й кавдивизии установили, что со стороны села Августовка и вдоль Балтской дороги противник подтягивает артиллерийские и минометные подразделения. На этом же участке сосредоточивалась и пехота. По всему было видно, что противник решил здесь прорвать оборону, ворваться на Пересыпь, а затем в порт и город.

Парторг пулеметной роты, позиции которой острым клином врезались в позиции врага, Георгий Константинович Главацкий собрал коммунистов, разъяснил, что подразделению предстоит очень трудный бой, и призвал их проявить высокое мастерство, быть примером стойкости для других пулеметчиков.

До войны Главацкий работал на одесском маслозаводе, был стахановцем. В армию его не призывали из-за врожденного порока сердца, но, когда война подошла к стенам родного города, он ушел добровольцем в истребительный отряд, влившийся в 1330-й полк 2-й кавдивизии, стал командиром пулеметного расчета, парторгом роты. Сердце коммуниста Главацкого оказалось пламенным, голова — мудрой, а руки — крепкими.

...Противник с трех сторон двинулся на позиции пулеметчиков. Несмотря на шквальный огонь, фашисты сумели близко подойти к окопам и стали забрасывать гранатами один из фланговых пулеметов. Наводчик был ранен, и пулемет умолк. Главацкий под огнем противника пополз туда. Кожух пулемета оказался в трех местах пробитым осколками. Парторг сорвал с себя рубашку, заткнул пробоины, долил воды и вел огонь из пулемета, пока наводчик не перевязал раненых. Затем коммунист пополз к ротному миномету, где выбыл из строя расчет. Оказав помощь минометчикам, Главацкий поспешил еще к одному умолкнувшему пулемету. На дне окопа лежал убитый наповал наводчик Михаил Савин. Главацкий приказал бойцам перетянуть пулемет на запасную позицию и сам стал поливать свинцомседавших солдат противника. Даже будучи контуженным, не слыша уже ни разрывов гранат, ни выстрелов пулемета, Главацкий продолжал вести огонь, пока вражеская атака не захлебнулась.

В конце августа противник решил на узком участке под Гниляково бросить в бой танковый корпус и почти три дивизии пехоты, чтобы прорваться здесь к городу. Командованию оборонительного района стало известно о замысле врага ночью, за несколько часов до танковой атаки. Опасность прорыва была велика, но во всех секторах обороны шли тяжелые бои, все резервы были задействованы, и командование не могло перебросить на усиление гниляковского участка ни одного батальона, ни одной роты. Бойцам 161-го стрелкового полка, спешенным конникам 7-го кавполка и морякам 4-го добровольческого отряда было приказано зарыться в землю, пропустить через себя вражеские танки, а затем пулеметным огнем, гранатами и контратакой отсечь от них наступающую пехоту.

Все хорошо понимали, что те, кто первыми поднимутся из-под танков против орущей и стреляющей на ходу лавины атакующих, вряд ли останутся в живых. На коротких партийных собраниях, проходивших здесь же, в окопах, было решено: первыми поднимутся коммунисты. На рассвете, когда танки, обрушивая своей тяжестью брустверы окопов, громыхали над головами бойцов, по сигналу «Коммунисты, вперед!» поднялись все бойцы, как один, хотя среди них было немало и беспартийных.

Неожиданной контратакой бойцы стрелкового и кавалерийского полков, моряки отряда отсекали от танков вражескую пехоту и заставили ее залечь. Коммунисты Сергей Цыбульский, Павел Никулин, Алексей Просин, Николай Ярилов, беспартийные Сандро Кананадзе, Македон Кутейко, Яков Перец, Иван Трофименко уничтожили пулеметным огнем сотни вражеских солдат и офицеров. Как выяснилось позже, прорвавшиеся танки, лишенные поддержки пехоты, были накрыты массированным огнем армейской и береговой артиллерии у хутора Карпово и уничтожены.

После боя я спросил у краснофлотца Сандро Кананадзе:

— Почему ты, Сандро, поднялся одним из первых? Ведь команда была для коммунистов.

— Да, я беспартийный, — ответил моряк. — Но стараюсь воевать так, чтобы коммунисты сказали: достоин Сандро быть в партии. Жизнь для Сандро дорога, но Родина, наша Советская Родина, Страна Советов — дороже!

Очень высоко было стремление бойцов подражать коммунистам, быть такими же стойкими в обороне и неудержимыми в наступлении, как они. Это выражалось и в их поведении в боевой обстановке, и в патриотических письмах родным, и в многочисленных заявлениях о приеме в партию накануне особенно тяжелых боев под Одессой. «Прошу считать меня коммунистом!» — говорили беспартийные, уходя в атаку. Высок был авторитет партии, нерушима была вера в ее правое дело. Заявления о приеме в ее ряды обычно рассматривались на заседаниях партбюро непосредственно в расположении рот и батальонов. Партийные комиссии выезжали в подразделения, и там начальник политотдела перед лицом боевых товарищей вручал принятым в партию кандидатские карточки и партбилеты. Только в Приморской армии за август и сентябрь 1941 г. было принято в партию 1002 человека, а в комсомол — 1863.

Перед боем десять красноармейцев и командиров 2-го дивизиона 368-го артполка подали заявления с просьбой принять их в кандидаты партии. «Мы хотим идти в бой против кровавого фашизма, имея высокое звание коммуниста. Это звание мы оправдаем с честью», — заявил от имени всех лейтенант Н. Г. Щербаков. Слово свое они сдержали. Красноармеец М. Х. Круглянский, принятый

в партию в числе этих десяти патриотов, в схватке с врагом был ранен, но на предложение отправиться в медсанбат ответил: «Я коммунист, и мое место с вами...» Мужественно вели себя и другие молодые коммунисты.

В ходе боя Александр Сысоев, принятый накануне в кандидаты партии, попал в окружение, но не дрогнул. Истерзанный и окровавленный воин с чувством величайшего достоинства бросил в лицо фашистскому офицеру: «Я — коммунист!» Он плюнул в фашистов, готовившихся расстрелять его. В это время вблизи разорвался артиллерийский снаряд. Силой взрыва все оказались поверженными на землю. Коммунист Сысоев, найдя в себе силы, приподнялся на локте, дотянулся до оброненной врагами гранаты и швырнул ее в фашистов.

Грузин Сандро Кананадзе считал, что его родина начинается там, где проходит граница всей Советской страны. Так думал и летчик украинец Семен Куница, и снайпер русский Николай Сучков, истребивший в одном бою 85 вражеских солдат, и пулеметчик казах Иргаш Тимиров, уничтоживший при отражении атаки противника 300 фашистских солдат, и другой пулеметчик татарин Хасан Сахибов, метко косивший врагов. В одном из боев Сахибов оказался один против большой группы фашистских солдат. Стрелять было нельзя: враги не попадали в прицел. Тогда Сахибов поднялся во весь рост, показывая пустые руки: идите, мол, берите в плен. А когда те кинулись к нему, он мгновенно упал, нажал на гашетку пулемета и уничтожил несколько десятков вражеских пехотинцев. Будучи раненым, Хасан Сахибов до конца боя не оставлял пулемета.

Защитники Одессы, как и все воины армии и флота, гордо называли себя сынами единого советского народа. Единое славное знамя социалистической Родины осеняло их, мудрая Коммунистическая партия вдохновляла и вела на подвиги. В этом был источник силы обороняющейся Одессы, источник стойкости ее героических защитников.

Глава шестая

КОНТРУДАР

С конца августа 1941 г. обстановка в районе Одессы с каждым днем ухудшалась. Войска Восточного сектора под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отойти на новые рубежи вблизи Одесского залива. Вражеская дальнобойная артиллерия получила возможность обстреливать город и порт.

Снабжение оборонительного района все более затруднялось. Стала ощущаться нехватка снарядов, продуктов питания.

Несмотря на огромный урон, фашистское командование, сосредоточив под Одессой до 18 дивизий и непрерывно пополняя их свежими маршевыми частями и танками, продолжало наступление. Советские части также несли серьезные потери, составлявшие до 40 процентов, а в подразделениях морской пехоты — до 80 процентов личного состава. В 287-м полку Чапаевской дивизии батальоны насчитывали по 50—55 бойцов.

Прибывавшие маршевые батальоны не восполняли потерь — порой в госпитали Одессы поступало более 2 тысяч раненых в день.

К середине сентября положение под Одессой еще более обострилось. Враг продолжал насеждать, и командование ООР, чтобы сократить линию обороны, уплотнить боевые порядки и увеличить плотность артиллерийского огня, решило отвести левый фланг войск Южного сектора на восточный берег Сухого лимана. Но теперь дальнобойные орудия противника стали вести огонь по городу не только с северо-востока, но и с юго-запада, в частности подвергались обстрелу аэродром и недавно сооруженные временные пристани в Аркадии и на Золотом Пляже.

Ф. С. Октябрьский

Полоса морского побережья, на которую опиралась оборона города, сократилась до 30 километров. Еще тяжелее и опаснее стало прорываться к Одессе транспортам и боевым кораблям. Город и подходы к нему конвои подвергались систематическому артиллерийскому обстрелу и ударам с воздуха. После захвата противником водопроводной станции в городе не хватало воды.

Чтобы поправить положение, необходимо было отбросить врага от города. Нарком Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецов

приказал командованию Черноморского флота подготовить и осуществить высадку тактического десанта в районе Новой Дофиновки для нанесения удара в тыл восточной группировки противника и обеспечения контрудара частей обороны в северном направлении между Аджалыкским и Куяльницким лиманами. Для изучения этого вопроса на месте 7 сентября в Одессу на лидере «Харьков», доставившем вместе с эсминцем «Дзержинский» пополнение и оружие для Приморской армии, прибыл командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский.

После всестороннего изучения обстановки с участием Ф. С. Октябрьского, заместителя наркома Военно-Морского Флота СССР вице-адмирала Г. И. Левченко, председателя областного Совета депутатов трудящихся Н. Т. Кальченко Военный совет ООР пришел к выводу, что войска оборонительного района не смогут своими силами отбросить фашистов на расстояние, исключающее артиллерийский обстрел города, порта и подходов фарватеров к нему. Кроме того, командующий обороной Г. В. Жуков и член Военного совета И. И. Азаров внесли предложение высаживать тактический десант не в Новую Дофиновку,

а в районе Григорьевки, находившейся глубже в тылу противника, но зато сам Аджалыкский лиман мог прикрыть десант от удара войск противника. Командование флота и Военный совет оборонительного района обратились в Ставку с просьбой выделить для ООР одну стрелковую дивизию.

Между тем положение под Одессой продолжало ухудшаться. «В те сентябрьские дни обстановка была такая, — вспоминает бывший член Военного совета оборонительного района И. И. Азаров, — что порою казалось: еще небольшой нажим со стороны противника — и наша линия обороны будет прорвана... По сводкам Совинформбюро мы знали, что положение на фронтах не улучшается, части Красной Армии продолжают отступать, оставляя врагу города и села. Но нам ничего не оставалось, как надеяться на помощь».

В пору исключительных по своей тяжести испытаний с особой силой проявляется главная сущность советского человека — мужество в борьбе за высокие идеалы, непоколебимая вера в неодолимость справедливого дела, которое он отстаивает. В те сентябрьские дни, прилагая нечеловеческие усилия, совершая, казалось, невозможное на поле боя, защитники Одессы, от красноармейца и краснофлотца до генерала и адмирала, несли в себе эту веру. Как они верили в неизбежность окончательной победы Родины, так и советское командование было уверено в бойцах и командирах — участниках обороны города. В середине сентября, в критический момент обороны, командование ООР получило телеграмму: «Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6—7 дней, в течение которых они получают подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения». В самой форме обращения Ставки, в том, что она не приказывала, как обычно, а просила продержаться в данной обстановке, подчеркивались и понимание самой сути положения под Одессой, и исключительная важность задачи, возложенной на оборонительный район, и уверенность, что бойцы и командиры выполняют эту задачу. Все это делало просьбу сильнее любого приказа. Когда содержание телеграммы было доведено до бойцов и командиров, в ней они слышали голос самой Родины, находящейся в смертельной опасности и обращающейся к своим сыновьям.

— У иных на глазах блестели прозрачные кристаллы, — вспоминает И. И. Азаров, побывавший в тот день, как и другие члены Военного совета, на переднем крае, — но это были не слезы отчаяния — это гневом к врагу горели сердца верных защитников Отечества.

Истекающие кровью бойцы обрели новые силы, еще больше утвердились в решимости умереть, но выполнить свой долг. «Каждый из нас, — вспоминал впоследствии бывший командующий ООР Г. В. Жуков, — готов был буквально на все, чтобы с честью выполнить просьбу Ставки — приказ Родины. В течение дня вел ожесточенный бой против фашистской дивизии 7-й кавалерийский полк, в котором в пешем строю находилось всего 300 бойцов. Гибель командира 7-го кавалерийского полка майора Лебедева вызвала у бойцов еще большую ярость и упорство в обороне. Младший командир разведроты 31-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии младший сержант комсомолец Бурсалов в трудную минуту сказал своему командиру: «У меня одно стремление — скорее уничтожить зарвавшихся фашистов. Для обеспечения победы не пожалею ни своих сил, ни жизни». Будучи раненным, он отказался отпавиться в тыл, пока вражеская атака не была отбита. Пулеметчик 90-го стрелкового полка, бывший председатель колхоза красноармеец Колесник, тоже получил ранение, но не оставил боевого строя и вел огонь из пулемета до последних сил. Красноармеец того же полка Воронов в упор расстреливал наступающих гитлеровцев, а когда кончились патроны, стал метать гранаты. В этом бою Воронов был тяжело ранен. Когда его уносили с поля боя, он сказал товарищам: «Держитесь, друзья! Я еще вернусь к вам и будем вместе уничтожать врага!..»

Самоотверженно действовали и артиллеристы. Они не только поддерживали огнем оборонявшуюся из последних сил пехоту, но и одновременно отбивали атаки врага на их огневые позиции. Береговые батареи, расходуя последние комплекты боеприпасов, вместе с кораблями флота подавили часть вражеских тяжелых батарей в районах Чебанки, Шицли, Новой Дофиновки, непрерывно поддерживали огневую завесу перед фронтом. До двух батальонов вражеской пехоты уничтожил спешно переброшенный на передний край отдельный зенитно-пулеметный батальон ПВО под командованием капитана Т. Г. Копейки-

на. Самолеты флотской авиации, ведомые А. Кондрашиным, Н. Токаревым, А. Цурцумия и другими прославленными летчиками, только за два дня, 16 и 17 сентября, уничтожили под Одессой более 60 танков и автомашин, артиллерийскую батарею, около 300 солдат и офицеров противника, сбили в воздушных боях 2 фашистских самолета. Летчики 69-го полка, действуя с простреливаемых врагом аэродромов, на 20 машинах производили за день по 70—90 боевых вылетов.

Тем временем в Новороссийске уже готовилась к посадке на транспорты 157-я стрелковая дивизия, выделенная в помощь Одесскому оборонительному району. Под Севастополем, в Казачьей бухте, отрабатывал высадку на необорудованный берег спешно сформированный 3-й морской полк.

К середине сентября положение в Одессе стало критическим — и на переднем крае и в самом городе. Вышла из строя электростанция. Остановились трамваи. 15 сентября пришлось взорвать Воронцовский маяк, которым вражеские батареи пользовались как ориентиром при обстреле порта. Была взорвана и дамба через Сухой лиман, чтобы предотвратить прорыв войск противника в Южном секторе. Одновременно создавалась угроза разрушения плотины Хаджибейского лимана и затопления промышленного района города — Пересыпи, в результате чего войска Восточного сектора могли оказаться отрезанными от Одессы. Под артогнем и бомбежками велись работы по укреплению этой плотины.

Бои шли в 5—8 километрах от города. Последние резервы уже были задействованы. На передний край направлялись подразделения милиции, пожарные части, некоторые артиллерийские и пулеметные подразделения противовоздушной обороны. Более 1700 бойцов и командиров из батальона выздоравливающих добровольно отправились в сражающиеся части. На случай необходимости защищать городские баррикады в госпиталях формировались отряды из легкораненых и всех, кто мог держать в руках оружие.

А в это время подоспела и помощь — в течение 17 и 18 сентября на транспортах «Грузия», «Абхазия», «Днестр», «Армения», «Украина» под эскортом крейсера «Червона Украина» и эскадренных миноносцев прибыла из Новороссийска отлично обученная и вооруженная

157-я дивизия. Кроме того, в пути находилось 25 маршевых батальонов общей численностью 25 351 человек, дивизион реактивных минометов и приданный 157-й дивизии 422-й тяжелый гаубичный полк. Хотя численное превосходство в живой силе по-прежнему оставалось на стороне противника, на стороне советских войск был колоссальный перевес морального фактора. Боевой дух вражеских войск под Одессой был заметно подорван большими потерями и затянувшимися боями. С прибытием свежей дивизии и пополнения еще больше возросло моральное превосходство защитников Одессы над врагом. Сознание того, что в такую трудную пору для всей страны, когда враг уже в Донбассе, под Орлом, под Москвой и Ленинградом, Родина послала подкрепление осажденной Одессе, вызвало у бойцов новый подъем духа и прилив сил и энергии. Они еще упорнее отстаивали каждый метр своей земли, и, хотя прибывшие части еще не вступили в бой, продвижение противника почти на всех участках было приостановлено.

С увеличением сил ООР стала реальной задача нанесения по врагу сильного контрудара. Ставка Верховного Главнокомандования дала указание не распылять силы, а решительным наступлением окружить и уничтожить левофланговую группировку противника, лишить его возможности обстреливать город, порт и морские подходы к нему. Было решено нанести удар утром 22 сентября в Восточном секторе силами 421-й стрелковой дивизии полковника Г. М. Коченова и 157-й стрелковой дивизии полковника Д. И. Томилова при огневом содействии артиллерии Приморской армии, боевых кораблей и береговых батарей. При этом предусматривалось несколько раньше высадить в тылу врага морской и небольшой воздушный десанты. Войскам Западного и Южного секторов предстояло демонстративными действиями сковать на своих участках вражеские силы, чтобы немецко-румынское командование не могло перебросить их на направление главного удара.

Для участия в десантах и в их поддержке выделялись крейсера «Красный Кавказ» (командир А. М. Гуцин), «Красный Крым» (командир А. И. Зубков), эсминцы «Бойкий» (командир Г. Ф. Годлевский), «Беспощадный» (командир Г. П. Негода) и «Безупречный» (командир П. М. Бурак), которые составили десантный отряд; от-

ряд десантно-высадочных средств, сформированный Одесской военно-морской базой в составе канонерской лодки «Красная Грузия», 10 катеров типа «МО», 12 катеров типа «КМ», 10 барказов и 1 буксира, а также 3-й морской полк (1900 человек), отряд парашютистов (23 человека), авиагруппа из состава 63-й авиабригады Черноморского флота и 69-й истребительный авиаполк ООР.

Общее руководство высадкой морского десанта возлагалось на командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского, командиром высадки был назначен капитан 1 ранга С. Г. Горшков, возглавлявший бригаду крейсеров.

Партийно-политическая работа в частях и на кораблях, защищавших Одессу, в те дни была нацелена на создание у бойцов высокого наступательного духа. В ротах, корабельных подразделениях, отделениях и на боевых постах — там, где решался успех боя, звучал голос командиров и политработников, коммунистов и комсомольцев. Не раскрывая самого факта подготовки контр-удара и высадки десанта, они формировали у бойцов сознание необходимости не только остановить, но и отбросить врага от города, избавить население, порт и фарватеры от артиллерийского обстрела. В подразделениях 421-й и 157-й дивизий, сосредоточенных в Восточном секторе, прошли партийные и комсомольские собрания с повесткой дня «О задачах коммунистов и комсомольцев в выполнении боевого приказа». Решения этих собраний были лаконичными и емкими. Так, комсомольцы 9-й стрелковой роты 384-го полка записали в протоколе: «Умрем, но Одессу врагу не сдадим». Бойцы и командиры выражали патриотические чувства, заявляя, что они хотят идти в бой коммунистами. Только в одном 633-м стрелковом

С. Г. Горшков

полку за три дня, предшествовавших наступлению, было подано 80 заявлений о приеме в партию.

Напряженный характер носили боевая подготовка и партийно-политическая работа в 3-м морском полку, предназначенном для высадки под Григорьевкой. Личный состав не имел опыта десантирования. А между тем ему предстояло высаживаться ночью, и не просто с борта корабля на причал, а с высадочных средств, на незнакомый и необорудованный берег и, вероятно, под огнем противника. В Казачьей бухте день и ночь моряки тренировались, отрабатывая посадку на корабли и высадку на берег с барказов на большой волне, учились штурмовать побережье с моря по грудь в воде, делать проходы в проволочных заграждениях, атаковать береговые объекты.

Велась усиленная наземная и воздушная разведка в районе предполагаемого десантирования и контрудара, а также в северо-западном районе моря и побережья.

Штаб флота тщательно разработал план высадки десантов в тыл противника и инструкции для высадочных средств. Высадка морского десанта первоначально была назначена на 3 часа ночи 22 сентября, но потом для большей скрытности решили перенести ее на самое темное время — час ночи. Перед боевыми кораблями ставилась задача доставить десант в кратчайшие сроки. В ночь проведения высадки корабельный дозор в районе Одессы был усилен двумя отрядами торпедных катеров. Чтобы не сковывать движение десантного отряда из Севастополя тихоходными высадочными средствами, их выделяла Одесская военно-морская база. Они должны были встретиться с десантным отрядом в момент его прибытия в район высадки. Предусматривалось, что по гакобортным огням канонерской лодки «Красная Грузия» будут ориентироваться барказы при подходе в темноте к берегу, а сама канлодка, подойдя к нему вплотную, поддержит действия высадившихся десантников артогнем.

Чтобы заблаговременно уточнить обстановку на месте, ознакомить командование оборонительного района с планом высадки морского десанта и обеспечить своевременный выход высадочных плавсредств в точку встречи с кораблями десанта, контр-адмирал Л. А. Владимирский и заместитель начальника штаба ООР капитан 1 ранга С. И. Иванов на рассвете 21 сентября вышли в Одессу на асминце «Фрунзе». Однако в 15 часов 07 минут в районе

Тендровской косы десять вражеских бомбардировщиков атаковали эсминец и канонерскую лодку «Красная Армения» и потопили их. Капитан 1 ранга Иванов погиб, вместе с ним погибла вся документация для отряда высадки, разработанная штабом флота. Буксиру «ОП-8», вызванному по радио к месту гибели «Фрунзе», удалось спасти большинство личного состава затонувших кораблей, контр-адмирала Владимирского и раненого командира эминца капитан-лейтенанта В. Н. Ерошенко. Прижимаясь к берегу, буксир направился на Тендру, но фашистские бомбардировщики настигли его и потопили. Моряки вплавь добирались до косы, а человек десять, главным образом раненые, в том числе Владимирский и Ерошенко, остались на буксире, надстройка которого из-за мелководья осталась над водой. Вскоре торпедный катер снял их и доставил на Тендру. После перевязки контр-адмирал Владимирский на том же катере отправился в Одессу¹.

В это время десантный отряд, принявший на борт 3-й морской полк, был уже в пути.

Хотя время отправки десанта и его задача держались в строгом секрете до самого выхода кораблей в море, некоторые моряки догадывались, что морской полк предназначен для высадки под Одессу, и многие, особенно те, кто уже воевал в добровольческих отрядах и оказался в Севастополе по ранению, досрочно выписывались, а то и самовольно покидали госпитали, чтобы снова попасть в морскую пехоту. Бывший член Военного совета Черноморского флота вице-адмирал Н. М. Кулаков вспоминал, что были случаи, когда вслед за отваливающими от причала кораблями «в воду бросались моряки, чтобы доплыть до судна и со всеми уйти на сухопутный фронт».

Фашистская авиация обнаружила корабли в море, но противник, видимо, посчитал, что они направляются в Одессу для обычной артиллерийской поддержки войск обороны, и днем не атаковал их, опасаясь истребителей нашего прикрытия, и только к вечеру в районе Киркенетского пролива корабельным зенитчикам пришлось открыть огонь по вражеским самолетам.

На переходе по корабельной трансляции было передано обращение командования десанта к морским пехо-

¹ Ему удалось прибыть на крейсер «Красный Кавказ» уже в ходе высадки десанта.

тинцам и экипажам кораблей, в котором говорилось: «Товарищи! Мы с вами призваны оказать боевую помощь и поддержку славным защитникам города. Стремительным броском десанта и мощным ударом в спину фашистам разгромим врага на его позициях, отбросим его от нашей Одессы.

Каждый из нас должен считать за высокую честь свято выполнить свой воинский долг перед Родиной».

Обращение нашло у десантников и корабельных команд горячий отклик. Каждый выражал свою решимость действовать смело, самоотверженно, умело. На крейсере «Красный Крым» состоялось партийное собрание морских пехотинцев, на котором коммунисты обязались личным примером мужества и отваги увлекать в бой краснофлотцев. На кораблях царил боевой накал — моряки проверяли и чистили оружие, подгоняли снаряжение, одежду и обувь, чтобы при высадке ничего не потерять, не производить лишнего шума. Политработники, рядовые коммунисты, одесситы, которых немало было среди десантников и команд кораблей, рассказывали своим товарищам о героической обороне Одессы, о ее революционных, боевых и трудовых традициях, о достопримечательностях города.

Незадолго до подхода отряда к району высадки на флагманском корабле — крейсере «Красный Кавказ» стало известно о гибели эсминца «Фрунзе». Военный совет флота радиogramмой возложил руководство всеми действиями на командира бригады крейсеров С. Г. Горшкова.

Корабельный отряд с десантом прибыл в район высадки в предусмотренное время, но канонерской лодки «Красная Грузия» и других высадочных средств там не оказалось, так как в связи с гибелью эсминца «Фрунзе» они не получили вовремя нужные распоряжения. Оценив обстановку, С. Г. Горшков принял решение: чтобы не нарушать плана взаимодействия с войсками Восточного сектора, не ждать прибытия плавсредств из Одессы и пачать высадку на корабельных шлюпках и принятых на крейсера барказах.

В 1 час 23 минуты крейсера и эсминцы неожиданно для врага открыли ураганный огонь из орудий главного калибра по заранее разведанным скоплениям войск противника в районах Чебанки, Григорьевки, Беляр, Шицли, Визирки, Старой и Новой Дофиновки. Семью минутами

позже летчик Черноморского флота старший лейтенант Серафим Гаврилов на самолете-бомбардировщике ТБ-3 доставил и выбросил севернее Шицли отряд парашютистов во главе со старшиной Кузнецовым. Парашютисты действовали смело и стремительно. Они уничтожили пять линий проволочной связи, здание штаба батальона и другие объекты. Их действия вызвали в тылу врага панику, в значительной мере нарушили управление неприятельскими войсками.

К. М. Корень

Через три минуты после десантирования отряда парашютистов началась высадка морского полка двумя эшелонами: в первом два батальона и во втором — один. Еще на переходе морем бойцы 3-й роты 3-го батальона, которой командовал лейтенант И. Д. Чарупа, обратились к командиру десантного полка капитану К. М. Кореню с просьбой высадить их в составе первого броска. Они первыми начали посадку с кораблей в барказы. Вместе с ними уходили к берегу комиссар батальона политрук Прохоров и корректировочные посты корабельной артиллерии, чтобы, находясь в первых рядах десантников, точно направлять огонь эсминцев на самые важные участки.

Части противника некоторое время были парализованы мощным огнем корабельной артиллерии. Но когда первые барказы коснулись грунта, враг, придя в себя, открыл пулеметный и минометный огонь. До берега оставалось еще 100—150 метров, и моряки спрыгивали с барказов в холодное осеннее море и в непроницаемой темноте, по грудь, а то и по шею в закипающей от пуль и осколков воде, высоко поднимая над головой оружие, двигались к берегу. Выйдя из воды, рота Чарупы бросилась вперед, гранатами забросала прибрежные огневые точки противника и тем самым дала возможность почти без потерь высадиться остальным двум ротам 3-го батальона во главе

с комбатом старшим лейтенантом И. И. Матвиенко. Тем временем к кораблям подошли высадочные средства во главе с канлодкой «Красная Грузия». Темпы высадки ускорились. Катера подходили непосредственно к берегу, высаживая десантников, выставляли сигнальные огни для ориентировки следующих за ними плавсредств и возвращались за новыми партиями моряков. К 5 часам утра высадка была закончена.

Командир 3-го батальона решил с ходу ворваться в Григорьевку и подавить там огневые точки противника, обстреливавшие высадку второго эшелона десанта. Но рота Чаруны, продвигавшаяся в авангарде, попала под сильный минометно-пулеметный огонь. Тогда Чаруна приказал одному взводу вести непрерывный огонь по врагу с фронта, отвлекая на себя его внимание, а сам с остальными бойцами скрытно обошел противника с фланга и поднял моряков в штыковую атаку. Воспользовавшись паникой в рядах противника, подошедшие две роты атаковали огневые точки врага. Батальон ворвался в Григорьевку. Вражеские солдаты и офицеры в панике бежали, бросая оружие и снаряжение, не успев даже снять со своих минных полей указатели с надписью «мины», что облегчило действия десантников.

Развивая наступление, 3-й батальон начал продвижение к Старой Дофиновке, а 1-й батальон под командованием капитана И. И. Михайлова пулеметным и минометным огнем, гранатами и штыковыми атаками прокладывал себе дорогу к Чебанке и Новой Дофиновке на соединение с перешедшими в наступление войсками Восточного сектора. Во втором эшелоне наступал 2-й батальон морского полка.

Самолеты 63-й авиабригады Черноморского флота с целью облегчить действия десанта и готовившихся к наступлению войск в 4 часа утра нанесли бомбоштурмовые удары по боевым порядкам войск противника. На рассвете майор Л. Л. Шестаков повел все 22 исправные машины 69-го истребительного авиаполка на штурмовку вражеских аэродромов в районах Бадена и Зельц. Подойдя с приглушенными моторами, самолеты так неожиданно обрушили огненный смерч на заранее разведанные аэродромы, что зенитки врага даже не успели открыть огонь. Особенно отличились в этих налетах командир полка Л. Л. Шестаков, летчики Ю. Б. Рыкачев и А. Т. Черева-

тенко. Враг потерял 20 самолетов, много летчиков и авиационных специалистов.

С окончанием высадки оба крейсера, чтобы избежать ударов авиации противника, ушли в Севастополь, а эскадренные миноносцы «Бойкий», «Безупречный» и «Беспощадный» по вызову своих корпостов, находившихся в первых рядах высадившихся моряков, поддерживали огнем наступление десанта, подавляли батареи врага и его танковые подразделения, пытавшиеся перейти в контратаку. С рассветом против эсминцев противник бросил многочисленную авиацию, в том числе переброшенные на Черноморский театр из района Средиземного моря пикирующие бомбардировщики Ю-87. На выручку эсминцам пришли летчики 69-го истребительного полка. Девятка под командованием капитана Рыкачева подошла к месту боя как раз в тот момент, когда десять «юнкерсов» атаковали эскадренный миноносец «Безупречный». Рыкачев оставил три свои машины для прикрытия на тот случай, если неожиданно появятся немецкие истребители, а сам во главе шестерки бросился в атаку, стараясь сбить с курса пикировщиков и не дать им возможности прицельно сбросить груз. Пятнадцать минут длилась эта схватка в воздухе. Нашим летчикам удалось поджечь два бомбардировщика. Боеприпасы «ястребков» были на исходе, но они не оставили «Безупречный» без прикрытия до тех пор, пока последний «юнкерс» не отвалил в сторону.

Ожесточенные атаки врага с воздуха группами от 3 до 24 самолетов следовали одна за другой до самого вечера. В середине дня эсmineц «Безупречный» снова был атакован вражескими бомбардировщиками. Получив большое количество пробоин в корпусе и лишившись хода, он был отбуксирован в Одессу. Эсmineц «Беспощадный», тоже получивший тяжелые повреждения, ушел в Одесский порт под защиту зенитной артиллерии. Остававшиеся в строю корабли продолжали вести огонь.

Для обеспечения скрытности десантирования артиллерия Восточного сектора молчала. Когда же высадка была закончена и морские пехотинцы ворвались в расположение вражеских войск, а парашютисты вывели из строя линии связи и нарушили управление войсками противника, артиллеристы Приморской армии, кораблей и береговых батарей провели мощную получасовую артподготовку. В 8 часов утра 421-я дивизия и два стрелковых полка 157-й

дивизии, усиленные гаубичным артполком и танками, в том числе дивизионом бронетракторов под командованием старшего лейтенанта Н. И. Юдина в составе 30 машин, построенных на одесских заводах, перешли в наступление.

Как выяснилось позже из захваченных штабных документов и показаний пленных, противник в этом районе тоже готовился к наступлению, назначенному на несколько часов позже. Он оказал упорное противодействие. Но ничто не могло сдержать наступательный порыв советских бойцов и командиров. Отчаянное сопротивление противника было сломлено, и советские части стали продвигаться в северном и северо-западном направлениях. Проявляя исключительное мужество, они гранатами и огнем противотанковых пушек уничтожали дзоты, подавляли огневые точки, преодолевали окопы и проволочные заграждения, штурмовали приспособленные к обороне каменные дома, уничтожали живую силу противника и неудержимо рвались вперед.

Через несколько часов бешеное сопротивление противника сменилось паникой в его рядах. Комбат 633-го полка майор Снежко с двумя командирами и телефонистом находился в окопе командного пункта. Когда он вышел из блиндажа, то увидел более сотни вражеских солдат и офицеров, идущих прямо на него с винтовками наперевес. Если бывают обстоятельства, требующие самых неожиданных решений, то именно в таком и оказался комбат. «Стой! Бросай оружие!» — закричал он во весь голос и пистолетом показал на землю. Враги растерялись, остановились и побросали винтовки. Снежко приказал одному из командиров собрать винтовки, а другому вместе с телефонистом — доставить незадачливых вояк на командный пункт полка, где уже находилось до двухсот пленных.

Немецко-румынские войска не устояли перед натиском двух советских дивизий с фронта и ударов десанта с тыла. Бросая на поле боя раненых, вооружение и боеприпасы, они беспорядочно отступали. К исходу дня 421-я дивизия вышла к Большому Аджалыкскому лиману, а 157-я овладела населенным пунктом Шевченко, находившимся в пяти километрах от исходного рубежа контрудара. У дороги на Свердлово фланги обеих дивизий соединились, и наступление приняло еще более стремительный темп.

Тем временем морские десантники, поддерживаемые артогнем кораблей, продолжали успешные действия в тылу врага. Полтора суток — ночь, день и ночь — без сна и отдыха, без хотя бы небольшого привала для приема пищи, гранатой, пулей и штыком прокладывали они себе путь в сторону города, навстречу наступающим частям Восточного сектора. Неприятельские войска пытались задержать продвижение моряков у Чебанки, но, не выдержав их натиска, бежали оттуда. В результате пятичасового боя бойцы 1-го батальона десантного полка выбили фашистов из Новой Дофиновки. Шестнадцать часов непрерывно атаковал 3-й батальон сильно укрепленную врагом Старую Дофиновку. Личным примером, появляясь в первых рядах атакующих в самые трудные моменты и в наиболее опасных местах, вдохновлял краснофлотцев в этой ожесточенной схватке военком полка батальонный комиссар И. А. Слесарев. Командир батальона И. И. Матвиенко, будучи трижды раненым, продолжал руководить действиями подразделений. Командирам и политработникам, коммунистам, их мужеству и бесстрашию подражали все бойцы десанта. Посланный в разведку комсомолец Сергей Петренко принял бой с большой группой врагов. Огнем ручного пулемета и гранатами он уничтожал их до последнего вздоха. Когда Старая Дофиновка была освобождена, неподалеку от села бойцы нашли тело Петренко, а вокруг него лежали тридцать уничтоженных фашистских солдат.

Захватив несколько вражеских тяжелых батарей, много пулеметов и минометов, уничтожив более 200 солдат и офицеров, 3-й морской полк блестяще выполнил свою задачу и пробился на соединение с наступающими войсками в районе села Александровка. В ходе наступления десантники захватили и дальнобойную четырехорудийную батарею, которая обстреливала город и порт. На щитах и стволах орудий десантники вывели мелом: «Она стреляла по Одессе. Этого больше не будет!». На другой день эту батарею провезли по улицам осажденной Одессы. Ликующие толпы горожан встречали моряков радостными возгласами и цветами.

Внезапный комбинированный удар по врагу сухопутных войск, морского десанта, кораблей Черноморского флота и авиации завершился победой защитников Одессы. Враг был отброшен на 5—8, а местами на 10 кило-

метров на северо-восток. Недавно пополненная 15-я пехотная дивизия врага была полностью разгромлена, а 13-я дивизия понесла столь тяжелые потери, что до конца военных действий под Одессой не могла принимать участие в боях. Враг потерял около 6 тысяч солдат и офицеров, в том числе до 2 тысяч убитыми и пленными. Наши войска захватили 50 орудий и минометов, 127 пулеметов, 1100 винтовок и автоматов, 13 500 мин и ручных гранат, 3 тысячи снарядов, более 100 километров телефонного кабеля и большое количество другого военного имущества. Советские летчики в воздушных боях и на аэродромах уничтожили 40 вражеских самолетов. Противник был выбит с плацдарма, с которого вел обстрел города, порта и подходных фарватеров. В результате этого крупного успеха еще больше укрепился моральный дух защитников и жителей Одессы.

Личный состав всех родов войск, наступавших под Одессой, показал новые примеры массового героизма. Командир 157-й дивизии Д. И. Томилов докладывал командованию оборонительного района: «Выяснить героические поступки бойцов и командиров весьма трудно, так как весь личный состав стремился вперед и отдельные лица, проявившие в этой операции мужество, героизм, очевидно, остались незамеченными». «Успешные действия наших войск, обороняющих Одессу,— писал 26 сентября 1941 г. в «Правде» генерал-майор И. Е. Петров,— объясняются мужеством и стойкостью бойцов, командиров, комиссаров и политработников. В неслыханно тяжелых и длительных боях они проявили железную выдержку и бесстрашие. Это — люди исключительного хладнокровия, высокого патриотического благородства, люди, презирающие смерть».

Комбинированный контрудар войск Приморской армии и сил Черноморского флота имел большое значение для последующей устойчивой обороны Одессы.

Глава седьмая

«МЫ ВЕРНЕМСЯ, ОДЕССА!»

После мощного контрудара советских войск фронт под Одессой стабилизировался. Попытка противника вернуть утраченные позиции в Восточном секторе успеха не имела, а начатое им утром 25 сентября крупное наступление в Южном секторе было отражено в самом начале. Впервые здесь был использован в бою прибывший из Новороссийска на транспорте «Чапаев» дивизион реактивных минометов — знаменитых «катюш» — под командованием старшего лейтенанта П. С. Небоженко.

О предстоявшем наступлении врага командованию оборонительного района стало известно заранее. Начальник артиллерии Приморской армии полковник Н. К. Рыжи еще с вечера выделил дивизиону участок шириной в полкилометра перед фронтом 25-й Чапаевской дивизии в районе Дальника, где передний край противника хорошо просматривался. Ночью все восемь машин дивизиона скрытно заняли огневые позиции. Через час после восхода солнца фашистские войска поднялись в атаку: несколько дивизий шли густыми валами, в которых было немало танков и бронемашин. Но вот с командного пункта поступила команда полковника Рыжи, и потрясающий гул разорвал утреннюю тишину. Десятки ракет-снарядов, подобно молниям, вырвались из огромного дымного облака и, прочертив голубое небо, обрушились на боевые порядки врага. Фашистская пехота вначале замерла в оцепенении, а потом в панике, бросая оружие, пустилась в бегство. На поле боя осталось множество убитых и раненых. Вражеская атака сразу же захлебнулась: не только уцелевшие солдаты и офицеры в районе залпа дивизиона, но и войска на соседних участках в ужасе бежали, оставляя траншеи переднего края.

Планы фашистов по молниеносному захвату города терпели крах. Солдаты противника не только потеряли надежду на скорую победу, но и начали понимать гибельность авантюры фашистских правителей. Среди них усилилась деморализация. Вот один из документов, красноречиво свидетельствующих об этом. «Многие командиры сообщают мне, что наша пехота не поднимается и не следует за командирами, как именно случилось в 11-й дивизии... — говорилось в приказе Антонеску по 4-й армии, обнаруженном у убитого под Одессой румынского офицера. — Считаю виновными командиров, если они не уничтожили на месте мерзавцев, позорящих свой народ, свои звания и свою фамилию.

Также считаю тяжело виновными всех командиров крупных и мелких подразделений, которые отсылают в тыл раненых в руки и пальцы ног. За редким исключением, такие раненые — самострелы, а их нужно уничтожать на месте.

Требую от всех моральной стойкости и энергии... Вы боитесь танков. Целые наши полки, как, например, 15-й пехотный, бежали по 4—5 километров назад только от появления 3—4 танков противника... Позор такой армии, которая вчетверо, впятеро превосходит противника по численности, превосходит его вооружением... и вместе с тем сдерживалась на одном месте небольшими... советскими частями».

Но ни угрозы, ни заклинания не помогали фашистскому командованию. Да и само оно уже не верило в возможность быстрого захвата Одессы. Гитлеровский генерал Гальдер в своем дневнике 26 сентября записал: «Позавчера Антонеску принял решение просить немецкой помощи, так как румыны не смогут взять Одессу одни.

Антонеску требует: а) войска и б) помощи авиацией...»

Фашистское командование под Одессой ожидало наступления советских войск уже по всему фронту и теперь больше думало об обороне, чем о штурме города. Вместе с тем удача комбинированного контрудара еще больше укрепила уверенность защитников Одессы в успехе обороны. С Большой земли продолжали поступать пополнение и вооружение. Командование ООР вынашивало замысел о нанесении новых ударов по врагу. Некоторое затишье на фронте было использовано для перегруппировки войск и усиления оборонительных позиций. Принима-

лись меры по подготовке к боевым действиям в зимних условиях.

Сам город, несмотря на то что близость фронта здесь ощущалась на каждом шагу, жил полнокровной жизнью: заводы ковали оружие, работали школы, магазины, поликлиники, кинотеатры, давала ток электростанция, не прекращалось движение трамваев. Городской Совет брал на учет поврежденный бомбежками и артобстрелом жилой фонд. Им было принято решение об организации специального ремонтного треста для восстановления жилья. С целью улучшения снабжения города продуктами питания и топливом обком КП(б)У направил группу ответственных работников обкома и облисполкома в Краснодарский и Ставропольский края и на Северный Кавказ.

Город и фронт жили поддержкой Родины и были полны решимости выстоять. Однако Одесса была лишь одним из многих участков тысячекилометрового советско-германского фронта, а к концу сентября положение почти на всем его протяжении становилось все более тяжелым. Враг рвался к Москве и Ленинграду, занял Киев, вторгся в Донбасс. После ожесточенного сражения немецко-фашистским войскам удалось прорвать перекопские позиции 51-й армии, овладеть Турецким валом. Создалась угроза потери Крыма и главной базы Черноморского флота — Севастополя. И 30 сентября Ставка Верховного Главнокомандования отдала директиву, в которой говорилось: «...храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров».

Трудно, невыносимо трудно было смириться с мыслью об оставлении Одессы, оборона которой стоила стольких сил и крови. Но когда прибывший из Севастополя заместитель наркома Военно-Морского Флота вице-адмирал Г. И. Левченко подробно проинформировал Военный совет ООР о тяжелом положении в Крыму, всем стала понятной суровая необходимость эвакуации войск ООР для усиления защиты Крымского полуострова. Военный совет создал комиссию во главе с командующим армией Г. П. Софроновым, которой было поручено разработать план эвакуации.

Наступил заключительный, не менее сложный и героический, чем предыдущие, этап обороны Одессы. Пред-

стояло, продолжая сдерживать противника, скрытно эвакуировать оставшееся оборудование промышленных предприятий, большое количество городского населения, соединения и части ООР, дивизии Приморской армии с вооружением и техникой. Мировая история военного искусства еще не знала примера, когда бы многотысячный гарнизон скрытно оторвался от противника, произвел посадку на суда и совершил переход морем без больших потерь. Достаточно напомнить, что эвакуация английских экспедиционных войск в мае — июне 1940 г. из Дюнкерка превратилась в паническое бегство почти полумиллионной английской армии, в результате которого англичане потеряли 9 эсминцев, 243 единицы различных плавсредств, 82 тысячи автомашин и повозок, 2,4 тысячи орудий, 90 тысяч винтовок, 8 тысяч пулеметов и много другого вооружения. И произошло это в условиях, когда немецкая танковая группа, находившаяся в 10—16 километрах от Дюнкерка, и авиация по чисто политическим мотивам получили приказ не препятствовать посадке английских войск на суда, а сама эвакуация проходила под прикрытием британского военно-морского флота и французской сухопутной армии.

Войскам ООР, естественно, не приходилось надеяться на то, что перед лицом 300-тысячной фашистской армии, осаждавшей Одессу, удастся незаметно для нее отойти к городу, а немецкая авиация не попытается уничтожить суда с войсками на переходе морем. Надо было дезинформировать, ввести в заблуждение противника, укрепить его уверенность в том, что советские войска не намерены оставлять Одессу. Самым действенным средством для этого были активные боевые действия войск обороны.

Уже 1 октября вечером один из полков 157-й дивизии погрузился на транспорт и ночью ушел в Севастополь. На следующий день грузился в порту другой полк этой дивизии, а третий, 384-й стрелковый, и 422-й тяжелый гаубичный полки в это время участвовали в наступлении 25-й Чапаевской дивизии в районе Ленинталя. В 10 часов утра это наступление началось залпом дивизиона «катюш». Почти одновременно с огневыми вихрями ракет на позиции противника обрушились тяжелые снаряды гаубичного полка и двух дивизионов 397-го артиллерийского полка. Не успели упасть на вражеские позиции поднятые в воздух артподготовкой и штурмовыми

ударами авиации столбы земли, как туда ворвался танковый батальон старшего лейтенанта Н. И. Юдина в составе 35 машин. Вслед за танками чапаевцы и бойцы 384-го полка достигли переднего края противника и прорвали его оборону. Танкисты ворвались в Ленинтадь, в ходе боя захватили несколько неприятельских батарей, прицепили к своим машинам 30 вражеских орудий и доставили их в расположение Чапаевской дивизии. Одновременно с чапаевцами в направлении на Ленинтадь и Клейн-Либентадь успешно вела наступление 2-я кавалерийская дивизия, поддержанная 99-м гаубичным полком, 1-й береговой батареей и бронепоездом «За Родину».

К вечеру войска Южного сектора вклинились в расположение противника на 4 километра, полностью уничтожили 4 батальона вражеской пехоты, захватили до 200 человек пленных и большие трофеи, в том числе 44 орудия. Румынские войска в последующие дни попытались отбить утраченные ими позиции, но успеха не добились. В Западном секторе стойко сдерживала вражеский натиск 95-я дивизия, а в Восточном упорно сражалась 421-я дивизия, в состав которой входил 3-й морской полк.

Активные действия советских войск обеспечили скрытность эвакуации. Большую роль сыграло также строжайшее соблюдение секретности ее проведения. О самой задаче, поставленной Ставкой, знал узкий круг командования оборонительного района. Хотя к утру 5 октября в Крым уже ушли на транспортах и боевых кораблях 157-я стрелковая дивизия с приданными ей частями, строительный батальон, 2 тысячи бойцов запасного полка, полк связи, отдельные команды головных складов, значительное количество раненых и гражданского населения, ни в городе, ни на переднем крае никто даже не догадывался, что это и есть начало эвакуации. Отправка войск проводилась под видом оперативных перемещений, а населения и раненых — в порядке разгрузки города на зимний период. Для дезинформации противника на транспортах, следовавших в Одессу, доставлялись различные грузы, которые демонстративно, на виду у жителей города и вражеской воздушной разведки выгружались в порту. Днем от порта к переднему краю тянулись вереницы крытых пустых автомашин и повозок, имитируя подброску пополнения, а все движение с переднего края в город и порт происходило под покровом ночи. На переднем крае про-

должалось строительство землянок зимнего типа, завозились железные печи для их отопления.

В городе поддерживался установившийся за время осады ритм жизни, строгий общественный порядок. Действовали котельные заводов, из заводских труб по-прежнему валил дым, хотя оборудование демонтировалось, а сами котельные готовились к взрыву. Работали коммунальные учреждения, демонстрировались фильмы, продолжались занятия в школах. Областные газеты «Большевицкое знамя» и «Чорноморська комуна» ежедневно печатали очерки о героях обороны и корреспонденции о боевых действиях войск ООР, о заготовке продовольствия и топлива на зиму, об операциях партизанских отрядов в захваченных врагом районах области. Не уменьшалось количество таких материалов и в передачах по радио. В ставших регулярными радиоперекличках Одессы с Москвой, Ленинградом, Харьковом и другими городами часто выступали фронтовики, говорившие о готовности продолжать оборону города, громить врага до полного уничтожения.

Немало потрудились в те дни и специальные службы штаба Приморской армии. Разведчики распространяли во вражеском тылу ложную информацию о якобы прибывающем в Одессу большом пополнении. Политотдел армии выпустил на румынском языке 206 тысяч пропусков для сдачи в плен, которые наземной разведкой и самолетами были доставлены в распоряжение противника. Кроме того, на обороте всех листовок, выпущенных общим тиражом более 2,5 миллиона экземпляров, печатались пропуска или делалась приписка, что листовка одновременно является пропуском. У многих румынских солдат, сдавшихся в те дни в плен, были обнаружены эти листовки.

Значительный эффект давала также работа звуковещательной станции. Один пленный румынский сержант рассказал, что ее передачи слушали все солдаты части, несмотря на то что старший офицер приказывал открыть минометный и артиллерийский огонь, чтобы заглушить голос диктора.

Все эти и другие меры скрытности эвакуации достигали своей цели. Вражеское командование все более убеждалось, что советские войска не только будут продолжать отстаивать Одессу, но и могут перейти в наступление. Это подтверждается и содержанием его оперативного приказа

№ 73 от 5 октября 1941 г.
«Последнее наступление противника, — говорилось в приказе, — а также поступающие на сегодняшний день сведения позволяют сделать вывод, что противник подготавливает развертывание своих основных сил... Дивизиям быть готовым отразить наступление противника».

С началом эвакуации в Одессу ежедневно шло значительно больше, чем раньше, транспортов и боевых кораблей. Это не могло пройти мимо внимания воздушной разведки противника, но фашистское командование, очевидно, считало, что в Одессу доставляется пополнение и вооружение для будущего наступления, и, видимо, поэтому воздушные налеты производились главным образом на конвой, следовавшие в Одессу.

5 октября 1941 г. произошли перемены в командовании Приморской армии. Ввиду болезни генерал-лейтенанта Г. П. Софронова командующим был назначен генерал-майор И. Е. Петров. Чапаевскую дивизию принял от него начальник тыла армии генерал-майор Т. К. Коломиец.

Иван Ефимович Петров был одаренным и высокообразованным военачальником с творческим складом ума. Он обладал глубокими знаниями в области теории и истории военного искусства, фортификации и артиллерии. Близко знавшие генерала всегда отмечали его широкие познания в области философии, психологии, литературы и искусства, его высокую внутреннюю культуру. Горячий, иногда вспыльчивый, но общительный по натуре, он был чуток к подчиненным и умел ценить их способности. Ветераны 25-й дивизии рассказывают, что в соединении он знал в лицо и по имени-отчеству всех командиров рот.

«Мне кажется, — писал в своей книге «Не померкнет никогда» Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, — для Ивана Ефимовича всегда было необходимо, думая о ка-

И. Е. Петров

ком-то участке фронта, представлять конкретных людей, с которыми он уже встречался и о которых имеет определенное суждение. В близком знании подчиненных он черпал собственную уверенность, когда принимал решение, ставил боевую задачу». Бойцы и командиры платили ему неизменной любовью и преданностью, его уважительно называли «наш генерал». Возглавив Приморскую армию, И. Е. Петров энергично руководил боевыми действиями и эвакуацией.

Первоначально предполагалось осуществить эвакуацию в период до 20 октября. Однако чем больший темп набирала она, тем яснее становилось, что скрыть ее до конца от противника не удастся, что это чревато опасностью уничтожения арьергардных частей. К тому же противник, непрерывно наращивая силы, 9 октября перешел в наступление по всему фронту. Войскам обороны удалось заставить его отойти на исходные позиции, но на следующий день в Южном секторе после сильной артподготовки фашистские войска предприняли так называемую психическую атаку: плотными колоннами двинулись на позиции защитников города. Снаряды артиллерии Приморской армии и береговых батарей рвались в гуще наступающих, сотни солдат и офицеров падали замертво, но колонны продолжали двигаться вперед. Несмотря на большие потери, противнику удалось прорвать первую полосу траншей. В районе села Татарка создалась реальная угроза выхода его к Одессе. Но существовала она недолго. Героическими усилиями бойцов Чапаевской дивизии и 2-й кавалерийской дивизии, поднявшихся в штыковую контратаку, и переброшенных им на выручку бойцов 3-го морского полка и резервного батальона прорыв был ликвидирован. Подверглась разгрому 10-я румынская дивизия, а ее 33-й полк был почти полностью уничтожен.

Однако враг готовился предпринять новый натиск. Перед фронтом защитников Одессы было сосредоточено 7 румынских корпусов, в которые входило 20 дивизий и бригад, в том числе 3 новые дивизии, только что прибывшие из Румынии, а также немецкие части — 5 пехотных батальонов, зенитный батальон, 2 артиллерийских дивизиона. Противник, проведав о том, что советские войска оставляют Одессу, мог бросить в бой все свои силы и смять ослабленную оборону. Поэтому командование ООР пересмотрело план эвакуации. Было решено завершить ее в

ночь на 16 октября; не отводить войска на промежуточные рубежи, как это предусматривалось ранее, а до последнего дня вести активные боевые действия на старых позициях, демонстрируя подготовку к новому наступлению; отвести все дивизии к причалам порта сразу, в одну ночь, марш-броском, под прикрытием специально выделенных подразделений, авиации, береговых батарей и корабельной артиллерии. Это был смелый, хотя и не лишенный риска план, основанный на накопленном опыте борьбы с численно превосходящим противником, на глубокой вере в высокие моральные силы, собранность и дисциплинированность защитников Одессы.

11 октября командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский сообщил телеграммой, что Военный совет флота согласился с предложениями командования ООР и что с 12 октября вся бомбардировочная авиация флота переключается на поддержку оборонительного района. Для эвакуации выделялось 17 транспортов, а для их прикрытия — крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», эскадренные миноносцы «Бодрый», «Смышленный», «Шаумян», «Незаможник», несколько быстроходных тральщиков и большое количество катеров.

Армейской разведке удалось подбросить румынскому командованию ложные сведения о доставке в Одессу новых дивизий. Войска обороны имитировали подготовку к наступлению — вели артиллерийский огонь, ночью освещали передний край ракетами, создавали видимость прибытия пополнения. Дивизион реактивных минометов производил по несколько залпов на участках фронта, где наблюдалось сосредоточение противника. 14 октября «катюши», перемещаясь по всему фронту, из разных пунктов дали последние семь залпов. Засекая позиции дивизиона, враг обрушивал на них шквал артиллерийского и минометного огня, бомбил с самолетов, но всегда опаздывал: после каждого залпа «катюши» на бешеной скорости неслись по степному бездорожью на другой участок и там производили новый огневой налет на вражеские позиции. В тот же день с наступлением сумерек дивизион благополучно погрузился на судно и отправился в Севастополь.

Передний край продолжал делать все возможное, чтобы не вызвать у противника подозрений о начале эвакуации. И это удалось. В течение последних трех дней во всех секторах было относительно спокойно, противник не

предпринимал активных действий. А в это время в одесские катакомбы уже спускались городские партизанские отряды, готовились группы для подпольной и диверсионной работы; в штабах оборонительного района, Приморской армии и Черноморского флота разрабатывались плановые таблицы артогня, маршруты и сроки ночного маршброска полков и батальонов с переднего края в порт; назначались проводники на марше и распорядители посадки для каждого подразделения, толченым мелом, известью и белой краской метился путь следования колонн в черте города, чтобы никто не замешкался на поворотах, не отстал, не создал затора. В разное время поодиночке в городе побывали командиры дивизий и полков, чтобы присмотреться к маршруту, по которому должны были быстро и точно проследовать на посадку батальоны, батареи, эскадроны. В последний день ознакомились с этими маршрутами и командиры подразделений.

К рассвету 15 октября в Одесский порт прибыли транспорты и корабли охранения. Это был последний рейс судов в осажденную Одессу, последний из многих рейсов, каждый из которых был подвигом. Так, теплоход «Грузия» до этого пробивался сюда восемнадцать раз, чтобы доставить в город воинские части, боеприпасы, снаряжение и вывезти раненых, эвакуируемых, оборудование фабрик и заводов. Это был десятый рейс для экипажа теплохода «Чапаев», доставившего в Одессу за время обороны города 8 тысяч бойцов и командиров, 5 тысяч тонн боеприпасов, 120 автомашин, много орудий, дивизион «катюш». Обратно судно вывезло более тысячи раненых, 12 тысяч тонн заводского оборудования, тысячи тонн зерна. Пароход «Курск» за десять рейсов доставил многие тысячи бойцов, 2,5 тысячи тонн боеприпасов, вывез около 10 тысяч раненых и гражданского населения, более 10 тысяч тонн оборудования и продовольствия. Восемь раз приходил в Одессу теплоход «Ногин», семь раз — теплоход «Крым», шесть — теплоход «Жан Жорес», по четыре раза — пароходы «Большевик», «Восток» и другие суда, прибывшие теперь за теми, кто еще не вышел из боя, кто еще держал рубежи обороны.

Противник не мог не заметить такого большого скопления судов в порту. Они подверглись ожесточенной бомбардировке, в которой одновременно участвовало до 40 самолетов. Но корабельным и береговым зенитчикам, лет-

чикам-истребителям удалось отстоять транспорты. Пострадал один теплоход «Грузия», на котором от прямого попадания авиабомб вышло из строя рулевое управление и возник пожар. В связи с затоплением некоторых трюмов и повреждениями «Грузию» пришлось отбуксировать в Севастополь.

В 10 часов утра армейская, береговая и корабельная артиллерия обрушила всю мощь своего огня на вражеские позиции, авиация нанесла бомбовые удары по аэродромам и огневым позициям противника. Военный совет оборонительного района перешел на борт стоявшего в гавани крейсера «Червона Украина». Вскоре командующий ООР контр-адмирал Г. В. Жуков отдал последний боевой приказ, предусматривавший начало отвода войск с переднего края в 19 часов 15 октября. Г. В. Жуков, члены Военного совета И. И. Азаров и Ф. Н. Воронин, офицеры штаба и политотдела выехали в части переднего края для проверки готовности войск к отходу и эвакуации всей материальной части.

Когда стемнело, Приморская армия под прикрытием арьергардов и под грохот артиллерийской канонады оставила боевые позиции. Эти последние часы обороны так описал в своем дневнике командир ополченской 36-й подвижной батареи Дионисий Бойко: «Оставшись один на один с противником, наша батарея под охраной стрелков стала отходить... Отход планомерный: пока все отстреливаются, одно орудие откатывается на километр назад; затем оно отстреливается — другие отходят еще дальше... Вскоре явился посыльный: немедленно следовать в порт! Ставим пушки на марш... Быстро мчимся к городу.

Вот уже родные улицы Одессы. Их не узнать — вокруг развалины... Когда проезжали мимо университета, я не выдержал — остановился и зашел в вестибюль. Недоумевающий комендант долго препирался с нами, а я за несколько минут успел вспомнить все, что здесь было в лучшие студенческие годы. Снова едем, но путь преградила баррикада. Другие улицы, ведущие в порт, забиты машинами. Когда уже совсем стемнело, мы добрались до нашего транспорта... Все до боли в глазах всматриваемся с кормы в Одессу... Нужно собрать все свои силы — и драться, драться, чтобы отомстить врагу за все».

Командиру бронепоезда «За Родину» капитану М. Р. Чечельницкому было приказано с наступлением

темноты прикрыть огнем отход 2-й кавалерийской дивизии. В течение двух часов бронепоезд вел ураганный огонь по врагу с овидиопольской железнодорожной ветки. Расстреляв весь запас снарядов и захватив с собой 11 пулеметов, команда ушла в Одессу, а оставшиеся бойцы Дикий и Мышкин взорвали бронепоезд.

Бойцы тяжело переживали расставание с городом, с боевой техникой, верно послужившей им. «Когда получили распоряжение взорвать орудие — душа защемила, — рассказывает бывший артиллерист 1-го полка морской пехоты Иван Антонюк. — Со слезами на глазах сыпали хлопцы в ствол песок. Краснофлотец Ятлов, бледный, приспособил канат к рычагу бойка ударника и заложил снаряд. Смахивая слезы, мы целуем орудие. Прощай, друг, хорошо ты послужило, не раз выручало нас в бою!»

По темным улицам города молча шли воинские части. Бойцы несли на себе все, что могли: оружие и боеприпасы, пулеметные станки и ящики с медикаментами, минометы и бухты телефонного кабеля. Вслед за красноармейскими колоннами громыхали доверху нагруженные войсковым имуществом и трофейным оружием автомашины, тягачи тащили артиллерию, тракторы — прицепы с боеприпасами. Людской и машинный поток, словно река, не имеющая ни истока, ни устья, катился и катился в сторону порта. Мимо темных развалин, мимо безмолвных домов, на стенах которых уже расклеивалось обращение обкома партии и облисполкома «Ко всем гражданам города Одессы и Одесской области», объяснявшее причины оставления города и содержавшее призыв продолжать решительную борьбу с фашистскими захватчиками. «Пусть в каждом доме, — говорилось в обращении, — на каждом дворе и улице, на больших и малых дорогах врага подстерегает смерть... Создавайте невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследуйте и уничтожайте их на каждом шагу, саботируйте и срывайте все мероприятия захватчиков... К оружию, товарищи! К оружию и грозной мести врагу! Будем биться до тех пор, пока враг не будет окончательно уничтожен и стерт с лица земли!»

В темноте слышался только гул моторов, скрежет гусениц, глухое шарканье сапог по мостовой, лязг оружия да скудные и резкие команды. Ни лишнего слова, ни огонька папиросы. Бойцы не говорили Одессе «Прощай!»

Они говорили: «До свидания, Одесса! Мы вернемся, Одесса!» И в этих словах звучала глубокая, неколебимая вера в грядущую победу Советской Родины над заклятым врагом.

Войска организованно и быстро вместе с боевой техникой погрузились на суда и боевые корабли. По мере загрузки транспорты выходили на внешний рейд и отправлялись в путь. В это время специальные команды под общим руководством начальника инженерных войск Приморской армии полковника Г. П. Кедринского уничтожали или выводили из строя важные в военном отношении объекты.

В ту памятную для всех защитников и жителей Одессы ночь особо ответственную, тяжелую и сложную работу проделали одесские портовики: в условиях, когда большая часть подъемных механизмов была уже демонтирована и отправлена в кавказские порты, в течение нескольких часов они обеспечили организованную и быструю погрузку техники, лошадей, личного состава и ушли из порта последними.

К 3 часам ночи главные силы обороны — 35 тысяч человек с боевой техникой и оружием — без потерь отошли с переднего края и закончили посадку. К этому же времени начали прибывать в порт прикрывавшие отход главных сил арьергардные подразделения. В порту уже не было ни транспортов, ни боевых кораблей — силы прикрытия доставлялись на стоявшие на рейде крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина» барказами и сторожевыми катерами дивизиона, которым командовал старший лейтенант П. И. Державин.

«Дивизион получил приказание принять вместе с

П. И. Державин.
Снимок послевоенных лет

тральщиками арьергардные части и вступить в охранение транспортов на переходе в Севастополь,— рассказывает Герой Советского Союза капитан 1 ранга в отставке П. И. Державин.— Сторожевые катера сделали несколько рейсов к крейсерам, доставляя бойцов и командиров арьергардных частей. И только близко к рассвету, приняв на борт всех, кто был еще в порту, они ушли и вступили в охранение транспортов».

Береговые и зенитные батареи, прикрывавшие своим огнем отход арьергардных частей, были взорваны, а их личный состав ушел на шлюпках к ожидавшим на рейде шхунам.

До последней возможности защищали морские пехотинцы позиции у Сухого Лимана. Многие годы спустя после окончания войны во время пахоты колхозники нашли бутылку, в которой хранилась записка, поведавшая о последнем бое батальона 3-го морского полка у Сухого Лимана. Она была написана командиром батальона Смолиным и комиссаром Бросалиным. «...Несмотря на свирепый артиллерийский и минометный огонь противника,— говорилось в ней, — 3-й батальон морского полка по заданию командования с небольшим количеством людей сдерживал наступление многочисленных частей врага. По подсчетам командования, на каждого бойца нашего батальона убито 15 румынских захватчиков... Борьба продолжается. Героизм советского многонационального народа разобьет и уничтожит фашистских варваров. Победа будет за нами!» Как сложилась дальнейшая судьба этих моряков — неизвестно. Есть легенда, что они, отбив несколько вражеских атак, к вечеру 16 октября оставили позиции и двинулись в Одессу, но заблудились в густом тумане и вышли к пригородному селу Нерубайское. Старожилы села рассказывают, что 17 или 18 октября на нерубайском кладбище группа моряков (человек сорок) вела ожесточенный бой с фашистской стрелковой частью. Моряки уничтожили до двухсот фашистов и сами все погибли. Может быть, это и были моряки 3-го батальона из-под Сухого Лимана...

411-я береговая батарея, которая первой 5 августа открыла огонь по скоплению вражеских войск в Аккермане, теперь самой последней — до 4 часов утра 16 октября — вела обстрел противника. Израсходовав снаряды, батарейцы стали взрывать орудия. Для того чтобы фашисты не догадались об этом, моряки в тот момент, когда стре-

ляло одно орудие, взрывали другое. Потом взорвали силовую станцию, командный пункт, подземные казематы и ушли к морю, где недалеко от берега их ждали сейнеры.

С большим трудом в районе Аркадии произвела посадку на сейнер «Красин» со шлюпок 39-я батарея. Слабый мотор перегруженного судна не смог справиться с морской волной, пришлось поднять парус.

«На второй день перед закатом солнца налетела вражеская авиация,— вспоминает бывший командир дивизиона береговых батарей, ныне полковник в отставке, А. И. Денненбург.— Одна атака следовала за другой. Осколками авиабомб был выведен из строя мотор и поврежден парус. Шкипер дядя Федя, житель Одессы, метался по сейнеру и вместе с матросами затыкал паклей и тряпками пробойны в борту. Бушлат старика во многих местах был пробит осколками, но смерть миновала дядю Федю, он остался жив. Но не миновала она комендора Биденко — пуля «мессершмитта» прошла навылет через затылок. Вслед за ним замертво свалился сраженный пулей матрос Сахнев. В эти тяжелые часы большое мужество проявили лейтенант Задорожный, секретарь партийной организации старшина Литвинов, сержант Чмых, матрос Роменский, моторист Сагайдачный и наш военфельдшер — смелая, обаятельная девушка Зина. 19 октября вечером истерзанный, израненный «Красин» подошел к пристани Ак-Мечети. С борта были сняты убитые, тяжелораненые, вооружение. Прошло немного времени, и сейнер стал медленно погружаться в воду и затонул у пристани».

Большую роль в прикрытии эвакуации войск ООР сыграли партизаны. В ходе обороны города обком партии создал семь партизанских отрядов и групп и один диверсионный отряд, которые возглавлялись такими испытанными коммунистами, как А. Ф. Солдатенко, И. И. Поддубный, Г. М. Цыбульский. Не всех их удалось перебросить во вражеский тыл, но они, особенно диверсионный отряд Г. М. Цыбульского и партизанский отряд А. Ф. Солдатенко, приняли активное участие в борьбе с врагом. Они успешно справились с задачей прикрытия отхода соединений и частей в порт, а затем, имитируя присутствие советских войск на переднем крае, вели бой, пока не иссякли боеприпасы, и нанесли врагу большой урон.

В 5 часов 10 минут утра из Одесской гавани вышел последний транспорт, а через двадцать минут снялся с

якоря крейсер «Червона Украина» с членами Военного совета, руководящими партийными и советскими работниками и бойцами арьергардных подразделений. «Час три неприятель не давал о себе знать, — вспоминал бывший командир крейсера «Червона Украина» Н. Е. Басистый. — Но после полудня в небе в стороне берега показались многочисленные черные точки. Они быстро увеличивались. Наблюдатели доложили — «юнkersы». Вон когда спохватились гитлеровцы!..»

Все корабли встретили самолеты противника дружным и довольно точным огнем. «Червона Украина» и «Красный Кавказ» переместились ближе к голове колонны, чтобы залпами своих мощных зениток защитить транспорты.

Первую волну отбили. Но за ней следовала вторая — не менее пятидесяти бомбардировщиков. Корабли же продолжали идти вперед. Вскоре последовал доклад: «Наши истребители. Живем!» Над конвоем произошло 23 воздушных боя, в которых враг потерял 17 самолетов, еще 3 нашли себе могилу от зенитного огня кораблей.

Последним в 9 часов утра 16 октября вышел из порта сторожевой катер. Стало окончательно ясно, что удалось достигнуть полной скрытности эвакуации. Об оставлении советскими войсками Одессы противник догадался лишь в полдень.

Из всех судов и боевых кораблей, вышедших из Одессы, врагу удалось потопить лишь один транспорт, следовавший в конце конвоя порожняком как резервный. Команда транспорта была снята сторожевыми катерами. Остальные суда в 19 часов 17 октября прибыли в Севастополь. Полки и дивизии быстро выгружались с транспортов, а потом двигались к вокзалу, где их ждали эшелоны. Защитникам Одессы предстояло без отдыха, без передышки вступить в бой за Крым.

С 1 по 16 октября из Одессы в Крым было переброшено около 80 тысяч бойцов и командиров Приморской армии и военно-морской базы, 15 тысяч человек гражданского населения, около 500 орудий, почти 20 тысяч тонн боеприпасов, 24 танка и танкетки, 5 бронемашин, 1158 автомобилей и 500 автомобильных моторов, 163 трактора, свыше 3,5 тысячи лошадей, почти 25 тысяч тонн оборудования одесских заводов, порта и других грузов. Так многочисленной армии, оснащенной сложной боевой техникой, удалось скрытно от врага отойти от переднего края

на 20—25 километров, затем в течение нескольких часов погрузиться на корабли и без потерь перейти морем на другое направление. Эта операция осталась непревзойденной до конца второй мировой войны.

За период обороны транспорты и боевые корабли эвакуировали 350 тысяч человек гражданского населения, раненых и больных, 200 тысяч тонн грузов как из самого города, так и из ближайших областей УССР. Всего с июля до середины октября 1941 г. по коммуникации Одесса—Севастополь—Одесса прошло 911 судов общим тоннажем 4173 тысячи брт. Все это стало возможным в результате самоотверженного труда моряков пароходств и портовиков, героических действий экипажей кораблей Черноморского флота.

«Оборона Ленинграда, Одессы, Севастополя, Киева,—отмечал Л. И. Брежнев,—показала непоколебимую стойкость советских людей, их готовность, не щадя своей жизни, защищать каждую пядь родной земли. Эти героические эпопеи имели колоссальное значение для всего хода войны».

Славная оборона Одессы явилась одним из волнующих примеров беззаветной любви советских людей к социалистической Родине, их нестигаемой стойкости и коллективного героизма. Она вызвала восхищение всего советского народа. Внимательно следили за подвигом Одессы и трудящиеся зарубежных стран. Жители английского города Бристоль, сильно разрушенного гитлеровской авиацией, 13 сентября прислали приветствие, в котором говорилось: «Мы с вами в этой замечательной борьбе против общего врага, ибо мы знаем, что счастье, прогресс и прочный мир для всего человечества могут быть достигнуты только после уничтожения фашизма».

27 сентября защитники Одессы получили телеграмму гарнизона осажденной немецко-фашистскими войсками английской крепости Тобрук. «Из нашей африканской крепости,—говорилось в телеграмме,—мы с восхищением следим за вашей борьбой и желаем вам всяческой удачи и дальнейших успехов».

73-дневная оборона Одессы имела большое военно-политическое и стратегическое значение. Защитники города на длительное время сковали свыше 18 вражеских дивизий, оттянули на себя 300-тысячную армию противника и в тяжелых боях измотали и обескровили ее. Убитыми,

ранеными и пленными враг потерял под Одессой 160 тысяч солдат и офицеров, 167 самолетов, много танков, орудий и другого вооружения.

Героическая оборона Одессы сыграла важную роль в срыве стратегических планов и замыслов немецко-фашистского командования. Одесса была первым городом, который перед всем миром разрушил миф о молниеносности и неудержимости немецкого наступления. Считанные дни потребовались фашистам, чтобы сломить сопротивление целых государств, но 73 дня 300-тысячная армия истекала кровью на подступах к блокированной с суши Одессе!

Упорная оборона города облегчила условия отхода войск Южного фронта за Днепр и закрепление их на этом рубеже. Силы крупной фашистской группы армий «Юг» оказались разьединенными на две части, одна из которых была скована под Одессой, а затем в течение десяти месяцев, до августа 1942 г., восполняла потери и не принимала участия в боевых действиях. Длительное удержание Одессы способствовало успешным действиям кораблей и авиации Черноморского флота в северо-западном районе Черного моря.

Невозможно переоценить и моральное значение обороны города для бойцов и командиров, сражавшихся на других участках огромного советско-германского фронта. Защитники Одессы демонстрировали в боях стойкость, мужество, величие духа, умение громить врага в условиях его численного превосходства. Сообщения об этом в сводках Совинформбюро, в печати и по радио укрепляли у советских воинов бодрость и уверенность в своих силах.

Подвиг героических защитников Одессы стал одним из замечательных проявлений могучей силы морально-политического единства советского общества, монолитного единения партии и народа, животворного социалистического патриотизма, нерушимой дружбы народов СССР. Участники обороны города постоянно ощущали всенародную материальную и моральную поддержку страны, и это рождало в их рядах массовый героизм.

Оборона Одессы явилась образцом взаимодействия сухопутной армии, флота и авиации. Ее успеху способствовало умелое, гибкое руководство силами ООР со стороны командиров и штабов всех степеней, целеустремленная и непрерывная партийно-политическая работа среди личного состава, дружная и согласованная деятель-

Партизаны выходят
из катакомб на бое-
вую операцию. 1944 г.

Вход в катакомбу у
села Нерубайское, в
которой находился
штаб партизанского
отряда В. А. Молод-
цова (Бадаева)

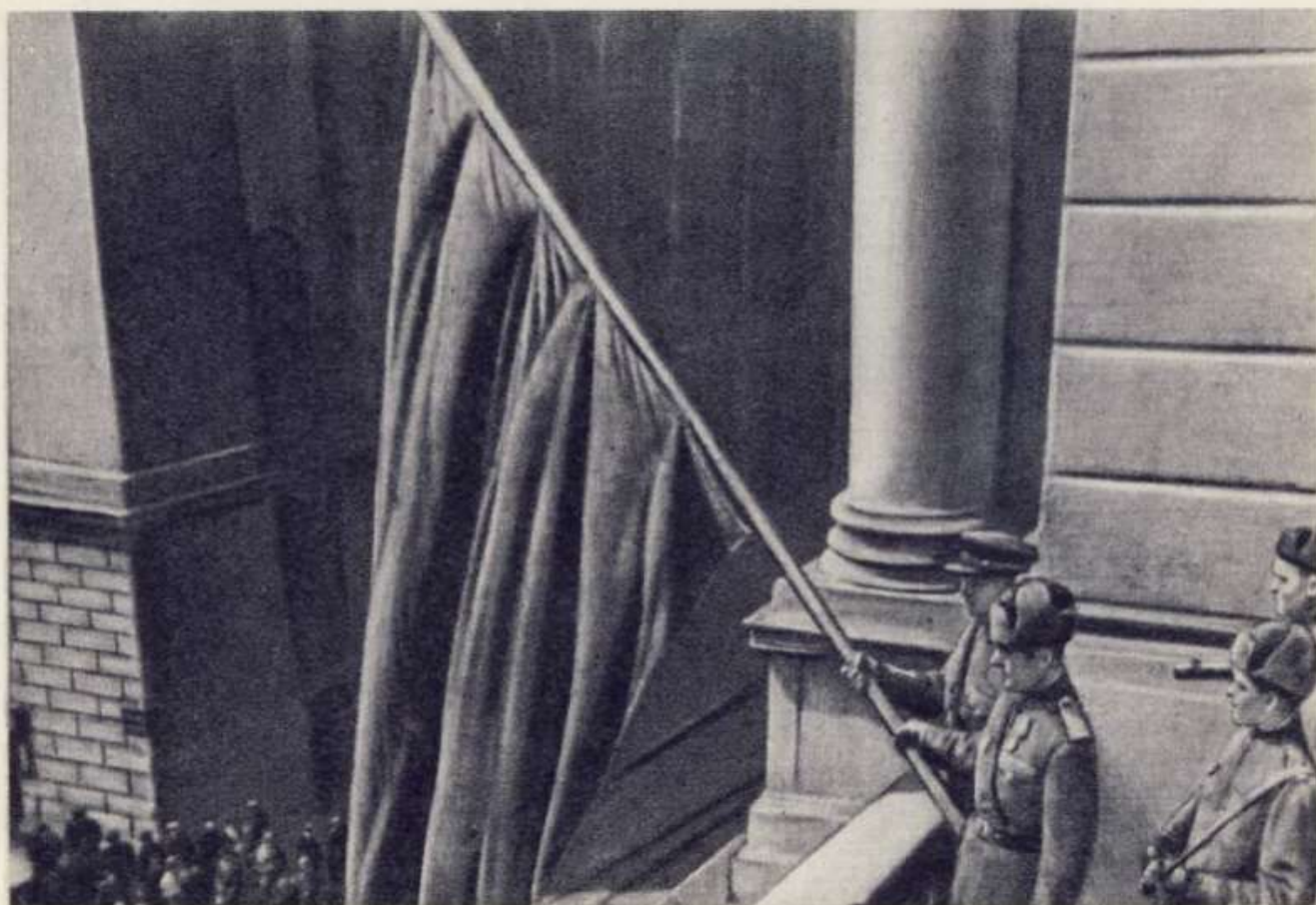

Командующий 8-й гвардейской армией генерал-полковник В. И. Чуйков ставит задачу перед соединениями по освобождению Одессы. Апрель 1944 г.

Советские войска преодолевают Хаджибейский лиман. Апрель 1944 г.

Вновь Красное знамя реет над Одессой. Апрель 1944 г.

Жители Одессы восторженно встречают своих освободителей.
Апрель 1944 г.

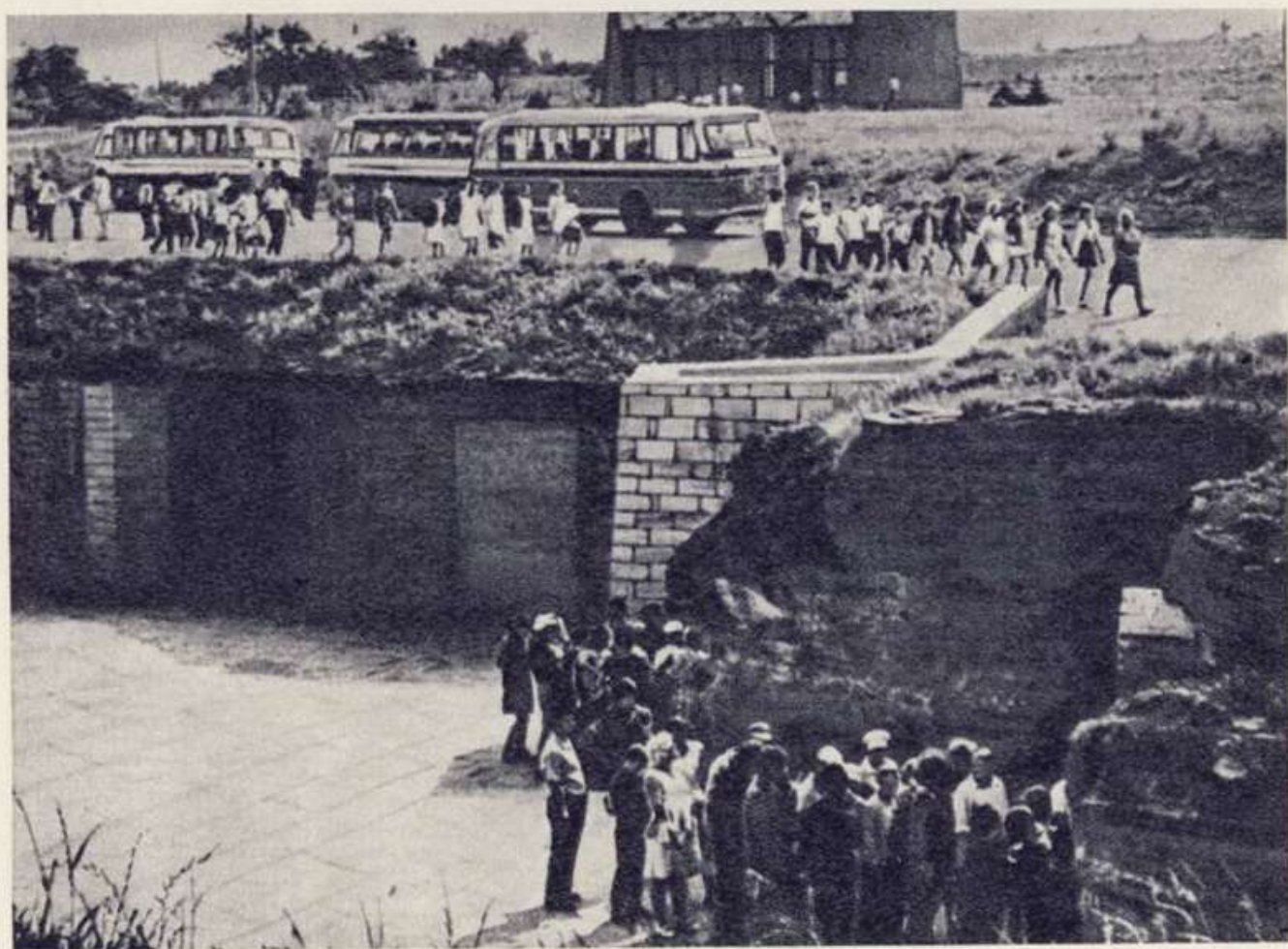
Обелиск, воздвигнутый
на Поясе Славы в честь
героических защитников
Одессы

Тридцать лет спустя. Встреча участников обороны, партизанского
движения и освобождения Одессы

Группа участников освобождения Одессы. На переднем плане Маршал Советского Союза В. И. Чуйков и маршал авиации В. А. Судец. Одесса. 1974 г.

Музей партизанской славы, созданный в катакомбах

Пионерский почетный караул у обелиска Неизвестному матросу

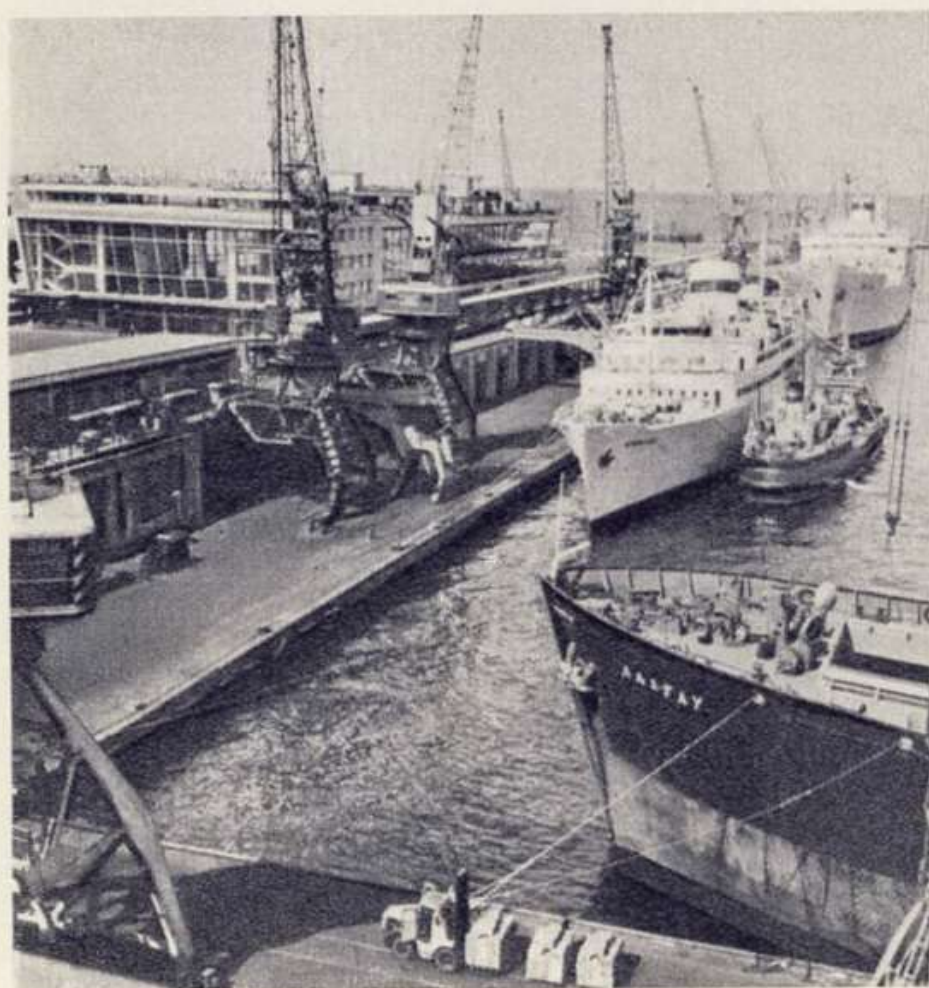
Почетные граждане города-героя Одессы Н. П. Гуревич и Б. П. Давиденко

Растет и благоустраивается город-герой Одесса

В сорок первом
здесь насмерть
стояла морская
пехота, в сорок
четвертом мча-
лись конники
И. А. Плиева,
сейчас на этом
месте выросли
многоэтажные
благоустроен-
ные дома про-
мышленного
поселка Котов-
ский

В Одесском
порту

ность командиров, политорганов, местных партийных и советских организаций. В бою и на производстве впереди, показывая личный пример, шли коммунисты. В битве за Одессу накопила боевой опыт и закалилась значительная часть командных и партийно-политических кадров армии и флота. Этот опыт они творчески использовали и обогатили в период обороны Севастополя, Кавказа, в битве на Волге, а затем в наступательных операциях по разгрому немецко-фашистских войск.

Подвиг защитников и трудящихся Одессы высоко оценен Коммунистической партией, Советским правительством, социалистическим Отечеством. В числе первых Одесса была удостоена звания города-героя. В самую тяжелую пору войны, когда ожесточились бои между Доном и Волгой, когда Красная Армия и Военно-Морской Флот на многих фронтах вели тяжелую борьбу с врагом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. была учреждена медаль «За оборону Одессы», которой награждены все участники обороны, а также многие трудовые коллективы, особо отличившиеся в дни стойкой защиты города. 14 советским воинам, оборонявшим Одессу, присвоено звание Героя Советского Союза, более 2 тысяч человек награждены боевыми орденами и медалями. За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные войсками и трудящимися Одессы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне городу-герою Одессе вручена высшая награда Советского государства — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Глава восьмая

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Фашисты не сразу решились вступить в Одессу, уже оставленную ее защитниками. Только вечером появились на пустынных улицах города первые группы вражеских разведчиков. Однако это не помешало фашистской пропаганде хвастливо заявить, что Одесса «взята с бою».

Действуя заодно с Гитлером, фашистская клика Антонеску грабила и истребляла население на оккупированной советской территории между Днестром и Бугом. Антонеску еще в августе 1941 г. объявил эту территорию «исконне румынской» и назвал ее «Транснистрией» (Заднестровьем), куда причислил и значительную часть Одесской области, ряд районов Винницкой и Николаевской областей УССР, а также некоторые районы Молдавской ССР. Центром «Транснистрии» вначале был объявлен Тирасполь, а затем — Одесса.

В первые же дни оккупации фашистское командование издало приказы, лишавшие местное население каких бы то ни было прав, устанавливавшие жесточайший колониальный режим. Запрещалось оставлять свое место жительства без особого пропуска, распоряжаться продуктами своего труда, выходить на улицу с наступлением темноты, подходить к железнодорожному полотну на расстояние ближе 100 метров, хранить оружие, разговаривать на военные и политические темы и т. д. С особой жестокостью каралось население за связь с партизанами и подпольщиками. Каждый такой приказ заканчивался фразой: «Виновные будут наказаны смертью». На улицах, площадях и скверах города появились многочисленные виселицы. Многие тысячи жителей Одессы и области пали от рук захватчиков или были заточены в фашистские

застенки. Административный аппарат управления пресловутой «Транснистрией» составили подонки уголовного мира — бандиты, рецидивисты, воры, темные дельцы и спекулянты, зацаявшиеся массовым грабежом, насилием и уничтожением советских людей.

В так называемой «Транснистрии», в том числе в Одессе, были закрыты все школы, запрещалось хранение грампластинок советских композиторов и книг, изданных при Советской власти, петь русские и украинские песни. Переименовывались улицы, города, населенные пункты. Фашисты натравливали украинцев против поляков, поляков против украинцев, тех и других — против русских.

Целая армия мародеров хлынула на оккупированную территорию за легкой добычей. Они вывозили из Одессы все, что можно было увезти. Громилы из специально учрежденной банды, именовавшейся «Организация-1», врывались в клиники, больницы, санатории, музеи и другие учреждения, в жилые дома и расхищали медикаменты, оборудование, инструменты, художественные ценности, предметы обихода, объявляя все это «военными трофеями».

Фашистские варвары установили в городе и области режим произвола и кровавого террора. В первый же день оккупации в Ильичевском районе Одессы были демонстративно повешены трое советских граждан, в том числе 63-летний Кузьма Лысенко за то, что в его доме скрывались командир Красной Армии Николай Ушаков и комсомолка Любовь Ковалева. На второй день оккупанты арестовали всех, кто был на улицах и в домах центральной части города, где они решили создать для себя так называемый «служебный квартал». Несколько тысяч женщин, детей и стариков погнали по Новоаркадийской дороге в сторону Аркадии. Во дворе одного из бывших санаториев этих людей раздели до нижнего белья, потом завели в каменоломни и там расстреляли. На третий день оккупации фашисты загнали 25 тысяч стариков, женщин и детей в старые пороховые склады, расположенные вблизи аэродрома по Люстдорфскому шоссе, и заживо сожгли их. 24 октября фашисты привели под конвоем в Алексеевский садик, что на углу улиц Степовой и Мельничной, более 250 мужчин разных возрастов и расстреляли из пулеметов. 25 октября оккупационные власти в связи со взрывом фашистской комендатуры на улице Маразлиев-

ской объявили в «Одесской газете», что «были расстреляны: за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына по 100 большевиков».

В различных населенных пунктах Одесщины были организованы концлагеря, в которых содержалось около 1 миллиона 600 тысяч советских людей. Здесь фашистские изверги сразу же расстреляли свыше 20 тысяч человек «для устрашения местного населения». В концлагере, созданном фашистами в усадьбе совхоза «Богдановка» Доманевского района (ныне Николаевская область), всего было расстреляно свыше 54 тысяч человек. Фашисты заставили заключенных соорудить земляную плотину, которая задерживала бы потоки крови, струившиеся по склонам оврага в реку Буг. В этом же лагере свыше 2 тысяч человек, в том числе много детей, были сожжены заживо. За 29 месяцев и 27 дней оккупации в городе и области были расстреляны, повешены, сожжены, заживо зарыты в землю, замучены в застенках и угнаны в рабство сотни тысяч граждан Одесщины.

Жестокый оккупационный режим, абсолютное политическое бесправие, бесчинства, концлагеря, виселицы и расстрелы должны были по замыслу оккупантов превратить советских людей в бессловесных, безропотных рабов. Но никакие зверства, никакие угрозы и расправы не сломили волю советских патриотов к сопротивлению. Как солдат, не сломленный невзгодами, Одесса продолжала борьбу с фашистскими захватчиками. С первых и до последних дней оккупации горела земля под ногами гитлеровцев, кипело от взрывов море, слова «партизан», «подпольщик», «патриот» вызывали у фашистских поработителей страх и звериную ярость.

Как и в дни героической обороны города, организатором и вдохновителем всенародной борьбы трудящихся Одесщины против оккупантов выступала Одесская областная партийная организация — один из боевых отрядов Коммунистической партии. По указанию ЦК ВКП(б) еще в августе 1941 г. был создан подпольный Одесский обком партии. Одним из его секретарей стал Сергей Семенович Сухарев, возглавлявший Ильичевский райком партии. При эвакуации города в Одессе были оставлены шесть подпольных райкомов — Ильичевский, Ленинский, Водно-транспортный, Ворошиловский, Одесский пригородный и

Овидиопольский. Каждый из них, как и подпольный обком, возглавлялся двумя секретарями, располагал группами связных, конспиративными квартирами, денежными средствами, оружием, боеприпасами и агитационной литературой. Были также созданы партизанские отряды и разведывательно - диверсионные группы, сеть подпольщиков из лучших коммунистов, а на крупных предприятиях — подпольные партийные группы.

Базой подполья и партизанских отрядов стали одесские катакомбы — огромный подземный лабиринт протяженностью более 800 километров, целый подземный город, состоящий из своеобразных проспектов, улиц, переулков, тупиков, ниш, площадей и залов. Тот, кто побывал там, может себе представить, как трудно приходилось одесским партизанам и подпольщикам. Даже кратковременное пребывание в катакомбах переносится тяжело.

Один из партизанских отрядов под командованием А. Ф. Солдатенко расположился в катакомбах Ильичевского района Одессы. Диверсионно-разведывательный отряд, возглавлявшийся чекистом капитаном Владимиром Александровичем Молодцовым (подпольная кличка Павел Бадаев), создал свою базу в катакомбах в районе пригородных сел Усатово, Нерубайское и Куяльник. В катакомбах поселка Кривая Балка разместились два партизанских отряда под командованием Е. И. Ворошилова и В. Ф. Душечкина. После участия в прикрытии эвакуации войск ООР они получили задачу из катакомб группами просочиться в Савранские леса и, создав там базу, начать действия против оккупантов. В катакомбах под улицей имени Фрунзе базировалась крупная диверсионно-разведывательная группа В. А. Калошина и В. А. Кузнецова.

Отряд А. П. Дворецкого и второй диверсионно-разве-

В. А. Молодцов

дывательный отряд В. А. Молодцова рассредоточились на конспиративных квартирах, чтобы в нужный момент собраться для выполнения боевых заданий в городе.

Исключительно сложными и трудными были условия борьбы одесского подполья. Уже на пятый день оккупации лишились своих руководителей Ленинский и Воднотранспортный райкомы, были арестованы также многие другие работники подполья. Однако обкому партии во главе с С. С. Сухаревым вскоре удалось укрепить руководство и наладить работу Воднотранспортного райкома. Начали действовать Одесский пригородный и Овидиопольский райкомы, расположившиеся в Усатовских катакомбах, Ильичевский и Ворошиловский райкомы Одессы.

Несмотря на обстановку жестокого террора и изощренной слежки оккупантов, обком партии осуществлял подбор кадров, руководил вооруженной борьбой подпольных организаций, групп и партизанских отрядов против захватчиков и развертывал антифашистскую пропаганду. К началу лета 1942 г. им был организован выпуск машинописного информационного бюллетеня «За Советскую Родину», а Воднотранспортный райком по его указанию наладил выпуск нелегальной газеты «Голос народа», печатавшейся на тектографе тиражом 70—100 экземпляров. В катакомбах печатались листовки, партизанская газета «За Родину!», размножались сводки Совинформбюро. Эти издания несли правду советским людям, разоблачали фашистскую пропаганду, рассказывали о зверствах фашистов, об успехах Красной Армии, знакомили читателей с решениями Коммунистической партии и Советского правительства, поднимали всех честных людей на борьбу с оккупантами.

Под руководством обкома и райкомов партии в городе и области ширилось подпольное и партизанское движение. К началу 1943 г. в Одессе уже действовало более сорока подпольных организаций и групп. Партизанские отряды нападали на фашистские патрули, подразделения и комендатуры, взрывали склады с боеприпасами; подпольщики устраивали диверсии на предприятиях, железнодорожном транспорте и в порту, добывали оружие и боеприпасы, укрывали советских бойцов и командиров, бежавших из фашистского плена, вели разведывательную работу, принимали на радиоприемниках и

распространяли сводки Совинформбюро и другие материалы, передававшиеся из Москвы. Особенно выделялись своей активной работой подпольные организации и группы, которые возглавлялись коммунистами А. О. Третьяком, В. А. Молотовым, М. Ф. Стугаревым, И. И. Орловым, беспартийными С. И. Дроздовым, И. М. Москвиным, комсомольцами Леонидом и Людмилой Бачинскими, Григорием Калитченко, Лидией Кацаповой и многими другими советскими патриотами. В подпольных группах для борьбы с оккупантами объединились коммунисты и беспартийные, люди разных национальностей, профессий и возрастов. Так, подпольными группами руководили бывший народный судья Мария Андреевна Лыткина и Мария Петровна Никитина, которая вовлекла в опасную и героическую работу двух своих сыновей Евгения и Леонора, пенсионер Василий Александрович Ченцов и бежавший из фашистского плена боец-танкист Иван Савельевич Соловьев, художник Илья Ильич Поплавский и преподаватель университета Василий Иванович Литовченко, член партии с 1917 года, участник одесского подполья в годы гражданской войны Борис Вячеславович Гумперт и юный комсомолец Анатолий Осадчий, учителя супруги Владимир Ильич и Анастасия Андреевна Трофимовские и электрик судоремонтного завода Виктор Зотов, бежавший из фашистского плена военный моряк главный старшина Павел Кудрин и врач Михаил Григорьевич Чернышев, немецкий политэмигрант Герман Карлович Норайкс и работница завода имени Дзержинского Тереза Францевна Латенко...

Первые удары по врагу в Одессе нанес диверсионно-разведывательный отряд В. А. Молодцова.

Владимир Александрович Молодцов прибыл в Одессу в июле 1941 г. с заданием создать разведывательно-диверсионную группу и в случае отступления советских войск возглавить ее деятельность в тылу врага. Областной и городской комитеты партии и Одесское управление НКВД выделили в распоряжение Молодцова группу опытных коммунистов. В отряд вошли участники гражданской войны, чекисты, местные горняки-катакомбисты, отлично знавшие многокилометровые и многоярусные подземные лабиринты, рабочие с заводов, фабрик и порта, колхозники и служащие, коммунисты, комсомольцы и беспартийные. Добровольцами пришли в отряд его парторг

бывший председатель колхоза Константин Николаевич Зелинский и его заместитель, тоже бывший председатель колхоза, Павел Арсентьевич Пустомельник; комендант подземного гарнизона, участник гражданской войны, работавший ранее десятником в Нерубайских катакомбах, член партии с 1920 г. Иван Никитич Клименко с семьей; механик парохода «Красный Профинтерн» Иван Иванович Иванов, назначенный главным минером катакомб, и его жена Галина Марцышек, ставшая отважной разведчицей. Связными командира отряда были одесская чекистка Тамара Межигурская и медицинская сестра с теплохода «Туапсе» Тамара Шестакова. В партийной организации отряда сначала насчитывалось девять коммунистов, а в комсомольской, возглавляемой воспитанником детского городка имени Коминтерна, радистом отряда Иваном Неизвестным, — восемь членов ВЛКСМ.

Подземный отряд боевой организации Бадаева, состоявший из двух групп, был обеспечен надежной радиосвязью с Москвой, оружием (60 винтовок, 7 пулеметов, 40 тыс. патронов, около 200 гранат, до тонны взрывчатки, несколько десятков пистолетов), запасами продовольствия на 5—6 месяцев и теплой одеждой. В катакомбах были оборудованы пекарня, баня, питьевые колодцы, шахта для штаба, общежитие, столовая, красный уголок.

Городской, или «верховой», отряд имел свои склады оружия и также располагал запасами боеприпасов, взрывчатки, продовольствия. Он включал три разведывательно-диверсионные группы по 6—10 человек каждая. Одна из них была создана на Одесском пивоваренном заводе во главе с Петром Продышко, а вторая — среди рыбаков в районе Большого Фонтана во главе с Григорием Шилиным. Третья, возглавлявшаяся 16-летним комсомольцем Яковом Гордиенко, состояла из городской молодежи. О Яше Гордиенко, его брате Алексее и соучениках Саше Чикове и Шурике Хорошенко Бадаев докладывал 12 сентября в Москву, в центр: «Для разведки и связи подобрал замечательных юношей». Время показало, что ни в одном из них он не ошибся.

Кроме того, в городе и некоторых важных районах Приднестровья у бадаевцев имелась небольшая, до полутора десятка человек, индивидуальная разведывательная сеть, с которой Бадаев поддерживал связь через Яшу Гордиенко, Тамару Межигурскую, Тамару Шестакову и Га-

лину Марцышек. Это были надежные, хорошо законспирированные люди. Уже в 1941 г. некоторым из них удалось внедриться в военную среду оккупантов, их учреждения, в полицию. В жестокой борьбе с врагом эти герои погибли, и сейчас по архивным документам можно установить лишь их подпольные клички. Так, комсомолец Фима, друг Яши Гордиенко, вошел в доверие к полицейскому комиссару и получил от него удостоверение и справки на имя «секретного информатора полиции Николая Бакова». Эти документы не раз выручали бадаевских связных, не раз

Я. Я. Гордиенко

«секретный информатор» снабжал подпольщиков и партизан нужными справками, визами на жительство и пропусками, наводил полицию на ложные следы. Когда создалась угроза провала, по приказанию Бадаева Фимка укрылся в катакомбах, где и умер, оставшись для партизан неизвестным «Фимкой-электротехником». В следственных документах румынской контрразведки упоминается бадаевская разведчица Елена, которая, как указывается в одном из документов, «проникла в среду румынских офицеров, собирала важные сведения».

Боевые действия против оккупантов бадаевцы начали уже 16 октября. Вечером, выйдя из катакомб и заняв позицию в овраге у входа в шахту, отряд открыл огонь по колонне войск противника, двигавшейся в Одессу через село Нерубайское. В коротком бою партизаны уничтожили до 45 солдат и офицеров и без потерь возвратились в свой лагерь. На другой день полетел под откос вражеский эшелон. До конца 1941 г. бадаевцы несколько раз вступали в боевые схватки с карателями, минировали дороги, уничтожали линии связи, пустили под откос четыре железнодорожных состава с войсками и боеприпасами.

В середине ноября Яша Гордиенко доставил сведения о предстоявшем прибытии в Одессу специального поезда с фашистскими чиновниками оккупационной администрации. По заданию В. А. Молодцова подрывная группа во главе с И. И. Ивановым вышла в район станции Дачная. В ночь на 18 ноября она в нескольких местах заминировала железнодорожное полотно. Через несколько часов после этого состав пошел под откос. Вместе с поездом было уничтожено более 250 чиновников и офицеров.

Бадаевцы собирали военную и политическую информацию о противнике, разведывали важные военные объекты и наводили на них советскую авиацию. Бадаевская радиостанция передавала в московский центр сведения о переброске тяжелой артиллерии, расположении вражеских береговых батарей на участке Одесса, Очаков, о крупных бензоскладах в городе Первомайск. Подпольщики добыли и передали в Москву фашистский план обороны Одессы на случай одновременной высадки советского десанта с моря и воздуха. Партизаны распространяли среди населения антифашистские листовки и сводки Совинформбюро, выявляли и уничтожали активных пособников и агентов вражеской контрразведки.

В начале 1942 г. оккупанты замуровали, заминировали и взяли под охрану все известные им входы в катакомбы, отравили воду в колодцах, близлежащие селения снесли пушечным огнем. Специальные команды, вызванные из Германии, пустили в катакомбы ядовитые газы. Партизанам удалось отвести газы в пустые прилиманские штольни, но они были лишены регулярной связи с городскими подпольщиками и населением. Лишь самому Бадаеву и отдельным связным удавалось преодолевать блокаду катакомб. Бадаев неоднократно выходил из-под земли, чтобы организовать разведывательную и диверсионную работу городского отряда. 8 февраля он снова пробрался в город, но в ночь на 10 февраля по доносу предателя на явочной квартире был арестован вместе с Тамарой Межигурской, Яшей и Алексеем Гордиенко и Сашей Чиковым. Через два дня в засаду, организованную жандармами на этой же квартире, попали связная отряда Тамара Шестакова и Шурик Хорошенко.

В течение февраля — марта 1942 г. вражеской контрразведке удалось арестовать почти всех участников городского диверсионно-разведывательного отряда. Но они

продолжали борьбу с врагом и в тюремных застенках. Палачи на допросах подвергали бадаевцев самым изуверским пыткам, но не смогли сломить их волю и стойкость. Закованный в кандалы и ежедневно избиваемый до потери сознания Бадаев отказался отвечать на вопросы следователя и ночью передал по тюремному «телеграфу» во все камеры приказ товарищам: «Держаться стойко!» Тамара Межигурская написала друзьям по подполью слова, полные презрения к смерти и готовности исполнить долг до конца: «Дорогие товарищи! Нас скоро расстреляют. Не огорчайтесь, мы ко всему готовы и на смерть пойдем с поднятой головой. Передайте моему сыну все, что вы знаете обо мне». Не желая отвечать на вопросы палачей, принял яд Николай Шевченко. Покончил с собой и партизанский разведчик и проводник шахтер Иван Афанасьевич Кужель, перерезавший вены осколком оконного стекла.

Не добившись никаких признаний от арестованных, румынский военно-полевой суд приговорил В. А. Молодцова (Бадаева) и его 13 верных товарищей, в том числе Т. У. Межигурскую, Т. Г. Шестакову, Я. Я. Гордиенко, Н. И. Милана, к смертной казни. Выслушав приговор военно-полевого суда и его предложение подать прошение о помиловании, Владимир Александрович Молодцов с гневом бросил в лицо палачам: «Мы — русские и на своей земле помилования у врагов не просим!» Судьям стало страшно от этих слов. Человеку дают какую-то надежду на жизнь, а он отказывается от нее. Для него лучше смерть, небытие, чем унижение и измена! Еще страшнее стало судьям перед несгибаемой духовной силой этих людей, когда все осужденные присоединились к словам своего командира. Даже ожидавшая ребенка Тамара Шестакова отказалась просить помилования.

В конце июля приговор был приведен в исполнение. Тамару Шестакову продержали в тюремном карцере до родов, а потом расстреляли.

Мужественно держался и юный партизан Яша Гордиенко. Сейчас о нем написано много очерков, повестей, героическая судьба юноши легла в основу спектакля и художественного фильма, его имя носят школы и дворцы пионеров, улицы и морские суда, о нем рассказывают музейные экспонаты. Тогда же это был обыкновенный одесский

мальчишка, комсорг класса Одесской военно-морской спецшколы. Несмотря на свои 16 лет, он пользовался у Бадаева особым и заслуженным доверием. Ему одному из всего городского отряда были известны тайные входы в катакомбы и только ему разрешалось в любое время по собственной инициативе приходить в подземный лагерь. Помимо секретного расписания движения поезда с администрацией «Транснистрии», взорванного в ночь на 18 ноября, он добыл сведения об огромном бензоскладе гитлеровцев под Первомайском. Бадаев передал эти сведения в Москву, и на третий день склад был уничтожен советской авиацией. Через некоторое время Яша сообщил Бадаеву о времени предполагавшейся переброски вражеской дивизии из Одессы в Николаев. Используя эти данные, группа советских самолетов атаковала колонну войск противника на Николаевском шоссе и уничтожила 129 автомашин и до двух батальонов пехоты.

Как связной командира Гордиенко днем обходил подпольные явки в городе, а ночью собранные донесения доставлял в катакомбы Бадаеву. Для этого надо было после комендантского часа, когда на затемненных улицах всех, кто не имел специальных пропусков от полиции, арестовывали или расстреливали на месте, пройти по городу, выйти в поле, где фашистские конные разъезды никаких пропусков даже не спрашивали, а открывали огонь из автоматов по каждой показавшейся им подозрительной тени, пробраться через секретный лаз в подземелье и пройти в абсолютной темноте по сильно запутанным ходам 3—4 километра до штаба отряда. Передав командиру донесения и получив от него задания для подпольных групп, в ту же ночь Яша возвращался в город. Для такой работы нужны были смелость, ловкость, отчаянная дерзость, преданность порученному делу. Эти качества воспитали в нем комсомол, семья (отец Яши — Яков Кондратьевич служил матросом на эскадренном броненосце «Синоп», который громом своих пушек помогал одесским пролетариям устанавливать Советскую власть в городе в 1918 г.). Большое влияние на становление характера юноши оказал коммунист Молодцов, которого Яша любил преданно и беззаветно, подражая ему во всем.

Палачи догадывались, что, кроме Бадаева и его связных, никто не знает ни секретных входов в катакомбы, ни адресов конспиративных квартир в городе. Вскоре они

поняли, что коммунисты Бадаев, Межигурская и Шестакова, несмотря ни на какие пытки, не выдадут им этой тайны.

Враги надеялись, что шестнадцатилетний связной не вынесет тех пыток, которые они ему приготовили, расскажет все, что от него потребуют. Но гитлеровцы жестоко просчитались. Яшу избивали колючей проволокой, подвешивали за ноги к потолку, сорвали с пальцев все ногти, пытали раскаленными железными прутьями и электрическим током. Пытки продолжались почти пять месяцев. Но он не выдал ни одного адреса, ни одного секретного входа в катакомбы. А когда 30 июля 1942 г. палачи вывели его, полуослепшего от пыток, полуоглохшего от побоев, во двор тюрьмы и объявили, что он сейчас будет расстрелян, он и тогда думал не о своем смертном часе, а о том, как показать фашистским извергам, что нет такой пытки, нет такой казни, которыми можно заставить покориться врагу советского юношу, и он запел песню, старую революционную песню «Смело, товарищи, в ногу!». Ее подхватили шестеро смертников, выведенных во двор вместе с Яшей, слышали в камерах тюрьмы, где томились тысячи советских патриотов. Заключенные бросились к окнам, увидели обреченных на казнь и гордо поющих людей, и вся тюрьма подхватила песню. Песня гремела, пока ее не оборвали автоматные очереди...

После ареста В. А. Молодцова и ликвидации городского отряда бадаевцы оказались в исключительно тяжелом положении. Оккупанты усилили блокаду, минировали и заваливали те немногие выходы, которыми пользовались связные. К концу мая продовольственные запасы в отряде иссякли, кончилась вода, не было света. С большим трудом бадаевцам удалось пробраться по темным, полузаваленным штольням на соединение с Одесским пригородным райкомом партии. Но у райкомовцев также кончились продовольствие и боевые запасы, они ничем не могли помочь партизанам. Дальнейшее существование и борьба в таких условиях были немыслимы. На совместном заседании подпольного райкома и командования отряда было решено: группами и поодиночке выходить из катакомб и перебазироваться в Савранские леса для продолжения борьбы с оккупантами.

Но до Савранских лесов удалось добраться только единицам. Из 73 участников двух диверсионно-разведыва-

тельных отрядов, действовавших под руководством Молодцова, 41 человек был схвачен и расстрелян, двое покончили с собой после невыносимых пыток, двое пали в бою, остальные подверглись страшным истязаниям в фашистских застенках.

Однако борьба советских патриотов не ослабевала. Одесские партизаны и подпольщики продолжали наносить оккупантам ощутимые удары, заставляли врага держать в своем тылу значительные войсковые силы. Так, с октября 1941 г. по май 1942 г. патриоты, действуя с баз, развернутых в катакомбах, отвлекали на себя до 16 тысяч вражеских войск, в том числе отборные части СС и жандармерии.

Оккупанты мобилизовали весь аппарат отделения гестапо, румынской жандармерии, военной контрразведки, всю агентуру, на вербованную из уголовников, предателей Родины, бывших белогвардейцев, на разгром партийного подполья. Весной и в начале лета 1943 г. фашистская контрразведка снова напала на след подпольного обкома и Воднотранспортного райкома партии. В застенках оккупантов оказались многие руководители подпольных групп, организаторы подполья, в том числе секретарь подпольного обкома С. С. Сухарев, секретарь Воднотранспортного райкома М. Г. Решетников. Следствие по делу «Обком», как его называли оккупанты, продолжалось более шести месяцев. Палачи использовали все способы пыток, которые им подсказала их человеконенавистническая фантазия. По делу «Обком» военно-полевой суд оккупантов приговорил в ноябре 1943 г. 87 подпольщиков к разным срокам каторги. С. С. Сухарев, тоже приговоренный к каторге, был убит фашистскими палачами, объявившими, что это произошло якобы при его попытке к бегству.

Несмотря на массовые расстрелы, аресты и пытки, огонь народной борьбы против оккупантов не только не гас, а разгорался еще ярче: взамен разгромленных организаций и групп возникали новые, на место расстрелянных и повешенных вставали другие борцы. Возвратился на свою подземную базу — в Усатовские катакомбы — Одесский пригородный райком, возглавлявшийся Семеном Федоровичем Лазаревым. Райком провел большую работу по мобилизации сил и создал два партизанских отряда: Усатовский во главе со вторым секретарем подпольного райкома Николаем Андреевичем Крылевским и

Куяльницкий во главе с Леонидом Филипповичем Горбелем. И снова, как и в 1941 г., загремели в районе Усатовских, Куяльницких и Нерубайских катакомб партизанские выстрелы.

В ночь на 7 ноября 1943 г. на самом высоком здании оккупированной Одессы, на шпиле Успенского собора, группа патриотов водрузила советский флаг, а на стенах больших зданий на улицах Успенской и Преображенской написала лозунги: «Да здравствует Октябрь!», «Смерть фашизму!» Только в 10 часов утра фашисты отважились снять флаг — опасались сделанных подпольщиками надписей «Заминировано».

Смело и активно действовали подпольщики Ильичевского района Одессы под руководством советского патриота инженера-строителя беспартийного Степана Ильича Дроздова и бежавшего из фашистского плена политработника Красной Армии Дмитрия Ивановича Овчаренко. Действуя на железной дороге, они выводили из строя паровозы, совершали аварии, на сутки и более задерживали движение поездов на участке Одесса — Колосовка; на джутовой фабрике и кожзаводе портили станки и оборудование, предназначенное для вывоза в Румынию; поджигали склады горючего и боеприпасов.

В октябре 1943 г. совещание представителей подпольных групп, созванное Одесским пригородным райкомом, приняло решение о создании партизанского отряда под командованием С. И. Дроздова. Военкомом был назначен Д. И. Овчаренко, а редактором газеты «За счастье Родины» — Владимир Иванович Мефтодовский. Отряд вел активные действия против оккупантов.

Всего же к началу 1944 г. в Одессе и области действовало 46 партизанских формирований, насчитывавших до 3 тысяч человек.

Значительную силу представляла подпольная организация имени Я. М. Свердлова под руководством попавшего в окружение и пробравшегося в Одессу полковника Федора Павловича Щербакова. Ее члены на заводах имени Январского восстания, «Кинап» и судоремонтном № 1 выводили из строя или прятали станки и механизмы, тормозили ремонт вражеских торпедных катеров. Осенью 1943 г. члены организации ушли в катакомбы и оттуда наносили удары по оккупантам.

В мае 1943 г. подпольные группы заводов имени Дзер-

жинского и «Красная гвардия», завода газированных вод, поселка Кривая Балка и группа Александра Терзимана, действовавшая в Слободке, объединились в подпольную организацию Ленинского района Одессы. Ее возглавил бывший секретарь Новоархангельского райкома партии Кировоградской области Кирилл Андреевич Тимофеев, оставленный в тылу врага для организации подполья в своем районе, но вынужденный из-за преследования перебраться в Одессу. Боевые группы этой организации нападали на транспорты, увозившие советских людей в фашистское рабство, организовывали побеги военнопленных из лагеря.

В сентябре 1943 г. на одном из крупнейших предприятий Одессы — судоремонтном заводе № 1 к диверсионной работе приступила группа, созданная советским разведчиком Николаем Артуровичем Гефтом, немцем по национальности. Гефт был так законспирирован, что сами члены диверсионной группы не догадывались, что высокий, худощавый, в гитлеровской форме главный инженер завода и есть их руководитель. Некоторые из них даже собирались уничтожить Гефта как предателя и фашистского пособника. Подпольщики осуществили ряд диверсионных актов, в результате которых отремонтированные на заводе фашистские суда и боевые корабли взрывались и тонули в море.

Однажды мастер Иван Александрович Рябошапченко поручил молодому рабочему Василию Тихонину подбросить в бункер фашистского корабля мину, замаскированную под обычный кусок угля. Тщательно готовился к этой операции Василий Тихонин. Не так-то просто было попасть в котельное отделение корабля. И все же молодому патриоту удалось обмануть бдительность гитлеровцев и забросить мину в бункер подальше, чтобы она попала в точку уже в море. Вскоре на заводе стало известно, что корабль после взрыва котлов затонул. Конечно, подпольщикам и в голову не приходило, что мина, заброшенная в бункер, была изготовлена известным в Одессе профессором Эдуардом Ксаверьевичем Лопатто — первым доктором технических наук в Одессе, деканом химико-технологического факультета Одесского индустриального (политехнического) института. Когда советские войска оставляли Одессу, по заданию советской разведки профессор остался в городе. Беспартийный, сын генерала цар-

ской армии, он сумел войти в доверие к оккупационным властям, открыл частную лабораторию, в которой тайно изготавливал мины. Этими минами подпольщики судоремонтного завода взорвали вражеский корабль, самоходную баржу, повредили транспорт, буксирное судно, речной пароход и другие суда.

Когда нависла угроза демонтажа и вывоза оккупантами суперфосфатного завода, на котором когда-то Лопатто работал главным инженером, ему удалось доказать оккупационным властям, что демонтировать завод все равно что уничтожить его, на новом месте восстановить подобное предприятие, дескать, невозможно, лучше перевести завод на производство медного купороса. Удалось не только спасти завод, но и переработать на купорос более 150 тонн меди, в которой германская военная промышленность испытывала острую нужду.

Эдуард Ксаверьевич сумел устроить своего сына Александра чертежником в промышленную дирекцию губернского торгства, где тот вычертил карту-схему «Транснистрии» с расположенными на ней промышленными объектами. Карта очень понравилась оккупантам. Но еще более понравилась копия этой карты советской разведке, которой доставил ее Лопатто.

По заданию одного из руководителей подполья Валериана Эриховича Бурзи Лопатто составил список действующих предприятий Одессы, в которых указывались не только вид и объем их продукции, но и имена и клички предателей, работавших на этих предприятиях. С помощью Э. К. Лопатто советские органы обезвредили потом немало матерых вражеских агентов.

В начале марта 1944 г. в Одессу вошли отступающие немецко-фашистские части. Понимая, что в Одессе им долго не продержаться, гитлеровцы стали готовить операцию «Пламя», которая предусматривала полное уничтожение города. Словно бешеные собаки, рыскали фашисты по Одессе в поисках подпольщиков и партизан, снова начались массовые расстрелы женщин, стариков и детей. В этих условиях главной задачей подполья и партизанских отрядов стало спасение города, уничтожение гитлеровцев, оказание помощи советским войскам в освобождении Одессы.

Видную роль в развитии партизанского движения в Одессе и ее пригородах сыграла организаторская пара-

В. Д. Авдеев (Черноморский)

шютно-десантная группа во главе с отважным чекистом, участником партизанской борьбы в Ростове и Донецке, Василием Дмитриевичем Авдеевым (Черноморским) и комиссаром Яковом Михайловичем Левченко. В нее входили донецкие шахтеры Д. С. Гавшин (Днепров), Е. П. Баркалов, В. Г. Рыбин, Н. Г. Шляхов, Л. И. Сафоненко и В. И. Дешко. Радиосткой группы была комсомолка из города Калининска Саратовской области Анна Лубян, а связной командира — партизанка из Ростова Вера Сыренко (Д. А. Мамедова).

Группа прошла хорошую предварительную подготовку при штабе партизанского движения 4-го Украинского фронта и утром 16 января 1944 г. десантировалась с самолета возле села Осиповка Одесской области. Оценив обстановку, Авдеев послал в Березовский район Владимира Дешко, а Луку Сафоненко — в Раздельнянский и Гросуловский (ныне Великомихайловский) районы с заданием установить связь с советскими патриотами и нацелить их на усиление борьбы против оккупантов и на содействие наступающим частям Советской Армии. Получивший ранение при десантировании комиссар группы Левченко и радистка Лубян оставались на некоторое время у колхозников Осиповки, а основное ядро группы направилось в Одессу с задачей связаться с подпольем города, объединить усилия его организаций и групп и создать новые партизанские отряды. Несмотря на то что группа не имела ни явок, ни паролей, парашютисты благодаря большому опыту сумели в течение одного месяца установить связь почти со всеми одесскими подпольными организациями и группами. Основной базой развертывания партизанского движения в Одессе стала Ильичевская подпольная организация, которой руководили С. И. Дроздов и Д. И. Овчаренко. Несколько поз-

же Авдеев установил контакт и с подпольной организацией Ленинского района, руководимой К. А. Тимофеевым. Город по предложению Авдеева был разбит на шесть районов, в каждом из которых решено было создать партизанский отряд, подчиненный единому руководству парашютистов. Это партизанское соединение должно было, базируясь на катакомбы, при подходе советских войск вступить в бой с вражескими частями и овладеть городом. Признанным руководителем подпольщиков и партизан стал В. Д. Авдеев.

Под руководством Авдеева подпольщики усилили политико-массовую работу среди населения, мобилизацию советских патриотов на расширение борьбы против оккупантов.

Большое внимание Авдеев и все подпольщики уделяли работе среди военнослужащих 1-й словацкой дивизии, находившейся в Одессе. Фашистское правительство предателя Тисо послало словацких солдат на братоубийственную войну против Советского Союза вопреки их желанию. На передовой они, как только предоставлялась возможность, переходили на сторону советских войск. Поэтому остатки этой дивизии были сняты с фронта и использовались немецко-фашистским командованием для несения гарнизонной службы в тыловых районах. Подпольщики Одессы установили контакт с наиболее активными из словацких военнослужащих и стали вести через них работу в подразделениях дивизии. В октябре 1943 г. подпольщики джутовой фабрики вовлекли в свои ряды солдата охраны военного склада словака Павла Гайдучко, который принял партизанскую клятву. Павел Гайдучко активно вел среди словаков агитацию, призывая их переходить на сторону партизан.

С подпольщиками Ильичевского района установили связь словаки-антифашисты сержант Михаил Кончитый, подпоручник Карол Погач, рядовые Иозеф Киш, Ян Павлик и другие. Несколько позже с Яном Крошляком и другими словацкими антифашистами связались подпольщики Ленинского района. Авдеев лично встречался с Павлом Гайдучко, Михаилом Кончитым, Каролом Погачем, Иозефом Кишем и другими антифашистами. Он снабдил их текстом Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой республикой, подписанного 12 декабря 1943 г., информировал

М. Кончитый. Рис. неизвестного художника

о положении на фронтах, о боевых делах чехословацкого корпуса Людвика Свободы, сражавшегося вместе с Красной Армией против гитлеровских полчищ. Словацкие подпольщики усиливали антифашистскую агитацию в своих частях, оказывали партизанам помощь продовольствием, автомашинами, передали им радиостанцию. Их сотрудничество с одесским подпольем было настолько явным, что фашистский комендант города отдал приказ об отправке словацкой дивизии в Тирасполь. После переговоров с партизанским руководством словацкие антифашисты ушли в ка-

такомбы в районе Кривой Балки (88 словаков) и в центральные катакомбы (68). Фашисты объявили их вне закона.

Создание партизанского соединения успешно продвигалось вперед: партизанские штабы районов формировали боевые группы, добывали оружие и боеприпасы; для оперативного руководства штабами районов и подпольными организациями Авдеев закрепил за ними своих помощников — Д. С. Гавшина и Е. П. Баркалова. Он систематически встречался с командирами отрядов, торопил их с подготовкой катакомб и перебазированием туда всех партизан и подпольщиков. Собирался перейти в катакомбы и сам он. Однако завершить начатое дело Авдееву не удалось. Утром 2 марта он был арестован. При задержании командир парашютистов пытался отбиться, но не удалось. Он оказался окруженным, а в пистолете остался последний патрон. Не желая попасть в руки врага живым, Авдеев последнюю пулю пустил себе в висок. Она выбила глаз, но рана оказалась несмертельной. Однако через три дня Авдеев, придя в сознание, покончил с собой, с размаха ударившись раненым виском о железную спинку кровати.

Гибель командира и последовавшие затем массовые аресты подпольщиков помешали до конца осуществить замысел Авдеева создать в Одессе партизанское соединение, но его соратникам все же удалось подготовить одесское подполье к вооруженной борьбе с оккупантами в период освобождения города. Начальник штаба организаторской парашютно-десантной группы Гавшин возглавил партизанский отряд Ленинского района и передислоцировал его в катакомбы, а парашютист Баркалов перевел туда партизанский отряд Ильичевского района. Затем Баркалов отправился в катакомбы Ленинского поселка и создал там еще один партизанский отряд, в который вошли колхозники Ленинского поселка, рабочие совхоза «Авангард», завода имени Январского восстания, а также 12 словацких солдат во главе с Йозефом Кишем. В Усатовских и Куяльницких катакомбах базировались два партизанских отряда, созданных Одесским пригородным райкомом партии.

За время оккупации Одессы и области в активных боях и путем диверсий партизаны и подпольщики уничтожили более 5 тысяч фашистских солдат и офицеров, 189 предателей Родины; организовали 27 крушений воинских эшелонов с живой силой и техникой, взорвали 16 железнодорожных и шоссейных мостов; разрушили 82 километра телефонного кабеля; подбили и сожгли 2 танка, 248 машин, 13 артиллерийских орудий; захватили более тысячи винтовок, много пулеметов и другой военной техники и боеприпасов; спасли от угона в фашистское рабство до 20 тысяч советских граждан.

Глава девятая

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Два с половиной года длилась оккупация Одессы. 907 дней и ночей терзали ее фашистские захватчики. И не было ни одного дня, ни одной ночи, чтобы верные сыновья и дочери Родины не боролись против ненавистного врага. Многие из них погибли под пытками, пулями и на виселицах, но оккупанты не смогли сломить их стойкость, их веру в правое дело своего народа. Сердца патриотов пылали негасимой любовью к Советской Родине, безгранична и беззаветна была их преданность делу и знамени родной партии.

Весна сорок четвертого выдалась затяжной, холодной и слякотной. Но это была знаменательная, радостная весна. Ничто уже не могло остановить победную поступь советских армий, подобно солнцу несших с востока свет победы и разгонявших мрак фашистской ночи. После сокрушительного разгрома гитлеровских полчищ в боях под Сталинградом, а затем на Курской дуге, под неудержимым натиском советских войск фашистские орды продолжали отступать, оставляя один город за другим. Они еще бешено огрызались, бросаясь в контрнаступления, как бросается на своего преследователя обреченный на гибель зверь, они еще цеплялись за водные рубежи, но огромная и неистощимая мощь сокрушала и отбрасывала их все дальше на запад.

11 марта 1944 г. в ходе наступления от Ингульда к Южному Бугу Ставка Верховного Главнокомандования приказала 3-му Украинскому фронту, продолжавшему наступательные действия против группы армий «А», усилить темпы преследования противника, овладеть переправами на Южном Буге на участке Константиновка, Воз-

несенск, Новая Одесса, с ходу форсировать реку и захватить плацдармы на ее противоположном берегу, а в дальнейшем освободить Тирасполь, Одессу и продолжать наступление с целью выхода на Прут и Дунай — на государственную границу Советского Союза.

В выполнении этой задачи фронт испытывал большие трудности. Темпы наступления сдерживала распутица, не хватало войск и боевой техники, особенно танков. Поэтому не удалось воспрепятствовать отходу противника на правый берег Южного Буга и с ходу прорвать здесь его оборону. Главные силы фронта вышли к реке лишь 22 марта. Чтобы выполнить задачу, поставленную Ставкой 11 марта, пришлось подготовить новую, Одесскую наступательную операцию.

Немецко-фашистское командование придавало большое значение обороне Одессы. Потеря ее создавала угрозу морским коммуникациям гитлеровцев между портами Румынии и Крымом. Оставление Одессы и Крыма ставило под удар позиции фашистов в Юго-Восточной Европе, прежде всего в Румынии, и оказывало пагубное влияние на их отношения с Турцией. Гитлеровская ставка спешно перебрасывала войска с запада, крупные населенные пункты объявлялись «крепостями», которые должны были обороняться до последнего солдата, заменялись не оправдавшие надежд фашистской верхушки командующие и командиры.

Войскам 3-го Украинского фронта противостояли 6-я немецкая армия (была создана под этим номером вместо уничтоженной под Сталинградом армии Паулюса) и 3-я румынская армия, насчитывавшие 34 дивизии.

На северных и северо-западных ближних подступах к Одессе враг создал сильные оборонительные укрепления. Поэтому лобовой удар здесь привел бы к длительным боям. Обстановка требовала обходного маневра, который заставил бы врага оставить эти позиции. Однако эта задача осложнялась небывалой распутицей на дорогах, недостаточностью транспортных средств и необходимостью пополнения армий фронта личным составом.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский и командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский 19 марта доложили в Ставку разработанный ими план дальнейшего осуществления поставленной фрон-

Р. Я. Малиновский

ту задачи. А несколько ранее рота разведчиков старшего лейтенанта М. Загесова положила начало форсированию Южного Буга в районе Новой Одессы. Она скрытно переправилась через реку, зацепилась за берег у села Ткачевка. Следом начали форсирование другие передовые отряды фронта.

Большие недели длились упорные бои за Ткачевку. В ночь на 22 марта с моря подул сильный ветер, в лиман хлынула морская вода, на Буге началось половодье. Понтонные средства были снесены разъяренной рекой. Гвардейцы сражались до по-

следнего патрона. Артиллерия из-за отсутствия подвоза снарядов не смогла оказать пехоте серьезной поддержки. Вода в реке столь стремительно поднималась, что создавалась угроза затопления плацдармов на правом берегу. Командующему фронтом пришлось отдать приказ частям, с боем овладевшим плацдармами, вернуться на левый берег. Намечавшееся форсирование реки другими частями было отложено.

«В ночь на 20 марта, — вспоминал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — Верховный Главнокомандующий по телефону сообщил мне, что представленные нами соображения Ставкой утверждены и что танки и тягачи будут понемногу поступать. Но выделить пополнение личного состава, сказал он, сейчас нет возможности. Между тем непрерывные дожди вновь окончательно вывели из строя и без того неважные грунтовые дороги. Опять подвоз всего необходимого войскам стал возможен лишь при помощи тракторов и вездеходов. В связи с этим фронт вынужден был начать наступление только 26 марта».

К осуществлению Одесской операции помимо войск фронта привлекалась часть сил Черноморского флота, получившая задачу активизировать действия на вражеских

морских сообщениях в северо-западной части Черного моря, принять участие в освобождении приморских городов и портов. Действия ударной группировки фронта поддерживали основные силы 17-й воздушной армии под командованием генерала В. А. Судец.

Замысел командования 3-го Украинского фронта предусматривал нанесение главного удара силами 46-й армии (командующий генерал В. В. Глаголев), 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова, конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева и 23-го танкового корпуса в обход Одессы с северо-запада в общем направлении на Раздельную. Правофланговые армии — 57-я (командующий генерал Н. А. Гаген) и 37-я (командующий генерал М. Н. Шарохин) — получили задачу наступать на Тирасполь, а левофланговые — 6-я (командующий генерал И. Т. Шлемин), 5-я ударная (командующий генерал В. Д. Цветаев) и 28-я (командующий генерал А. А. Гречкин) — вдоль Черноморского побережья на Николаев и Одессу.

26 марта 3-й Украинский фронт возобновил наступление во всей своей полосе. Силы его правого крыла и центра начали форсирование Южного Буга. При этом был использован успех 5-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, в полосе которой севернее Первомайска переправлялась через реку 7-я гвардейская армия того же фронта, которая развернула наступление на юг с целью содействия правому крылу соседнего фронта. Это облегчило переправу на правый берег Южного Буга главных сил 57-й и 37-й армий. Форсировав реку, они 28 марта прорвали оборону на 45-километровом фронте и продвинулись вперед на 25 километров.

Тем временем соединения 6-й, 5-й ударной и 28-й армий, преодолевая упорное сопротивление противника, вышли на подступы к Николаеву и в результате упорных боев 28 марта освободили город, а затем форсировали Южный Буг.

Когда наметился успех в полосе 57-й и 37-й армий, командование фронта решило сосредоточить здесь основные усилия своих войск. В прорыв были введены конно-механизированная группа и 23-й танковый корпус, которые устремились в направлении Тирасполь, Раздельная.

31 марта войска фронта во взаимодействии с десантной группой Черноморского флота форсировали Днепро-

И. А. Плиев

Бугский лиман и овладели важным опорным пунктом обороны вражеских войск — городом Очаков.

Части танкового корпуса и конно-механизированной группы продолжали стремительно продвигаться вперед, казаки и танкисты решительной ночной атакой овладели Березовкой и затем, совершив обходный маневр, на пятые сутки вышли к Раздельной.

Пять суток не спали люди: днем и ночью продолжались трудные переходы и бои в распутицу, под бомбами вражеской авиации, в непогоду. Иногда казаки спешивались и вели в поводу уставших коней. Танки, самоходки, автомашины двигались через такие болота, где, казалось,

невозможно было пройти даже пешему. Их тянули, толкали, подкладывали под колеса и гусеницы бревна, доски, хворост — все, что можно, вплоть до телогреек и шинелей. Командующий 6-й немецкой армией бросил против группы Плиева свежую 157-ю кавалерийскую дивизию. А в ту ночь бушевала такая выюга и стояла такая темень, что колонна этой дивизии (несколько подразделений всадников и около шестидесяти автомашин с пехотой и артиллерией), сама того не ведая, оказалась в боевых порядках конно-механизированной группы и была полностью уничтожена.

Невыносимо устали казаки и танкисты. Но впереди была Раздельная — крупный железнодорожный узел на основном пути отхода в Румынию одесской группировки противника.

«Гитлеровскому командованию и в голову не приходит, что по такой непролазной грязи, в густой, что сажа, темени можно решиться на атаку, — вспоминает генерал

армии Исса Александрович Плиев. — А я знаю, если пойдем в атаку сейчас, ночью, — возьмем станцию почти без потерь. Дождаться утра — значит дать врагу изгот-виться к обороне... А к утру враг... наверняка подтянет резервы. Наконец, с рассветом появится вражеская авиа-ция...»

И казачьи дивизии, танки, самоходки, сметая все на своем пути, ринулись на Раздельную. К полудню 4 апре-ля она была полностью освобождена от фашистов, и тем самым оказалась перерезанной последняя железная доро-га, связывавшая отступавшие вдоль побережья соедине-ния противника с остальными силами 6-й немецкой ар-мии. Но у казаков и танкистов генерала Плиева не было времени для отдыха. Командующий фронтом генерал Р. Я. Малиновский, чтобы отрезать пути отступления про-тивника за Днестр, принял решение повернуть группы на юго-восток. Оставив в Раздельной для удержания ее до подхода 37-й армии отдельную мотострелковую бригаду, соединения и части генерала Плиева разгромили враже-ские войска у станции Кучурган, захватили этот важ-ный опорный пункт противника на шоссе Одесса — Ти-располь и круто повернули на юг. 6 апреля соединения противника, отброшенные к югу от Раздельной, предпри-няли отчаянную контратаку с целью пробиться к Тирас-полю. В жестоком бою, продолжавшемся двое суток, вой-ска 37-й армии нанесли гитлеровцам значительный урон. Но некоторые их части сумели отойти на Тирасполь.

Командующий группой армий «А» стремился во что бы то ни стало сковать и уничтожить советские подвиж-ные соединения и спасти от разгрома свою 6-ю армию, дав ей возможность отойти за Днестр. Он выставлял мощные заслоны на предполагаемом пути движения конно-меха-низированной группы, бросал против нее крупные силы штурмовой и бомбардировочной авиации. Но части Плие-ва, используя ночи и выюги, маневрируя и перегруппиро-вываясь, продолжали громить вражеские тылы, стреми-тельно неслись к Одессе. К утру 6 апреля танкисты с бо-ем ворвались в Мангейм, а казаки — в Кагарлык — в те населенные пункты, где летом сорок первого начиналась героическая одесская оборона. А впереди были еще пе-реправы через Днестр у Каролино-Бугаза и Маяков, по которым надеялись уйти от окружения гитлеровцы. Вме-реди была Беляевка, питавшая Одессу водой. Чтобы ос-

вободить ее внезапно, не дать фашистам взорвать водонасосную станцию, И. А. Плиев сформировал специальную группу разведчиков из самых отчаянных казаков и придал ей роту танков.

Разведчики, используя сумерки и сильный северный ветер с дождем и снегом, скрытно подошли к трехметровому, уходящему в Днестр забору, поверх которого была натянута колючая проволока. Разведчики по грудь в ледяной воде обошли его со стороны реки, на подручных средствах бесшумно перебрались через изгородь. Старший сержант Степан Ларин и рядовой Иван Войченко без единого шороха сняли двух часовых. Третий обнаружил разведчиков и открыл стрельбу. Поднялась тревога, раздались выстрелы, между разведчиками и гитлеровцами завязалась рукопашная схватка. В это время танки, протаранив забор, ворвались на территорию водонасосной станции. Вражеская охрана была уничтожена. Разведчики и танкисты заняли круговую оборону. Вскоре весь беляевский гарнизон гитлеровцев бросился к станции. Завязался жестокий бой. Но с севера и с востока уже ворвались на улицы Беляевки части плиевской группы. Когда бой утих, саперы разминировали станцию, извлекли несколько тонн взрывчатки.

Овладев 8 апреля Беляевкой и переправами через Днестр, части подвижной группы вышли к Одессе с запада. Так же внезапно были захвачены и последние переправы через Днестр. Гитлеровцы оказались запертыми между морем и широким Днестровским лиманом. Многие немецкие солдаты и офицеры, видя безвыходность своего положения, прекращали сопротивление и складывали оружие, причем были случаи организованной сдачи в плен целых подразделений.

Войска правого крыла фронта своими активными действиями прикрывали с севера и северо-запада охватывающий маневр войск центра и левого крыла на Одессу.

На западном берегу Тилигульского лимана, на северных и северо-западных окраинах города оккупанты построили сильные оборонительные сооружения: отрыли окопы полного профиля с разветвленными ходами сообщения, оборудовали доты. Их оборонительным действиям способствовали многочисленные лиманы, заливы и балки. Когда войска 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова подошли к Тилигулу, эта мелководная степная ре-

чушка на этот раз разлилась необычайно широко, неистово бурлила, в отдельных местах бешено кружилась водоворотом. Поднялся туман, вернее, белая муть — промозглая и слякотная, сковывающая движения людей. Но именно она помогла незаметно переправиться через Тилигул сперва разведчикам, потом передовым отрядам, а когда враг спохватился, вся армия уже была на другом берегу. Форсировав Тилигул и взломав оборону противника, гвардейцы начали маневр в двух направлениях: правый фланг армии обходил Одессу с запада на Овидиополь, а левый продвигался к городу с севера.

«Мой командный и наблюдательный пункт был походный, — вспоминает дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза В. И. Чуйков. — Мы наступали безостановочно по топкой грязи через Сербку, Благоево, Выгоду, Дальник». Весь этот путь отмечен героизмом и доблестью бойцов и командиров армии. Лейтенант Николай Дзюба в 1941 г., будучи еще рядовым, оборонял Одессу, дал клятву вернуться и теперь с честью выполнял ее, вел свой взвод автоматчиков к берегам Черного моря. На груди у него сверкали орден Отечественной войны за бои у Сталинграда и орден Красной Звезды за бои в Донбассе. Это он со своими бесстрашными автоматчиками ночью первым форсировал Тилигул и, незаметно пробравшись к огненным позициям противника, напал на минометную батарею, уничтожил расчеты и удерживал рубеж, пока вся часть не переправилась через реку и не пришла на помощь.

Под Сербкой завязался жестокий бой. Противник встретил части армии сильным артиллерийским огнем, авиация непрерывно бомбила боевые порядки. На одном из участков батарея капитана Фудюка вступила в единоборство с семью танками, за которыми шли два батальона пехоты. Наводчик первого орудия Григорьев подбил два фашистских танка. Но вскоре орудие вышло из строя, а сам Григорьев был тяжело ранен осколком снаряда. Придя в сознание, он заметил, что у четвертого орудия погиб наводчик. Истекая кровью, Григорьев заменил товарища и подбил еще один вражеский танк, а через минуту упал на станину орудия, раненный вторично. Батарея подбила шесть танков. Гвардейцы поднялись в атаку и обратили противника в бегство...

К исходу дня 6 апреля войска 8-й гвардейской ар-

мии, преодолев все естественные препятствия, непролазную весеннюю распутицу и яростное сопротивление врага, подошли к Хаджибейскому лиману. Это была серьезная водная преграда. Самая узкая часть лимана в этих местах достигала 800 метров, а глубина местами доходила до 2 метров. Фашисты имели все основания рассчитывать, что именно здесь им удастся закрепиться на правом берегу, выиграть время и организовать оборону Одессы. Но в ту же ночь через лиман переправились усиленные отряды разведчиков, а на рассвете — главные силы армии. После тяжелого боя, длившегося целые сутки, передовые части овладели Выгодой.

Нелегким был путь и частей армии, двигавшихся на Одессу со стороны Овидиополя. Шоссе стало ареной жестокой схватки армейских артиллеристов с танками противника. Только в районе Татарки гвардейцы полка, которым командовал подполковник М. С. Шейкин, отразили шесть контратак противника. В противотанковой батарее полка каждый снаряд был на счету, поэтому артиллеристы открывали огонь только с ближних дистанций. С исключительной выдержкой действовал командир расчета сержант Петр Фитаев. На него шло 18 танков. Сержант подпустил их поближе и открыл огонь прямой наводкой. Первым снарядом он подбил головную машину. Прогрели еще три выстрела — и еще три танка остановились и задымили. На плечах отступающих вражеских частей полк ворвался в Татарку, где захватил в плен более тысячи гитлеровцев...

6-я армия генерала И. Т. Шлемина и 5-я ударная армия генерала В. Д. Цветаева двигались на Одессу от Николаева и Очакова, вдоль побережья Черного моря. На их пути также лежали многочисленные преграды — лиманы, заливы, балки, заполненные талой водой. Перешейки между ними были превращены противником в сильные оборонительные рубежи. Наступающие части подвергались ударам фашистской авиации и артиллерии. Но советские воины, бросаясь в холодные воды лиманов и заливов, взламывали оборону противника на перешейках и буквально выдавливали его из укреплений.

Когда войска 5-й ударной армии подошли к Тилигульскому лиману, ширина которого здесь достигала трех километров, противник открыл сильный артиллерийский огонь. Остервенело бушевал ветер со снегом. Но бойцы

собрали рыбацьи лодки, связали плоты, под огнем врага высадились на противоположный берег и захватили плацдарм. В другом месте они форсировали Тилигульский лиман вброд. Многие воины погибли под огнем противника, так и не дойдя до противоположного берега. Но те, кто дошел, кто одолел и бушующий лиман, и смертельный огонь врага, с ходу, в обледеневшей одежде, вступили в бой и захватили узкую полосу земли на берегу. Они стойко отражали контратаки противника, пока все части не переправились и не разгромили врага. А сколько их было, таких лиманов, на пути у солдат: Малый Аджалыкский, Большой Аджалыкский, Куяльницкий, Хаджибейский...

Трудные погодные условия и удаленность базирования затрудняли действия 17-й воздушной армии. Тем не менее она оказывала существенную помощь войскам, нанося удары по опорным пунктам, переправам, железнодорожным узлам и отходящим колоннам противника, его морским транспортным средствам.

Авиация и корабли Черноморского флота своими действиями на морских сообщениях противника срывали его эвакуацию морем, наносили удары по портам Констанца и Сулин, затрудняя их работу по снабжению фашистских войск. Десантники-черноморцы, высаживаясь на побережье, активно содействовали наступающим армейским частям. В ходе Одесской операции силы флота в море и портах потопили 16 быстроходных десантных барж, 4 транспорта, 12 сторожевых и торпедных катеров и другие корабли и суда.

Войска фронта, действуя по единому плану, решая конкретные задачи на своих участках, разгромили крупные силы противника и, преодолев многочисленные водные преграды, в неимоверно трудных погодных условиях утром 9 апреля вышли на исходный рубеж штурма Одессы.

Перед бойцами лежали истерзанные оккупантами окраины города, виднелись городские корпуса, крыши жилых кварталов. Они знали, что враг будет обороняться с яростью обреченного. Но они также знали, что все самые лучшие здания города, в том числе и гордость отечественного зодчества Оперный театр, портовые сооружения, заводы заминированы, что гитлеровцы продолжают грабить, истязать и расстреливать жителей. Фашистские ван-

дали хотели превратить город в пепелище и развалины. «Значит, надо наступать как можно быстрее, атаковать стремительно, спасти город от полного разрушения, а жителей от дикого грабежа и уничтожения», — говорили советские воины. Во всех подразделениях состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых принимались резолюции, выражавшие высокий наступательный порыв бойцов, их патриотические чувства. Перед штурмом было принято решение: артиллеристам — не обстреливать город, бить только прямой наводкой по технике и живой силе врага, летчикам — не бомбить городские кварталы.

320-я Енакиевская дивизия генерала И. И. Швыгина 9 апреля уже вела бои в промышленном районе города — на Пересыпи. Вечером генерал-майор Швыгин приказал сформировать группу разведчиков из самых отчаянных бойцов, которая бы прорвалась в Одессу, создала панику в тылу фашистов и тем самым помешала разрушению города, порта и эвакуации войск противника. К 22 часам группа разведчиков во главе с самим генералом под покровом темноты бросилась в атаку и ворвалась в порт. И. И. Швыгин по радио доложил об этом командующему 5-й ударной армией В. Д. Цветаеву. В район порта подошло подкрепление, и вскоре его территория была очищена от врага. Затем без артиллерийской и авиационной подготовки соединения 8-й гвардейской, 6-й и 5-й ударной армий и конно-механизированная группа одновременно начали штурм с разных направлений. Всю ночь на улицах Молдаванки, в пригороде Кривая Балка и на западных окраинах Одессы шли бои. Особенно упорное сопротивление противник оказал на приморских улицах и в порту. Но уже к утру 10 апреля части 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы пробились к Дерибасовской улице, вырвались на берег Черного моря у Малого, Среднего и Большого Фонтанов.

Значительную помощь войскам в освобождении города оказали партизаны и подпольщики Одессы. Выйдя из катакомб, они вступали в открытые схватки с врагом, уничтожали отряды подрывников, пытавшиеся разрушить город. В районе Ближних Мельниц патриоты подожгли склад боеприпасов противника. Несколько ранее они пустили под откос воинский эшелон.

Еще 4 апреля партизаны Усатовского отряда совершили дерзкую вылазку из катакомб, перебили конвой и

спасли 60 советских граждан, которых гитлеровцы вели на расстрел. Они участвовали в непрерывных боях с отступавшими к Одессе вражескими войсками, а в ночь на 10 апреля партизанская группа во главе с К. Н. Сербулом и Н. Д. Голубенко соединилась с советскими частями и приняла участие в уличных боях.

Куяльницкий партизанский отряд под командованием Л. Ф. Горбеля 9 апреля в ожесточенном бою уничтожил подрывную команду противника, пытавшуюся взорвать Хаджибейскую дамбу, чтобы затопить Пересыпь и задержать советские войска у стен города.

7 апреля разведка партизанского отряда Ленинского района, находившегося в катакомбах поселка Кривая Балка, установила, что в поселке полицейские начали грабить мирное население. Группа партизан во главе с Александром Терзиманом захватила мародеров вместе с награбленным имуществом, пресекла грабежи. На допросе полицейские показали, что в помещении психиатрической больницы размещается большой отряд полиции, прибывший из Николаева. Выделенная группа из 45 партизан и словаков под командованием Терзимана сняла посты и захватила в плен 66 полицейских и 5 районных начальников николаевской полиции. В ночь штурма Одессы партизанский отряд помог воинским частям очистить от фашистских захватчиков территорию Пересыпи и Слободки и взял под свою охрану предприятия Ленинского района.

Два дня партизанский отряд Ленинского поселка под руководством отважного парашютиста Емельяна Баркалова вел бой с крупной фашистской воинской частью. Гитлеровцы применили против партизан артиллерию, броневики и вынудили их отойти в катакомбы. После этого фашисты схватили и заперли в сарай всех женщин, стариков и детей Ленинского поселка как заложников, требовали, чтобы партизаны сдались, и пустили в обнаруженный вход в катакомбы газы. Но партизаны не дрогнули. Ночью по другому ходу отряд вышел на поверхность, в смелой атаке разгромил вражескую воинскую часть, освободил заложников, а с утра, соединившись с передовыми советскими частями, принял участие в преследовании вражеских арьергардов и очищении Ленинского поселка от остатков фашистских войск.

Наиболее эффективно действовал партизанский отряд Ильичевского района города Одессы, насчитывавший поч-

ти 300 бойцов. Командир отряда С. И. Дроздов и комиссар Д. И. Овчаренко с подходом советских войск к Одессе решили перекрыть огнем основные улицы, не дать возможности фашистскому командованию маневрировать своими силами и организовать сопротивление в городе. По Балковской улице в сторону станции Одесса-Сортировочная непрерывным потоком шли вражеские автомашины. Вечером 9 апреля, пользуясь темнотой, объединенная группа партизан и словаков-антифашистов вплотную подошла к этой магистрали и дружным огнем ударила по автоколонне. Загорелись машины, начали взрываться снаряды и мины, в панике заметались гитлеровцы. В это время к месту боя подошла вражеская пехота. В неравной схватке погиб словак-антифашист Ян Павлик, были ранены командир словацкой группы Михаил Кончитый и сержант Юлиус Якуб.

Под натиском превосходящих сил врага партизанам пришлось отойти в катакомбы. Но в полночь они снова вышли наверх и, преследуя отходившего противника, нанесли ему значительный урон. В ночь освобождения города патриоты уничтожили до 300 гитлеровцев. Партизанские отряды отбили у врага и передали потом советскому командованию 180 автомашин с оружием, боеприпасами и продовольствием. Они укрыли в катакомбах до 20 тысяч человек населения, спасли от уничтожения ряд предприятий и общественных зданий и 10 тысяч советских граждан от угона на фашистскую каторгу. Советские патриоты в те дни с новой силой показали, что славная своими революционными традициями Одесса не покорилась захватчикам. В дни оккупации в городе действовало 5 партизанских отрядов и 45 подпольных патристических групп.

Нет меры, которой можно было бы измерить мужество советских воинов, нет числа подвигам, совершенным ими при освобождении Одессы. Отважно действовал на подступах к юго-западной окраине города прославленный сталинградский снайпер Василий Зайцев. В районе джутовой фабрики он повел свою роту зенитчиков в атаку и, взаимодействуя со стрелковой ротой лейтенанта Владимира Бурбы, захватил военный аэродром. Удар был настолько стремительным, что базировавшиеся на аэродроме эскадрильи истребителей не успели взлететь.

Гвардии рядовой Баркатов заменил в бою тяжелора-

неного командира взвода и повел воинов в атаку. Он успешно управлял взводом до полного освобождения города.

Стрелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Мухажира Уммаева отразила на ближних подступах к городу три ожесточенные контратаки противника. Вместе с ротой Уммаев одним из первых ворвался на окраину Одессы и в ожесточенной рукопашной схватке лично уничтожил 18 гитлеровцев. Преследуя отступающего врага, рота на окраинах и в центре города уничтожила более 300 вражеских солдат и офицеров...

«Наша артиллерийская батарея представляла собой дружную многонациональную семью, — вспоминает майор запаса И. С. Казиханов. — Комбат Н. И. Другаль был с Полтавщины, командиры взводов А. М. Янбухтин — татарин, А. А. Саркисян — армянин. Вот состав только расчета первого орудия: командир — украинец Иван Бабенко, наводчик — азербайджанец Ибрагим Мамедов. Николай Александров и Виктор Болотов — русские, Захир Губайдулин — татарин, Михаил Газава — грузин, Мухамед Джабубаев — казах. Прямой наводкой мы уничтожали огневые точки врага, давая возможность пехоте двигаться вперед».

Первыми ворвались в центр города бойцы 248-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник Н. З. Галай. Оперный театр был заминирован, но партизанам удалось перерезать проводку, а саперы дивизии тщательно проверили в нем каждый закоулочек, обезвредили и вынесли мощные мины замедленного действия.

Когда бои затихли, тысячи ликующих жителей города вышли на улицы и площади. Они обнимали воинов-освободителей, вызывались быть проводниками, шоферами. Женщины и старики, вооружившись чем попало, отыскивали спрятавшихся на чердаках и в подвалах гитлеровцев и сдавали их советским воинам. Жители выносили на середину улицы столы и угощали своих освободителей всем, что у них было. Многие юноши осуществили свою мечту — стали солдатами, чтобы принять участие в окончательном разгроме врага. Как юный патриот Женя Рымарчук, предъявивший командиру полка вместо удостоверения личности комсомольский билет, который он сумел сохранить все годы оккупации. Как бывший воспитанник детдома Яша Савченко, в шестнадцать лет ставший пар-

тизаном. Оба они с частями Советской Армии дошли до Берлина.

По улицам уже шли от дома к дому советские саперы, оставляя после себя лаконичные надписи: «Проверено. Мин нет». А между тем по приказу полковника Галая командиры полков 248-й дивизии выделили по одному наиболее отличившемуся в бою за Одессу батальону. В полдень у Оперного театра батальоны выстроились в развернутую колонну и замерли по команде «Смирно». Командир дивизии, получившей потом в числе многих других частей и соединений почетное наименование «Одесская», вместе с командирами полков и знаменосцами вышел на балкон театра и в торжественной тишине водрузил алое знамя.

В тот же день в честь освобождения Одессы Москва от имени Родины салютовала 24 залпами из 324 артиллерийских орудий. Отличившиеся в боях за город части и соединения удостоились орденов, гвардейских званий, а 27 из них получили почетное наименование «Одесские». Подвиги многих тысяч бойцов и командиров были отмечены высокими правительственными наградами. Лишь в марте 1944 г. Советское правительство наградило орденами и медалями более 13 тысяч воинов — освободителей Одессы.

Боль утрат и гнев к фашистским варварам переполняли сердца воинов, увидевших руины Одессы — крупнейшего индустриального центра и первоклассного порта страны, города передовой культуры и города-курорта. Хотя советским войскам и партизанам удалось спасти основную часть города, но фашисты нанесли ему огромный ущерб: уничтожили многие заводы и фабрики, разрушили морской порт, 17 больниц и поликлиник, 55 детских яслей, 29 санаториев, взорвали и сожгли 2290 крупных построек, представлявших большую архитектурную и историческую ценность, ограбили музеи. Гитлеровцы за время оккупации замучили, повесили и расстреляли в городе и области до 200 тысяч человек.

Б. П. Давиденко, председатель горисполкома в дни обороны и в период восстановления Одессы, вспоминает: «На многих улицах дымились скелеты домов, возвышались горы камня, в стенах зияли провалы. Более чем на 1250 миллионов рублей ущерба нанесли фашисты городскому хозяйству... Поздно ночью приехал я из объезда по

городу в горисполком, который тогда временно находился на улице Льва Толстого. И первое постановление, которое было принято, а затем вывешено 11 апреля в городе, посвящалось возобновлению работы на промышленных предприятиях и в учреждениях города».

Трудящиеся Одессы на многочисленных митингах и собраниях выразили горячую благодарность Советской Родине, Коммунистической партии, воинам фронта и морякам-черноморцам за избавление от фашистского ига и поклялись внести свой вклад в окончательный разгром врага, как можно быстрее восстановить родной город. «Одесса возродится из пепла и развалин, Одесса будет краше, чем была!» — заявляли они. Уже во второй половине дня 10 апреля, когда еще слышны были залпы орудий, начались восстановительные работы в порту.

Очень скоро улицы были очищены от обвалившихся зданий, зияющие пробоины в стенах заделаны камнем, в окнах засверкали стекла. За 25 дней были восстановлены взорванные врагом водопровод и электростанция — город получил воду и электроэнергию. Одно за другим входили в строй промышленные предприятия, давая фронту продукцию. Ожил Одесский порт, принявший уже в начале октября первые пароходы — «Калинин», который 16 октября 1941 г. последним уходил из Одессы, «Димитров» и «А. Серов». Крупнейшие океанские суда встали на одесском рейде.

Подвиг Одессы осенью 1941 г., ее освобождение весной 1944 г., ее возрождение из руин, как и в целом великая Победа советского народа над фашизмом, имеют своими истоками животворный советский патриотизм, нерушимое единство партии и народа, величайшую силу коммунистических идей и объясняются знаменитыми словами великого Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Глава десятая

«ПОМНИМ, СЛАВИМ, ГОРДИМСЯ!»

Прошли годы и десятилетия. Героическими усилиями Коммунистической партии и советского народа страна за-лечила тяжелые раны, нанесенные войной, восстановила народное хозяйство, подняла из руин и пепла города и села и, уверенно устремившись вперед по пути созидания, добилась грандиозных, всемирно-исторических успехов в коммунистическом строительстве. Благодаря щедрой помощи многонациональной Отчизны и самоотверженному труду трудящихся города Одесса за короткое время преодолела последствия войны и превратилась в современный крупный промышленный, научный и культурный центр. Уже в 1948 г. промышленное производство в городе достигло довоенного уровня. Одессе помогали судоремонтники Ленинграда и Баку, московские и горьковские станкостроители, металлурги Днепропетровска и Кузнецка, шахтеры Донбасса и лесорубы Карпат, сотни и тысячи производственных, научных и культурных коллективов страны. Помогали не только восстанавливать, но и создавать новое — возникли нефтеперерабатывающая, химическая, автомобильная отрасли, которых раньше в Одессе не было, вступили в строй десятки новых крупных предприятий. Объем промышленной продукции города ныне превышает довоенный уровень почти в десять раз. Сотни изделий одесских заводов и фабрик удостоены государственного Знака качества, что свидетельствует о технической зрелости и высокой творческой активности одесских рабочих, инженеров и техников. Первоклассные станки, машины, приборы и другие изделия создаются ими при научно-техническом сотрудничестве с коллективами всех советских республик и поставляются не только пред-

приятиям СССР, но и в 80 стран мира. В рамках экономического сотрудничества Советского Союза с государствами социалистического содружества неуклонно развиваются деловые связи Одессы с рабочими коллективами Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, Чехословакии, Румынии, Кубы. Продукцию одесских предприятий охотно покупают многие развивающиеся страны, а также развитые капиталистические государства — Япония, Англия, Франция, ФРГ, Италия и другие.

В 1944 г. в Одессе побывали американские специалисты. Увидев разрушения порта, они закачали головами: «Это надолго. Это очень надолго!» Но прошло всего шесть лет, и Одесский порт не только достиг своей довоенной мощности, но и значительно превысил ее. А к 30-летию освобождения Одессы от оккупантов это превышение по грузообороту стало семидесятикратным. Ордена Ленина Черноморское морское пароходство, главной базой которого является Одесский порт, — одно из крупнейших в стране. Его суда (а их более 250) знают в трехстах портах семидесяти стран мира. Пароходство постоянно пополняется новыми, все более совершенными судами. Только за девятую пятилетку оно получило 53 сухогруза общей грузоподъемностью более миллиона тонн и 6 высококомфортельных пассажирских лайнеров.

Черноморцы, как и все моряки советского торгового флота, самоотверженно выполняют свой патриотический и интернациональный долг. Они упорно трудятся над осуществлением народнохозяйственных заданий. Совершая международные рейсы, они чувствуют себя на переднем крае борьбы с агрессивными силами империализма. Им нередко приходится подвергаться открытым выпадам, ударам и политическим провокациям врагов мира и международной безопасности. Здесь можно вспомнить и опасные облеты советских судов, и неожиданное появление мин на их пути, и незаконные задержания и даже бандитские нападения на транспорты, как это было с «Ильей Мечниковым», потопленным израильскими агрессорами. Но черноморские моряки в любых, самых сложных ситуациях высоко держат знамя своей страны, достойно представляют Советскую державу за рубежом. Настоящими героями они показали себя в период карибского кризиса, в рейсах во Вьетнам, особенно во время прорывов в блокированный Хайфон и бомбардировок его американ-

ской авиацией. В Хайфоне погиб выпускник Одесской мореходной школы комсомолец Юрий Раззуваев, гасивший пожар, который угрожал существованию всего порта. А сколько мужества проявили экипажи черноморских судов, блокированных в Хайфоне, зажатых между грохочущим под бомбежкой пылающим берегом и выставленными американцами минными полями!

Одесса любит море, с которым связан труд более 60 тысяч горожан. Но за послевоенные годы изменилось и само понятие морского труда. Раньше море одесситами использовалось в основном для перевозок, теперь же в городе успешно развиваются и новые отрасли морского хозяйства. В 1946 г. ушла в первый рейс китобойная флотилия «Слава». Через несколько лет ее сменила более совершенная в техническом отношении флотилия «Советская Украина». На вооружении одесских моряков ныне находятся также рыбопромысловая база «Восток» — флагман черноморского рыболовного флота, флотилия гидрографических судов, корабли метеорологической службы.

Заметно меняется и облик самого города. Одесса растет вширь и ввысь. По сравнению с 1913 г. ее территория увеличилась в пять раз. Рядом с замечательными произведениями зодчества прошлого и начала нынешнего века, такими, как Оперный театр, филармония, здания городского Совета, Музея западного искусства, рядом с архитектурными ансамблями Дерибасовской и Пушкинской улиц, на Пролетарском бульваре, на улицах Ленина, Белинского, Островидова взметнулись многоэтажные дома. Выросли благоустроенные новые поселки — Таирова, Котовского, Юго-Западный. Весной 1974 г. из Городского района выделился в самостоятельный город областного подчинения Ильичевск с 40-тысячным населением, но уже в январе 1975 г. в семье рабочего родился миллионный одессит.

За последние годы Одесса еще больше утвердила свой авторитет крупного культурного и научного центра. В 16 вузах и 30 средних учебных заведениях обучается свыше 120 тысяч студентов — почти в пять раз больше, чем до войны. Во все области знаний ученые Одессы вносят весомый вклад: решают важнейшие проблемы в области техники и медицины, селекции сельскохозяйственных культур, биологии южных морей и микробиологии, химии и физики, астрономии и общественных наук. Имен-

но наличие опытных научных кадров и позволило создать здесь Южный научный центр Академии наук СССР. Крупнейший из одесских вузов — ордена Трудового Красного Знамени Политехнический институт. Старейший вуз — ордена Трудового Красного Знамени Университет имени И. И. Мечникова. От него в разное время отпочковались Медицинский, Строительный, Народного хозяйства, Педагогический, Сельскохозяйственный институты.

Среди научно-исследовательских учреждений Одессы, а их несколько десятков, конечно же, в первую очередь следует назвать Институт глазных болезней и тканевой терапии имени В. П. Филатова, признанный центр советской офтальмологии. Еще в 1949 г. Владимир Петрович Филатов произвел тысячную операцию по пересадке роговицы. Ученикам своим ученый оставил в наследство великодушное качество: стремление к дерзанию и экспериментированию. Когда был открыт лазер, среди отраслей, где его применение исключалось, первой шла медицина. Однако ученики Филатова начали экспериментировать и с лазером. Сегодня в институте уже есть не только экспериментальная лаборатория, но и кабинеты, где лечат лазером.

Следующим в списке научно-исследовательских учреждений по своему значению стоит, безусловно, Всесоюзный селекционно-генетический институт. Здесь работают Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинской премии академики Федор Григорьевич Кириченко, Прокофий Фомич Гаркавый. Сорты пшеницы, ячменя, кукурузы, выведенные в институте, получили широкое распространение.

Невозможно в небольшой книге назвать всех тех ученых, которые в разное время работали в Одессе, как нельзя упомянуть и всех деятелей культурного фронта, творивших здесь: список выйдет огромным. Одесситы особенно гордятся тем, что среди них начинал свой путь ученого и Сергей Королев, с именем которого связаны выдающиеся космические достижения Страны Советов. В Одессе росли и учились Георгий Добровольский, Георгий Шонин, здесь жили и другие космонавты.

В Одессе шесть театров, филармония, цирк. Богата и разносторонняя музыкальная жизнь города. Тон задают консерватория, музыкальное училище, многочисленные

музыкальные школы, в том числе школа имени Столярского с ее богатейшими традициями.

В Одессе работают более ста художников и более пятидесяти членов Союза писателей Украины. Плодотворно трудится коллектив Одесской киностудии.

В любое время года в Одессе много приезжих. В этом нет ничего необычного. Одесса — крупнейший транспортный узел: сюда ведут морские, железнодорожные и автомобильные магистрали, сюда протянулись, как реки к морю, десятки авиационных линий. Одесса — город-курорт, в ее 74 здравницах, пользующихся большой и заслуженной славой, ежегодно отдыхают и лечатся свыше 300 тысяч советских тружеников.

Летом в городе с миллионным населением людей бывает почти в полтора раза больше. Среди приезжих не только наши соотечественники, но и много иностранцев. И в этом тоже нет ничего необычного: Одесса — южные ворота нашей Родины, у ее причалов швартуются суда под флагами почти всех стран мира, почти ежедневно в порту высаживаются «десанты» туристов. В 16 вузах Одессы вместе с советскими студентами обучаются более двух тысяч юношей и девушек из 70 стран мира.

У Одессы множество городов-побратимов: Ливерпуль и Варна, Иокогама и Триполи, Констанца и Сплит, Генуя и Марсель... Посетив в октябре 1971 г. Марсель, товарищ Л. И. Брежнев в своем выступлении в мэрии сказал: «Всех нас радует, что советский город Одесса стал породненным городом с Марселем. Мы приветствуем это и хотим, чтобы эта традиция братской дружбы стала вечной». С тех пор дружба и сотрудничество Одессы и Марселя стали еще теснее и плодотворнее...

Одесситам есть о чем рассказать и есть что показать гостям. Они достойно представляют наш советский образ жизни, советских людей — патриотов и интернационалистов, борцов за великие идеалы коммунизма.

Одесса помнит!

Откуда бы вы, читатель, ни шли, ни ехали, ни летели в Одессу, первыми вас встретят обелиски Пояса Славы, на 60 километров протянувшегося там, где осенью сорок первого проходил главный рубеж обороны. Среди бескрайних зеленеющих полей и благоухающих свежестью дубрав устремленные в небо двадцатиметровые монументы в лучах восходящего солнца кажутся огромными факе-

лами, зажженными на местах былых боев. На граните высечены надписи с названиями полков и дивизий, стоявших здесь насмерть. На обелиске у села Гниляково под чеканными профилями солдата и матроса, идущих в атаку, выбиты слова народного поэта Украины Павла Тычины: «Я есть народ, якого правди сила ніким звойована ще не була». Это — на века, на тысячелетия: никем и никогда великая коммунистическая правда нашего народа не была и не будет побеждена!

В канун 30-летия Победы советского народа над гитлеровским фашизмом там, где в дни обороны стояла героическая 411-я береговая батарея, состоялось торжественное открытие мемориального комплекса городу-герою. Выстроились в четком ряду орудия, громившие врага с первого и до последнего часа обороны; поднялись на постаменты бронепоезда и танки, сработанные на одесских заводах в те грозные дни; застыли на бетонных основаниях корабли, защищавшие Одессу с моря, и ощерившийся зенитными пушками трамвай, доставлявший боеприпасы на передний край. Здесь воины Краснознаменного Одесского военного округа, жители города, многочисленные гости встречаются с участниками обороны, партизанского движения и освобождения города, с ветеранами революции и гражданской войны.

Всегда многолюдно в Музее обороны Одессы, в Музее партизанской славы, в Музее истории войск Краснознаменного Одесского военного округа. Посетители надолго останавливаются перед священными реликвиями, перед портретами героев и снимками фотохроники огненных лет.

Сколько же музеев в Одессе? Официальные источники утверждают: шесть музеев, в том числе единственный в стране Музей морского флота СССР, и картинная галерея. Но на самом деле их значительно больше: они есть во дворцах культуры, в вузах и средних школах. Здесь школьники встречаются с ветеранами войны и труда, с передовыми воинами и трудящимися города.

Во всех школах Одессы ежегодно, в апреле, ветераны обороны и освобождения города проводят уроки мужества.

История города — в биографиях людей, история Одессы — в судьбах ее славных сынов и дочерей, в том числе тех восьми человек, которые удостоены звания Почетного гражданина Одессы, — Иллариона Павловича Шестидеся-

того — участника восстания на броненосце «Потемкин»; Бориса Вячеславовича Гумперта — члена партии с 1917 г., активного участника гражданской войны и партизанского движения в годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками; Наума Павловича Гуревича — первого секретаря городского комитета партии в дни обороны; Бориса Павловича Давиденко — председателя горисполкома во время обороны Одессы; Якова Георгиевича Бреуса — командира батальона, защищавшего город; Николая Захаровича Галая — командира дивизии, освобождавшей Одессу от фашистских захватчиков; Петра Пименовича Столпырева — знатного строителя, бригадира комплексной бригады треста «Одесжилстрой»; Ильи Ильича Азарова — бывшего члена Военного совета Одесского оборонительного района.

В названиях улиц и кораблей, в музейных экспонатах, в обелисках и монументах запечатлена благодарная память Одессы о своих доблестных защитниках и освободителях. Но самые прекрасные памятники героям — трудовая доблесть и трудовой героизм современников. У Сухого Лимана, там, где в сорок первом стояли насмерть бойцы Отдельной Приморской армии, а в сорок четвертом стремительно наступали гвардейцы генералов В. И. Чуйкова и И. А. Плиева, вырос новый город-порт Ильичевск, поднялись новые многоэтажные жилые массивы Одессы — Юго-Западный, Таирова, Большой Фонтан. В восточной части города-героя, где в сорок первом сражались моряки полковника Я. И. Осипова, а в сорок четвертом шла ударная армия генерала В. Д. Цветаева, вырос новый город-спутник Одессы — поселок Котовского. На самом правом фланге Пояса Славы, там, где в сентябре сорок первого с кораблей Черноморского флота ринулся на обрывистый берег краснофлотский десант, ведется строительство глубоководного Григорьевского порта, который по своей мощности должен превзойти Одесский и Ильичевский, вместе взятые, и будет крупнейшим в нашей стране.

Одесса славит!

Одесса славит ратный подвиг героев и приумножает его новым трудовым подвигом. Труженики города досрочно завершили план девятой пятилетки и, вдохновленные величием поставленных XXV съездом Коммунистической партии задач, согретые солнцем новой Советской Конституции, уверенно осуществляют задания десятой пятилетки. Примечательно, что первенство в трудовом соревно-

вании, как и в ратном деле в дни обороны, занимают Ленинский и Ильичевский районы города. «Первыми были в суровом бою, первыми будем в трудовом строю!» — под таким девизом вот уже много лет идет соревнование города-героя Одессы с другими городами-героями страны. Многому учатся одесситы у своих боевых побратимов — злобинскому методу домостроительства, щекинскому методу хозяйствования, волгоградской производственной хватке, севастопольской чистоте и киевскому благоустройству города. Но и одесситам есть чем гордиться: многие их трудовые и патриотические начинания, такие, как опыт комплексного соревнования морских, железнодорожных и автомобильных транспортников, как метод работы докеров укрупненной бригадой, одобрены Центральным Комитетом КПСС и находят широкое применение во всех портах и транспортных узлах страны.

Живое творчество масс — социалистическое соревнование выявило новых героев, своими делами прославляющих Родину. И среди них немало тех, кто были первыми в боях минувшей войны, в том числе Герои Советского Союза Владимир Никитич Белоус и Петр Петрович Костецкий, Герой Социалистического Труда Борис Алексеевич Шевченко, бывший в дни обороны Одессы артэлектриком крейсера «Красный Кавказ». Именно они, герои Великой Отечественной, явились зачинателями ударных трудовых вахт в честь знаменательных дат, связанных с историей Великой Отечественной войны. В 1971 г. по инициативе передовых предприятий, отличившихся при обороне Одессы, 73 дня нес город ударную трудовую вахту, в мирном труде повторив героизм военных лет. Потом это стало традицией: в семьдесят четвертом город встал на ударную вахту, посвященную 30-летию освобождения Одессы и области от фашистских захватчиков, в семьдесят пятом нес ударную трудовую вахту в честь 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в семьдесят шестом двадцать пять ударных декад посвятил XXV съезду КПСС, а в семьдесят седьмом нес шестьдесят ударных недель в честь 60-летия Великого Октября. Отлично, рука об руку работают ветераны, их дети и не знавшие войны внуки.

В авангарде трудящихся Одессы, борющихся за выполнение намеченных планов во всех сферах экономики и культуры, идет почти 80-тысячная армия коммунистов

города-героя, один из замечательных отрядов Коммунистической партии Советского Союза.

Одесса гордится!

Гордится своей историей, своим прошлым, настоящим и будущим. Она гордится своей великой страной и ее величайшими достижениями.

Пропагандируя славные революционные, боевые и трудовые традиции советского народа, партийные организации города воспитывают трудящихся в духе великих коммунистических идеалов, в духе решимости и впредь вносить свой достойный вклад в торжество дела партии и народа, в духе готовности защитить социалистическое Отечество от агрессивных действий ее врагов. Крепнет и развивается родившаяся в годы гражданской войны и закалившаяся в суровых испытаниях Великой Отечественной войны нерасторжимая дружба трудящихся города-героя с воинами Краснознаменного Одесского военного округа и Краснознаменного Черноморского флота. Задачи по усилению связей населения, армии и флота обсуждаются на совместных совещаниях секретарей городского и районных комитетов партии и начальников армейских и флотских политорганов. По призыву Героев Советского Союза, проживающих в Одессе, бывшие фронтовики передали имевшиеся у них дорогие реликвии в музеи и комнаты боевой славы. Ветераны войны принимают активное участие в Ленинских чтениях, теоретических конференциях, выступают с лекциями и докладами, проводят политические занятия, беседы у боевых Знамен частей и в комнатах боевой славы.

Частые и желанные гости в воинских частях — делегации передовиков одесских фабрик и заводов,строек, портовых и судовых коллективов. Невозможно представить себе армейскую и флотскую жизнь без постоянного общения воинов с деятелями науки и культуры. Сотни лекций для воинов округа ежегодно читают члены областного общества «Знание». В Одессе и других гарнизонах постоянно проводятся тематические вечера и утренники «Мастера искусства города-героя — воинам округа», творческие отчеты художников, актеров, писателей.

В свою очередь военнослужащие активно участвуют в работе областных, городских и районных партийных и комсомольских организаций, многие из них избраны в состав областного, городского и районных комитетов партии

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая. Истоки	3
Глава вторая. Начало подвига	28
Глава третья. Все для переднего края	53
Глава четвертая. Море и берег	69
Глава пятая. Испытание на стойкость	83
Глава шестая. Контрудар	95
Глава седьмая. «Мы вернемся, Одесса!»	111
Глава восьмая. Борьба продолжается	130
Глава девятая. Освобождение	150
Глава десятая. «Помним, славим, гордимся!»	166

Григорий Андреевич Карев

ОДЕССА — ГОРОД-ГЕРОЙ

Редактор капитан 1 ранга *М. И. Хаметов*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Г. В. Дьякова*
Корректор *Е. К. Гришина*

ИБ № 825

Сдано в набор 14.11.77.

Подписано в печать 28.02.78. Г-12033.

Формат 84×108/32. Бумага № 1. Гарн. общ. нов.

Высокая печать. Печ. л. 5½. Усл. печ. л. 9,240-+

2 вкл. ¾ печ. л. 1,26 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10,623.

Тираж 50 000 экз. Изд. № 2/1027. Зак. 599. Цена 65 коп.

Воениздат

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

25.00

